

Юрий Колонтаевский

ХРОНИКИ ИССТУПЛЕННЫХ

КНИГА ПЕРВАЯ

НАД ОСТРОВОМ ЧЕРНЫЙ ЗАКАТ

Хроники исступлённых

Юрий Колонтаевский

Над островом чёрный закат

«Моя Строка»

2018

Колонтаевский Ю.

Над островом чёрный закат / Ю. Колонтаевский — «Моя Строка», 2018 — (Хроники исступлённых)

ISBN 978-5-9965-0382-7

Мир, представленный в хрониках, не является вымыслом. Присущие ему черты вполне осуществимы и во многом соответствуют уже принятым в человеческом муравейнике или еще только прорастающим побегам зла — при всеобщем попустительстве. Со временем жители Земли, как ни крутись, испытают на собственной шкуре эти возмутительные, но настойчиво зреющие новации. Мы же, живущие одним днем, никак не можем поверить, что наш обманчиво мирный горизонт уже окрашен в мрачные цвета грядущей катастрофы.

ISBN 978-5-9965-0382-7

© Колонтаевский Ю., 2018

© Моя Строка, 2018

Содержание

1	5
2	10
3	18
4	26
5	31
6	35
7	43
8	46
9	51
10	54
11	59
12	65
13	69
14	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Юрий Колонтаевский

Над Островом чёрный закат

1

Гул сдержанных голосов наполняет приемную Владетеля – предстоит очередной отчет, скромно именуемый встречей с глазу на глаз.

Тех, кому велено быть непременно, вызвали уважительно – извещением, непосредственно в руки врученным.

Присутствуют также незванные, но немного. Иного привел частный вопрос, не терпящий отлагательства, иной же, не дожидаясь, когда дорастет чином до званого, объявился сам, чтобы, не искушая судьбу, отметить ненавязчиво, на глаза Владетелю показаться нарочно – оживить в памяти господина, что все еще жив и надеется жить дальше, что должность, к которой приставлен, блюдется исправно.

Неотвязная мысль давит каждого: с отчетом тянуть не следует. Вопросы копят незаметно, исподволь. Стоит замешкаться, как сама собой возникает неопределенность, и вместе с ней растет напряжение. Жизнь того и гляди остановится и, если продлится, то уже по инерции – вяло, неуправляемо, а там рванет костылять на спад. Как потом оживить засыпающий механизм, сколько сил придется потратить, какие поползновения выдержать? Потому терпят, покорно стеснившись плечом в плечо, – испокон привыкли терпеть.

Спустя час ожидания, кто-то молодой и спешный, не стерпев неподвижности, произносит отчетливо:

– Чую, сегодня приема опять не будет – недомогает наш господин...

Сразу не понять, откуда исходит дерзкая мысль, изреченная вслух. Однако молву подхватывают – принимают к сведению, озаботившись крепко, присмирив. Но про себя рассуждают, осторожно склоняясь к тому, что собрали опять не по делу, больше на всякий случай, дабы не расхолаживались без надзора.

Суетливые стукачи, уловив оживление, подобравшись, принялись. Ведомо всем, что этих господ всюду в достатке, а уж в приемной Владетеля просто невпроворот – немудрено при общем-то сборе.

Большого приема на самом деле не было полвесны – Владетель хворал. Доносили осведомленные, что он и теперь не вполне здоров, что лечение не идет впрок.

Между тем время бежит – неумолимо.

Припомнили, что в последние полвесны прием отменяли дважды, так же нестрого назначив. Взялись прикидывать сдержанно, соблюдая приличия, что и на этот раз отменят.

Терпят служивые, внешне являя спокойствие. Однако поджилки трясутся произвольно – душит страх. Каждый, вершащий дела на Острове, испокон твердо усвоил: не отзовешься по собственной воле, повторно не пригласят.

Особенно угнетает высоченная дверь, которую предстоит преодолеть. Знают, за нею таится опасность. Ни с того ни с сего из общения выпадают, невежливо отвлекаясь на пустяки: суетливо высматривают секретаря, тщась проникнуть в замысел загодя, выведать по лицу приближенного робота, каково настроение господина с утра.

Однако робот невозмутим, каменное лицо непроницаемо. Не иначе как в наказание за какой-то проступок отключили в компьютере бедолаги опцию управления мимикой.

Вспоминают, что подобное не однажды случалось. Господин терпелив, всем известно, но, бывает, вспылит с досады, утомившись от пустой болтовни и кривляния, и тогда берегись всякий, кто, не спрятавшись вовремя, попадет под горячую руку.

Но, когда, казалось, приходит предел терпению, заветная дверь отворяется. Из кабинета как ни в чем не бывало выворачивается юнец по имени Герд – свеженазначенный врач господина. Серенький скромный хитон до пят – в глаза не лезет, белоснежный короткий халат поверх облегает узкое тело, белая же высокая шапочка задорно надвинута до правой брови – наискосок. Невзрачное лицо опущено долу. Видно, что деловит мальчишка, сосредоточен. Лишний раз не взглянет в упор, первым слова не вымолвит. Не иначе как человек непростой – облечен доверием господина, избран.

Толпа с готовностью расступается. Герд, отрешенный, шествует к выходу, никого по пути не задев, – поворотлив.

Зычно напоминает секретарь:

– Господин Владелец, до начала приема осталась одна минута. – Следом тянет, жалуясь: – Ну да. Собрались. Поместились все – пришлось потесниться. Много их тут, не пересчитать. Пожалуй, на вторую сотню перевалило. – Оправдывается осторожно: – Да нет, господин, точно не получается. Они ж не стоят на месте, ходят туда-сюда, потому и сбиваюсь. Господин Координатор? Так этот давно замечен. Первым идет? Сейчас объявлю. Внимание! – кричит секретарь. – Первым идет господин Координатор.

Осторожные шаркающие шажки слышатся в тишине. Сквозь раздавшуюся толпу, бочком, кого бы не утеснить невзначай, к двери пробирается господин Великий Координатор – правая рука хозяина, второй человек в государстве исступленных. Узкая двойка черного цвета, давно выпавшая из моды, белоснежная сорочка древнего кроя с забавными пуговками в ряд, черный галстук-шнурок вертикальной линией делит надвое слабую грудь.

Перед тем как ступить на опасный порог, вельможа мешкает, ухватившись за ручку двери и оборотив потускневшее лицо к присутствующим, – в ожидании сочувствия. Не дождавшись, вздыхает, досадливо отмахнувшись вялой рукой, изготавливается.

– Приступайте, – слышен голос хозяина – раздраженный.

Господа обреченно переглядываются – прощаются мысленно, но дурным предчувствиям вопреки тянутся ближе к двери.

– Сегодня кому-то не поздоровится... – возглашает сдавленный голос.

Тяжеленная дверь, пропустив господина Координатора, затворяется за его спиной, напоследок щелкнув.

На народ опускается гнетущая тишина.

– Приветствую вас, господин Владелец. – Натужливый голос Координатора глух и начисто лишен интонаций. – Как здоровье нашего драгоценного? Заметил, с утра вас уже посетил юный врач. Малый довольно шустрый, однако...

Старый человек утонул в глубоком кресле перед массивным рабочим столом. Тяжелая угловатая голова, неловко выпростанная из черного траурного хитона, понуро провисла между острых плеч и упрямо устремлена вперед. Иссохшее, изрубленное морщинами пепельное лицо недвижно – мертво. Сухие темные кисти рук – ладонями вниз расслабленно лежат на столешнице. Пряди прямых серых волос вольно льются на плечи. Видно, что нездоровится господину с утра, знобит, досаждают сухой навязчивый кашель. Одни глаза живут на лице – посверкивают из-под густых нависших бровей. Каждому ведомо: никакая, даже пустячная мелочь не ускользнет от пронзительного хозяйского взгляда.

«Все же говорить Координатора учил робот, – неожиданно подумал старик, и от этой странной мысли ему полегчало. – Спросить непременно – при случае. Не забыть».

– Ты прекрасно знаешь, Платон, – наконец произносит он – каждое слово отчетливо. – Здоровья не бывает много. Врач действительно посещает меня по утрам, верно подметил. Дело в том, старичок, что с недавних пор с малой нуждой мне самому ну никак не справиться. Надобна помощь – лекарь. – Тень скудной улыбки тронула усохшие губы. – И, представь себе, Сенат требует, чтобы непременно с медицинским дипломом. Вот до чего докатился на старости

лет... Крон настаивает на операции. – Владелец слышно вздохнул и продолжал, оживляясь: – Впрочем, что с него возьмешь? Сумасброд известный. Хлебом не корми, дай хоть что-нибудь вырезать... у кого-нибудь. Но... соглашусь, пожалуй. – Он молчит. Заискала глаза собеседника, не нашел. Недовольно хмыкнул. – А скажи-ка ты мне, Платон, только честно, тебя еще не тревожит стыдная хворь стариков?

– Вроде нет, – сдержанно отзывается Координатор. Его старое голое лицо выражает обиду. Он смущенно вздыхает. – Пока не жалуясь – сам управляюсь.

– Надо же... И здесь обошел, – притворно проворчал Владелец. Кривятся в скупой усмешке сухие губы. – Старина, да ты у нас везунчик, – воскликнул он. – Теперь так буду звать тебя. Не возражаешь? – Замолчал. Спыхватившись, повторил грустно: – Везунчик... – и продолжал, рассуждая: – Подумай, как же несправедливо устроена жизнь. Одним здоровье в избытке, причем совершенно даром, другим – бесконечные хвори. И что обидно, пока не перепробуешь все, какие только есть на свете, не остановишься... – Помолчав, заключил с напором: – А ты не вредничай, не держи в себе, поделись со старым приятелем, почему тебе так везет? Жена у тебя на зависть, дочка красавица... На выданье.

Ответа не последовало.

«Обиделся, – решил Владелец. – Теперь замолчит надолго».

– Ладно, не бери в голову. Это я так, для разминки и сокращения дистанции. Чтобы малость расслабиться. Посуди, столько дней вокруг одни лекари, процедуры, таблетки, ни дна им, ни покрышки... Не обижайся на старика – никогда. Присаживайся поближе, займемся делами. Припоминаю, очередное заседание Сената предполагалось посвятить актуальным проблемам Континента. Кстати, с твоей подачи. Основной доклад был поручен тебе – самому из нас компетентному. С тех пор миновала неделя. Доклад, надеюсь, готов?

– Разумеется, – выдохнул Координатор и опустился на краешек стула.

– Ты в порядке? – произнес Владелец резко, застигнув врасплох.

– В порядке, – тихо отозвался Координатор и поднял тусклые глаза. Но ненадолго.

– Чую, ты не в себе. Неужто опять что-то стряслось?

– Ничего такого, о чем стоит говорить. Просто устал, нездоровится. После Сената хочу пару дней отдохнуть. Поеду в горы, на свежий воздух. Не возражаете?

– Ну, какие могут быть возражения? Конечно, поезжай. Однако... дело не ждет. Давай-ка теперь же, как заведено, предварительно обсудим основные тезисы твоего доклада. Приступай. Слушаю тебя с предельным вниманием.

Доклад краток, отработан до запятой. Координатор без запинки излагает текущие задачи провинции. Со знанием дела перебирает хозяйственные мелочи, подробно останавливаясь на достижениях в строительстве объектов инфраструктуры. Напоследок сетует: вконец измучили задержки бюджетного финансирования на ремонт дорог и особенно на совершенствование народного образования. Последнюю проблему он выделяет уже от себя – особо, не по докладу. И сразу же предлагает кардинальное решение:

– Мы тут подумали... Словом, можно прилично сэкономить, если внять дельным предложениям министра культуры. Внедрить наконец в школах Континента двухлетнее базовое обучение. В ведомстве Стора прикинули экономические последствия такой реформы – выгода выйдет изрядная...

– Ты речешь о реформе? – возвысил голос Владелец. – Что за реформа такая? Сделай одолжение, поясни ее суть – для начала. Зачем нам эта реформа? О предложении Стора слышу впервые.

– Если кратко, – принялся объяснять Координатор, – Стор предлагает исключить из школьной программы естественнонаучные дисциплины, утверждая, что никто из ученых так и не усмотрел пользы в изучении этих наук. А вот противное и доказывать нет нужды: материал,

который мы получаем из школ, на практике эти знания не использует. Особенно худо усвоенные. Следовательно, наши расходы бесполезны – они не сулят никакой выгоды...

– Материал? – переспросил Владелец – зацепился. – Интересно знать, кого ты так имеешь? Неужели говоришь о выпускниках?

– Ну да, – подтвердил Координатор и немедленно сообразил, что, похоже, попал впросак.

– А что, по-твоему, остается... материалу? – холодно спросил Владелец. Душная волна гнева поднялась в нем, но он не поддался. – Уверен, однажды вы с этим недоумком Стором договоритесь до того, что школы на Континенте неплохо было бы упразднить. Экая пруть! Надо же, экономическая целесообразность! Понимаю, так вам удастся окончательно похоронить мучительные потуги совершенствования образования – нечего будет совершенствовать. Не такой ли путь предлагаете? Но тогда скажи мне, Платон, что вы оставляете детям? И без того обездоленным? Изучение Закона?

– Изучение Закона прежде всего, – осторожно подтвердил Координатор, еще не понимая, что капкан сработал. Но остановиться он уже не мог, его несло к спасительному берегу. – Разумеется, в первую очередь наиболее эффективной его части – раздела о наказаниях.

– А это еще зачем? – спросил Владелец, отходя помалу.

– Затем, что необходимо с пеленок вдавливать в тупые головы плебеев те параграфы главного документа, что относятся к ним непосредственно, – убежденно и скоро объяснил Координатор. – Чтобы на всю жизнь запечатлелись в сознании.

В запале, забывшись, он взялся колотить сухим кулачком по столешнице, показывая, как следует вдавливать, – энергично.

– Никогда не подозревал, что положение о наказаниях нужно изучать, – произнес Владелец. В его голосе зародилась тоска. Он помолчал, но встрепенулся, ожил, проговорил: – Применять – понятно, а изучать... Сделай одолжение, поясни, с какой целью?

– Плебей должен четко знать границы...

– Хорошо, – согласился Владелец. – Осваивать Закон следует, не спорю. Государственная постанова. Я говорю о другом – об урезании программы. – Он на мгновение остановился. Помолчал. И продолжал непреклонно, грубо: – Так вот. Чтобы больше не заикались об этой реформе. Моего согласия не дождетесь. И не мечтайте. Ишь, размечтались. Уверен, уже успели предпринять шаги... в качестве эксперимента, как взяли манеру выражаться в последнее время. Отвечай, успели?

– Успели, – признался Координатор сдержанно. – Начали с территории славов.

– Надеюсь, дело не зашло слишком далеко? Еще можно остановить процесс? Так вот. Потрудитесь немедленно воротиться вспять – на исходные. К твоему сведению, плебеи тоже люди, если к ним присмотреться. К тому же за их права пока есть кому постоять. – Он замолчал, остывая. – Ну, а серьезные сложности? Или опять спохватимся, когда возьмут за горло?

– Давно назревает одно узкое место, а теперь начинает беспокоить, – неуверенно выговорил Координатор. – Последние весны в шахты спускается все меньше молодой смены. Естественную убыль еще удастся поддерживать в разумных пределах, а вот с рождаемостью хуже – падает неуклонно, опережающими темпами, так сказать. До двух процентов за весну. Можно представить, с какими неприятностями мы столкнемся в ближайшем будущем.

– Численность населения вопрос наиважнейший, – помолчав, заговорил Владелец. – И, к сожалению, довольно противоречивый. Близится время, когда мы будем вынуждены основательно пересмотреть сами принципы формирования численности. Ты прекрасно знаешь, что живых людей с их вызывающим разгильдяйством могут заменить автоматы – спокойно, с ничтожными единовременными расходами. Посуди сам, зачем нам такая прорва плебеев? Каждого накорми, причем регулярно, трижды в день. Каждому вынь да положь занятие по силам и способностям. Предоставь крышу над головой. Обереги от крамольных мыслей, которые так и прут из человека. Особенно на пустой желудок. Нам никак без этих забот? Куда

проще продолжать совершенствовать роботов. Особенно с тех пор, как ученым, наконец, удалось отработать совершенную мышечную ткань, управляемую электрическим током. Вы же продолжаете назойливо твердить: государству грозит утрата рабочего класса. Как сговорились. Полнейшая чепуха. Общие слова, рассчитанные на людей с неустойчивой психикой. Мы легко обойдемся, удерживая ту численность нашего населения, к которой привыкли сегодня. Разумеется, исключая сферы жизни, где роботы никогда не будут преобладать. Даже в отдаленной перспективе. Я имею в виду армию, полицию, специальные подразделения. На них мы не пожалеем ни средств, ни людских ресурсов.

– В силовых структурах всегда комплект, – вступил Координатор, воспользовавшись паузой.

– Вижу, понимаешь верно. Что до заморочек с рабочими плебеями, о которых ты упомянул, будем соблюдать сложившийся баланс. К сожалению, если хорошенько подумать, плебеи нам по-прежнему нужны. Ты лучше вот что организуй. Подбери энергичного чиновника и отправь на Континент. С полномочиями. Поручи разобраться на месте. Если помнишь, именно так мы поступали в старые добрые времена. Двух недель ему будет достаточно. А вернется – доложит. Информация из первых рук самая достоверная. Вот тогда и примем обоснованное решение. Согласен?

– Ваше поручение исполним немедленно. К тому же, по моим сведениям, нынешние выпускники университета не очень-то спешат с выбором специализации. Некоторые до сих пор болтаются без дела.

– Вот и отлови самого свободного. И пускай отправляется. Подключи ректора Игоря – он поможет, подскажет. Ты говоришь, отлынивают? Вызови, накажи примерно, чтобы другим неповадно было. А так что получается? Распустились? Заводят свои порядки? Твоя вина. Не следишь, не пресекаешь. Прежде такого не бывало. Не мне тебя учить, – подвел итог Владетель, давая понять, что вопросы исчерпаны и аудиенция подошла к концу.

Координатор поднялся. Сдержанно поклонившись, ловко развернулся на месте и неспешно понес к двери негнувшееся свое тело. Владетель проводил вельможу взглядом.

«Знаю Платона десятки весен, – размышлял он, оставшись в одиночестве, – но до сих пор не могу привыкнуть, что передо мной живой человек, а не одетый с иголки робот. К тому же с возрастом он становится каким-то мутным. Пришла пора заменить старика молодым энергичным парнем, а этому поручить дело попроще. Непорядок, когда в руках одного человека такая власть – непомерная. Могут явиться мысли... Но, следует отдать должное, он безупречен, работает четко, без сбоев, надежен, обеспечивает тылы... За ним нет будущего – определено. Ничего не поделаешь, годы берут свое, мы стареем. Пора молодых поднимать на крыло, нужна преемственность. Не было бы поздно... Во всяком случае, Терция не для него, там ему делать нечего. А вот готовить экспедицию – по силам. На ближайшем заседании Сената нужно предложить, – постановил он. – Обидится страшно. Как мальчишка».

2

Накануне, незадолго до полуночи, у подъезда дворца Владетеля плавно замедлился, ткнулся в поребрик и остановился, отдышавшись, черный блестящий экипаж. Из него выбрался водитель – рослый робот в черной одежде. Неспешно обошел машину сзади, распахнул дверцу пассажира и застыл рядом в почтительном полупоклоне.

Сначала в раскрытые двери появились тощие ноги в черных чулках и черных узких ботинках с высокой шнуровкой. Неловко смещаясь, заискали опору, но не нашли. Не дотянувшись, повисли – опора была значительно ниже. Следом возникла рука в черной перчатке, тоже ища. Руку водитель цепко схватил правой рукой и бережно потянул к себе. Затем, просунув левую руку внутрь экипажа, приобнял седока за спину и умело, в один прием, осторожно прижимая к себе, извлек наружу. Перенес на панель и аккуратно пристроил на ноги.

– Кажется, добрались, Арто, – отдуваясь, проговорил старик прерывистым слабым голосом. – Спасибо тебе, милый. Без тебя мне уже не спроворить. Ты последний настоящий друг. Теперь веди к хозяину.

Охрана дворца, привыкшая к поздним явлениям необычного господина, которого, впрочем, давно не бывало, почтительно расступилась, скромно опустив глаза.

Дряхлый старик в прямом черном хитоне до пола, шитом заодно с капюшоном, скрывавшим лицо, объявился в кабинете Владетеля без доклада. Робот Арто подвел старика к стулу перед рабочим столом хозяина, бережно поддерживая в равновесии, усадил, заботливо расправил на коленках натянувшийся подол хитона, откинул капюшон, обнажив иссохшую голову в облачке редких белых волос, и молча вышел.

– Здравствуйте, господин Владетель, – монотонно прошелестел старик, невнятно выговаривая слова.

– Здравствуйте, господин Фарн, – в тон ему ответил Владетель. – Рад вас видеть в добром здравии. Мне только вчера сообщили, что ваше здоровье разладилось и что вы совсем не выходите. А смотрю, вы еще молодцом... на ногах, так сказать...

– Преувеличивают, собаки, — отдуваясь, проскрипел старик и хищно осклабился. – Как всегда поспешают, а куда, и сами не ведают.

– Однако мы с вами давно не виделись. Уж и не припомнить, когда вы меня навещали в последний раз. Какая нужда позвала в путь?

– Не дождутся лицемеры, – продолжал ворчать старик все еще о своем. – В первую очередь, те из них, кто особенно рьяно печется о моем здравии... Я еще покопчу небо – самую малость. А что? Голова работает, это главное. Тело сдает первым – вот беда. – Он поперхнулся, откашлялся сипло, осушил рот белоснежным платком и продолжал, расходясь: – Спрашиваете, зачем лично пожаловал? Отвечаю: возник очень серьезный вопрос и лишил покоя. Хочу обсудить его с вами, с глазу на глаз, как говорится. Так надежнее.

– Я вас слушаю, господин Фарн.

– Буду краток – время дорого. Вам, конечно, известно, чем у нас занимается досточтимый профессор Харт. Вместе с вверенным ему институтом.

– В общих чертах, да, – сказал Владетель. – Правда, слышал, возникли проблемы с последним заказом. Что-то у них не ладится...

– Это не так, – оживился Фарн. – Если быть точным, совсем не так. На самом деле они преуспели по всем статьям, а молчат оттого, что замышляют неправое дело.

– Вот даже как, – оживился Владетель. – Что именно?

– Мне давеча доложили, что великий и славный ученый муж своевольно замыслил попридержать у себя новейший прибор, именуемый аннигилятором. Обнаглел до того, что вознамерился вовсе не отдавать прибор заказчику, то есть вам. Не удивлюсь, если злодей решил

попользоваться им единолично... Невиданная наглость. К тому же не исключаю, что паршивец, утратив совесть, образец уничтожит. А ведь в него вложены немалые средства и силы. С него, разбойника, станется. Или, хуже того, предоставит прибор в чуждые руки, а те, пройдохи, пустят его в ход и используют по назначению, чего позволить никак нельзя. Категорически.

– Вашим сведениям можно верить? – спросил Владетель, насторожившись.

– Обижаете, господин Владетель, – произнес Фарн жестко. – Мои сведения, как всегда, из первых рученок. Мой человек, которому верю как самому себе, можно сказать, окопался под самым боком у Харта – глубоко вникает.

– Что вам известно об аннигиляторе, чего я еще не знаю?

Фарн, отдышавшись, приступил к объяснению:

– Этот аппарат обладает непредставимыми свойствами. Человек, владеющий им, единолично решает, кого казнить без нашего ведома, а уж кого помиловать. При этом не существует защиты от страшного удара, мы даже не сможем определить, откуда исходит чудовищное воздействие. Я утверждаю, угрозы опаснее для нашего государства сегодня не существует. Тот, кто владеет аннигилятором, немедленно станет общей проблемой. Потому с последним упованием взываю к вам. Больше мне не к кому обратиться – я никому не верю, ни на кого не надеюсь. – Он помолчал, собираясь с силами, и продолжал отрывисто: – Смею утверждать: опасность близка. Остается немного времени, чтобы ее пресечь. Власти пора вмешаться – самым серьезным образом. За этим я лично приковылял, превозмогая немощи. Теперь удаляюсь с вашего разрешения. Вас оставляю думать и думать. – Через силу договорив последние слова, старик поник головой. Но вздрогнул, поднял лицо, выщептал: – Не сочтите за труд, господин Владетель, позовите Арто. Он теперь в приемной. Без него мне и... шага не одолеть...

Владетель выполнил просьбу Фарна. Появился Арто, помог старику подняться на ноги.

– Благодарю вас, господин Фарн, – сказал Владетель, – вы открыли мне глаза на эту проблему. Я разберусь – обещаю.

– Директор института психотроники, профессор Харт, – объявил секретарь громко и торжественно.

Следом в проеме распахнувшейся двери замедленно проявилась приземистая фигура профессора Харта. В кабинет вступил совершенно лысый господин в укороченном по колено хитоне ядовито-зеленого цвета, под которым вызывающе обнаруживались короткие кривые ноги в белых в красные полосы гетрах и массивных желтых сандалиях. Полное розовощекое лицо профессора светилось счастливой улыбкой.

– Приветствую господина Владетеля, да продлят боги его бесценную жизнь, – с воодушевлением продекламировал Харт.

– Присаживайтесь, профессор, – пригласил Владетель, поморщившись, – он так и не смог привыкнуть к неприкрытой лесте. – Хочу знать, в каком состоянии работы вверенного вам института. Меня интересует устройство дистанционного воздействия на мыслительную деятельность человека, которое мы с вами называли аннигилятором.

– Можно я по порядку? Мы совершили пионерское открытие, – приступил Харт, усевшись на стул и натянув на колени широкий подол хитона. – Вы, возможно, знаете, что по интонации голоса и сопутствующему дыханию мы немедленно определяем агрессивность замыслов любого человека. Но на этом уровне мы не остановились, а пошли дальше... – Он прервался, замолчал, возбуждая внимание собеседника. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что подслушивать некому, продолжал таинственным полупшепотом: – Мы отработали критерии, по которым можно однозначно установить, лжет человек или говорит правду. Остается разработать специальный контроллер и провести испытания. Расчеты показывают, что погрешность выявления лжи будет ничтожной, не более десятой доли процента, то есть близкой к инструментальной ошибке, что дает возможность...

– Я определяю ложь безо всякого контроллера. – Владелец перебил профессора, усмехнувшись. – Мне достаточно посмотреть на человека.

– Немудрено при вашем огромном опыте управления. А если... – споткнулся Харт, но собрался тотчас. – А если, допустим, вы человека не видите?

– Тогда по его голосу.

– А как быть, если он молчит? – уже наступал Харт, опомнившись.

– Вы полагаете, что молчащий человек способен врать?

– Легко! – окончательно возбудился профессор.

– Интересное наблюдение.

– Нами давно установлено, что именно молчаливая ложь самая злобедная. – Его высокий голосок, отпущенный на волю, зазвенел. – И даже опасная... в некотором смысле.

– Что ж, тогда сдаюсь. – Владелец вскинул обе руки, соглашаясь. – Мой метод действительно слишком прост и неточен.

– А вот мы... – разошелся Харт – не удержишь. – Мы напряглись и, кажется, подобрались к решению важной проблемы – с неожиданной стороны. Мы используем запах. Представляете? В качестве индивидуального источника информации.

– Но ведь для этого, – оживился Владелец, – необходимо вступить с человеком в тесный контакт.

– Ничего подобного, – радостно вскричал Харт, но оборвался, утерев голос до уровня, едва воспринимаемого собеседником. Затем четко, с расстановкой принялся излагать истины, добытые в тяжких трудах: – Мы ухитрились улавливать запах человека на расстоянии по целому ряду параметров, прежде всего по частоте и форме колебаний его центра тяжести. Оказалось, что эти колебания содержат в себе некую функцию запаха дельта. И вот эту-то функцию дельта нам удалось обнаружить дистанционно и выделить... в виде сигнала, пригодного для последующей обработки.

– А как быть, если подопытный не захотел или не смог принять утренний душ? – спросил Владелец с явной издевкой.

– Ну и что из того? – Хром не думал сдаваться. – Запахи, о которых вы упомянули, мы классифицируем как примитивные. Они легко фильтруются, их состав практически одинаков у всех людей.

– Вам, видно, просто делать нечего, – произнес Владелец разочарованно. – И на такую-то чепуху тратятся драгоценные человеческие ресурсы. Обычно вы меня удивляете по-хорошему, господин Харт, но на этот раз... уж простите.

– Это не чепуха, не чепуха, – заверещал Харт, почуяв приближение опасности, и продолжал тускло, смилив энтузиазм: – На самом деле мы тратим, если разобраться, только самую малость. Совершенно необходимую, чтобы жить и продолжать исследования...

– Успокойтесь, профессор, – попросил Владелец миролюбиво, давая понять, что интерес к сообщению ученого иссяк и, следовательно, аудиенцию можно считать завершённой.

...Государственные испытания аннигилятора завершились накануне. Результаты ошеломили профессора Харта. Особенно убедительными были финальные эксперименты с участием живого расходного материала – сорока плебеев мужского пола, завезенных с Континента.

Правда, с ними пришлось повозиться – программно перестроить вживленные чипы, чтобы они могли соответствовать управляющему воздействию поля аннигилятора. Подопытных разделили на две группы, подкормили и приодели. Первую группу из двадцати бедолаг отпустили на волю – под личную ответственность Харта. Спустя два часа сообщили в полицию об опасных преступниках, якобы сбежавших из-под стражи, указав возможные места, где эти негодяи рано или поздно объявятся. Вскоре в названных районах города были обнаружены неизвестные люди, точнее, их трупы, без каких-либо признаков насильственной смерти. Все двадцать человек.

Харт распорядился оставшихся плебеев в расход не пускать и испытания прекратить.

Сигналом тревоги, подтолкнувшим его к рискованному решению, явилось поведение сотрудников лаборатории, потрясшее профессора до глубины души. Задыхаясь от приступа отвращения, в первую очередь, к самому себе, он наблюдал, как люди, с которыми полжизни проработал бок о бок и которых считал, безусловно, цивилизованными, способными на сострадание к живому существу, приходили в неистовство, когда удавалось точно определить координаты очередного плебея и, загнав в угол, уничтожить. И как, сотворив ужасное зло, после недолгой охоты они удовлетворенно остывали.

Ни радости от успеха, ни даже простого облегчения Харт не испытывал. Напротив, в нем исподволь пробудилась и окрепла крамольная мысль, состоящая в том, что передавать аннигилятор любому частному лицу, в том числе заказчику, нельзя ни в коем случае.

Теперь, уже в кабинете Владетеля Харт, одолевая парализующий страх, окончательно сформулировал приговор: аннигилятор, недопустимо совершенный и страшный своими возможностями, ни при каких обстоятельствах не должен оказаться в руках человека, сидящего перед ним и не спускающего с него настороженных глаз. Этому человеку он больше не верил.

Следует немедленно уничтожить прибор, причем вместе с документацией, чтобы не смогли довести до ума наполовину готовые второй и третий экземпляры. Чем обернется этот поступок для него лично, он хорошо знал и был готов к самому страшному исходу.

Как только решение окончательно оформилось в сознании, напряжение отпустило. Он не предполагал, что способен на столь безрассудную смелость. Как же хорошо, что Владетель не вспомнил. Теперь время уносить ноги. Пока не поздно. Он поднялся. Одна мысль владела им: побыстрее отсюда, подальше. Вернуться в лабораторию, объяснить Клушпу причину принятого решения. Помощник умен, он поймет. Он вправе знать все, что касается общего дела...

У двери, когда неверная рука Харта уже сжимала ледяную золоченую ручку, резкий окрик Владетеля – неожиданный удар сзади – остановил его:

– Минуточку, господин профессор. Куда же вы так спешите? Я вас не отпустил. Мы с вами еще не закончили. – Перед Хартом был хозяин, с которым шутки плохи. – Удивительно, но вы ни словом не обмолвились о моем последнем поручении. Как это понимать, господин Харт? Неужели подводит память? А вот я, в отличие от вас, помню все. И вынужден напомнить, что в свое время вы согласились с техническим заданием и с энтузиазмом, которым вы всегда отличались, взялись за решение проблемы. Так, профессор? Во всяком случае, никаких возражений я не услышал. Что же такое случилось теперь? Почему вы жметесь, как нашкодивший школяр в ожидании неизбежной трепки? Молчите? Нечего сказать? Так вот, довожу до вашего сведения, мне не терпится получить ответ на вопрос: когда на моем столе появится аннигилятор? Добрые люди мне доложили, что полевые испытания прибора успешно завершены, что результатами вы довольны... Или это не так, и меня вводят в заблуждение? Кажется, сегодня кому-то не поздоровится. – Он замолчал, не спуская глаз с потускневшего Харта, и продолжал холодно: – Я жду объяснений, господин профессор.

«Все-таки вспомнил. Это конец, – подумал Харт, цепenea, и обреченно обернулся. – Он не видит моего лица, – лихорадочно думал он, продолжая стоять, понурившись, свесив тяжелую голову. – Стоит взглянуть на меня, он сразу же заподозрит неладное. У него изощренный нюх... он свободно читает по лицам, в этом нет ему равных. Я было подумал, что не вспомнит... Хорошо, что не пришлось лгать. Значит, ему известно, что последняя разработка полностью удовлетворяет всем пунктам технического задания. Прибор готов к передаче заказчику. Мое детище попадет в эти руки, а всех нас ожидает большая беда... Никто не выкрутится, никому просто не придет в голову, что с нами всеми произойдет нечто кардинальное, что навсегда похоронит робкую мечту жить как люди... Но что означает – жить как люди? Точно не знаю, но, наверное, жить как люди – это когда существуешь не как робот с заданной наперед программой поведения, а как слабое беззащитное существо, обладающее единственной

непреложной ценностью – собственной свободной волей, а не внедренным в твое ускользящее сознание комплексом чувств и мыслей, от которых тебя тошнит, но которыми ты только и располагаешь и из которых тебе никогда не вырваться...»

– Вы знаете, господин Владетель, а ведь я, переболев этой работой, претерпел неожиданное превращение – впервые в жизни ощутил себя по-настоящему свободным человеком. Не бесполом существом, обреченным на прозябание в устроенном вами унылом мире, содержащем только два естественных момента, ограничивающих каждую индивидуальную жизнь: рождение, состоящее из вызревания в искусственных условиях человеческого существа, заранее лишённого естественного продолжения, на которое оно рассчитывает, приступая к жизни, и смерть, которая начинается в момент рождения и когда-то завершится кратким и безболезненным превращением в кучку перегоревшей плоти. Я не знаю, как я буду жить дальше. Но я твердо уверен в том, что аннигилятор вы не получите, даже если силой заставите меня передать аппарат в ваше распоряжение. Вы недостойны обладать этим слишком совершенным средством уничтожения, когда для выполнения процесса, кстати, в соответствии с одним из ваших требований, нет нужды выходить из офиса. Вспомните, именно так вы напутствовали меня передавая техническое задание, состоящее из десяти кратких пунктов, читая которые я думал не о сложности их осуществления, а о том дне, когда я буду стоять перед вами, как стою теперь, и докладывать, что работа выполнена и вы можете приступить... Все ваши бесчеловечные требования внедрены в небывалый прибор с неподлежащей сомнению скрупулезностью ученого. Вы обронили тогда вскользь, что наконец-то сможете управлять расправой, не напрягаясь и не видя мук того существа, которое вы решили изъять из жизни. Достаточно нескольких простейших манипуляций, чтобы удаленный от вас человек захлебнулся, не довершив последнего вдоха или выдоха – это уж как совпадет – и исчез из перечня живых, не оставив по себе никаких проблем.

– Что вы несете, профессор? – вскинулся Владетель и грозно уставился на несчастного. – Вы забываете, где находитесь и перед кем.

– Ничего я не забываю, – сказал Харт в отчаянии, соглашаясь, что это конец. И сразу же стало легче. – Обычно ваши поручения мы выполняем с особым прилежанием, точно в оговоренные сроки... Но... возникли проблемы, – проговорил он дрожащим голосом, пробуя увернуться, потянуть время.

– В чем же они состоят, уважаемый, если не секрет?

– Разве могут быть от вас секреты?..

«Нет, еще не все потеряно». Он расслабился и решил было вернуться к стулу, который только что покинул, – ноги не держали, но передумал и остался стоять у двери, вцепившись в ручку, чтобы устоять.

– Оказалось... – Он, потупившись, приступил к объяснению. – Словом... чипы плебеев не вполне пригодны для выполнения поставленных задач. Дело в том, что в большинство... образцов, присланных для натуральных испытаний, они вживлялись давно, еще из опытных партий. Они, к сожалению, устарели. Причем безнадежно. Диаграмма направленности их приемных антенн слишком размытая, что не позволяет определять азимут искомого человека с необходимой точностью. А ведь именно азимут главная координата при решении задачи. Только вам, господин Владетель, могла прийти в голову такая удивительная постановка технических требований. Мы предприняли коррекцию параметров антенны извне, такая возможность была предусмотрена, но толку от нее немного. Разбираясь в проблеме, я поднял старую документацию и убедился, что при разработке чипов никаких специальных требований к антенне не предъявлялось. Теперь, чтобы подвести итог, позволю себе несколько слов о наших достижениях. В настоящее время по первому пункту мы уверенно и точно распознаем отдельного человека, воздействуем на него всей мощью специального излучения и добиваемся полного подавления подвижности. По второму пункту мы уверенно определяем координаты группы.

Однако безошибочно выделить нужного человека из группы нам удастся только в половине попыток. Причем я доказал теоретически, что в принятой идеологии путей для исправления этого недостатка не существует. Впереди предстоят основательные испытания аннигилятора на исступленных с чипами последних массовых серий. Может быть, анализ этих испытаний позволит найти новое решение. Предлагаю одновременно заняться радикальной модернизацией плебеев... Не сразу, хотя бы поэтапно... Я уже прикинул программу... Как вы на это смотрите?

«Неужели Харт опустил до лжи? – думал Владетель, всматриваясь в ускользающие глаза ученого. – Что должно было произойти, чтобы человек, с которым мы всегда ладили, преданность которого не вызывала сомнений, вдруг обернулся чужим? Выходит, что Фарн прав, верить нельзя никому. Слаб человек, ничтожен...»

– Вы предлагаете заменить чипы? – не удержавшись, вскричал он. – Надеюсь, это шутка?

– Мне не до шуток, господин Владетель, – едва слышно выговорил Харт и, помедлив, продолжал: – Совсем не до шуток. Но... перед нами объективная реальность – самое упрямое препятствие, которое можно себе представить. И ничего-то с этим не поделаешь. – Он замолчал, понимая, что долго молчать не получится. Остается отвлечь внимание – пожаловаться. – Эта работа вымотала меня настолько, что временами жить не хочется...

– Вы, Харт, обещали решить проблему. Так? – спросил Владетель совершенно спокойно – это был дурной знак. – За язык вас никто не тянул, – продолжал он, разделяя слова паузами, отчего они приобрели зловещий смысл. – Я думал, мы договорились. Оказалось, я ошибся. Я в вас ошибся, Харт. Мне очень жаль... Ступайте, профессор.

Харт с достоинством поклонился и, виновато ссутулившись, неуверенно и неспешно развернулся. И еще не успела запахнуть дверь за его спиной, как Владетель резким нетерпеливым движением выдернул из-под столешницы клавиатуру с рядом крупных оцифрованных клавиш и пятирядным дисплеем, вспыхнувшим красным светом.

Торопясь, он по памяти набрал четырехразрядную цифру – код подлинности Харта. Помедлил, собираясь, и решился – резко ударил перстом по клавише УДАЛИТЬ, подведя итог жизни приговоренного человека.

В то же мгновение беспомощная улыбка, стынущая на губах Харта, стерлась, его добродушное потное лицо опало, превратившись в тусклую серую маску, его сознание отключилось.

Чиновники, толпящиеся в приемной, немедленно сообразили, что на их глазах случилось непоправимое: Харта не стало с ними.

Они расступились, поспешно освободив пространство в направлении услужливо распахнувшейся выходной двери. Харт, точнее, существо, еще недавно бывшее Хартом, весельчак и даже, с завистью поговаривали иные, большой любитель и почитатель прекрасного пола, сосредоточенно и тупо уставившись под ноги, бесшумной тенью преодолел приемную, неверной походкой выбрался в коридор, проследовал к узкой лестнице, ведущей вниз. Наощупь, ступая боком по крутым ступеням, примеряясь, как это делают слепые, спустился на первый этаж. Там его уже поджидали. Два совершенно одинаковых рослых робота стыли навтыжку по обе стороны от невзрачной двустворчатой двери, притопленной в темной нише стены. Лица роботов были каменными, глаза – ледяными.

С протяжным скрежетом распозлись створки двери, ожила вялая музыка – несколько неуверенных, словно бы на пробу тактов струнных инструментов. Музыка завершили всхлипы тусклого женского голоса и, печально погаснув, оборвались. Харт послушно вступил в просвет двери и утонул в темноте. Створки, скрипя, сблизились и сомкнулись накрепко. Роботы удовлетворенно вытянулись, выпятив мощные груди, и согласно щелкнули каблуками.

На Земле одним человеком стало меньше.

Ближе к обеду явился смотритель лесов по имени Тори. На Острове дельных лесов давно не осталось – последние истребили двести весен назад.

При его появлении Владетель вспомнил, что время от времени в Сенате всплывают здравые предложения о восполнении убыли – разведении новых лесов, но именно этот сладкоречивый господин, которому подобные заботы полагаются по чину, упрямо выступает против, сопровождая свои возражения надменным смешком специалиста. Предлагаемая затея, многословно и однообразно объясняет он всякий раз, разорительна по расходам и совершенно нереальна. Для ее воплощения никакого бюджета не хватит, уж не говоря об ограниченных людских ресурсах, которыми располагает отрасль.

– Ну, так что, господин Тори, будем заниматься лесами? – обратился Владетель к лесоводу. – Или предпочтем саботировать?

– Я-то что? Я всегда готов, – произнес Тори с обидой. – Но не понимаю, господин Владетель, при чем здесь саботаж? Нашу скромную деятельность никогда так низко не опускали. Просто удивительно... Дайте нам команду и, конечно же, достойные ассигнования...

Накануне сотрудники службы Фарна, изучая список приглашенных, остановились на Тори и его многочисленном ведомстве. На основе предварительного расследования они сделали вывод, что ведомство занято главным образом планомерным изучением лесоводства по старинному фолианту, из которого для своих изысканий они добывают только картинки. Выполнить перевод текста не получилось, поскольку никто из них языком, на котором фолиант написан, не владеет, а возможность автоматического перевода с этого языка в компьютерной базе объединенной сети не предусмотрена.

Никогда прежде Владетель не видел этого человека так близко. «Заурядная личность, ничтожество, ни на что не годное. Почему он здесь, передо мной? Он никому не нужен».

– Ассигнования? – возвысил он голос, подогревая себя. – Интересно знать, а на какие шиши до сих пор безбедно живете вы, бездельники? Разве не на ассигнования? Доколе это будет продолжаться? Не рассчитываете ли вы, что карман государства не имеет дна, что из него можно черпать и черпать, что мое терпение безгранично?

– Наше учреждение, господин Владетель, как вам известно, сугубо научное, – принялся объяснять Тори. – То есть мы призваны, в первую очередь, заниматься теорией вопроса – по положению. А это, доложу я вам, ой как непросто... Приходится тратить последние силы, чтобы...

– Я хочу знать, – решительно перебил Владетель, – когда вы наконец бросите болтовню о теории и займетесь практикой вопроса – лесами?

– Лесами? – Тори удивленно вскинул белесые бровки и, уставившись в потолок, озадачился. Но, очнувшись, зачастил уверенно: – До практического осуществления наших планов еще так далеко. Сначала нужно как следует разобраться с накопленной информацией...

«Немедленно прервать эту деятельность, – думал Владетель, глядя на посетителя. – Решительно и бесповоротно. Приговор исполнить без сожаления».

– Понятно, – выговорил он и, сорвавшись, закричал: – Я уже разобрался. Вон!

Следом – клавиатура, код подлинности Тори и – УДАЛИТЬ.

«День начался удачно, – почувствовав облегчение, обратился Владетель к самому себе. – Двумя бездельниками стало меньше».

Дальше по мере продвижения очереди пошли разборки попроще. К обеду поток посетителей иссяк в полном соответствии с регламентом. Больше никого не пришлось наказывать.

Владетель подумал, что с некоторых пор сделался излишне мягким, но это открытие не огорчило, напротив, он испытывал приятную легкость в теле и даже назойливо угнетавшие боли отпустили.

Он пообедал с аппетитом, спокойно проспал обычные полтора часа после обеда. Перемену в его настроении с удивлением отметили роботы-слуги.

Очнувшись после дневного сна, освежившего его и унявшего тоску, Владетель почувствовал будоражащий, давно забытый прилив сил. Он легко поднялся с ложа, вытянулся во весь

свой немалый рост, напряг усохшие мышцы, неохотно удерживающие костяк единым целым, и вполне достоверно ощутил себя юношей в боевом строю перед последним решающим штурмом. Как же он мечтал тогда умереть за свою страну и как не хотел умирать.

Он уцелел. С жизнью расстались другие, множество далеких и бывших рядом. Он остался жить. Тогда он в запальчивости от везения поклялся самому себе, что, если случится невероятное и он обретет высшую власть, больше никто умирать не будет.

Власть он получил, но не сдержал клятвы – умирать продолжали. Смерть косила его народ, подстерегая на каждом шагу, не разбираясь, не вдаваясь в причины, вырывая из жизни то одного, то другого, и этот ход событий, ставший привычным, давно не казался ему несправедливым.

Жалкие люди, которыми он управлял с жестокостью, в конце концов притерпелись. Им пришлось усвоить главную истину: жизнь одного, даже очень хорошего, нужного человека ничто, тогда как жизнь народа, который ничего, кроме презрения, не заслуживает, – все.

3

Координатор Платон, преодолев толпу, сникшую после ужасного исхода злополучного Харта, вырвался из приемной. Одним духом, в панике, опасаясь, что могут окликнуть и вернуть, он одолел протяженный гулкий коридор, где теперь не было ни души, и укрылся в своем ненадежном временном убежище. Сдерживая дыхание, осторожно – до щелчка – притворил за собою дверь и тщательно заперся изнутри. Замер в изнеможении, прикинув повлажневшей спиной к ледяному полотну двери.

Тело колотила мелкая дрожь, подгибались ставшие чужими ватные ноги, сердце отчаянно и тупо било в грудную клетку, душили спазмы, похожие на рыдания.

Медленно унималось дыхание. Возвращались связные мысли. Он осторожно попробовал убедить себя, что опасность миновала и ничего страшного уже не произойдет.

Проковылял к рабочему столу у окна, упал в чужое кресло, к которому так и не смог привыкнуть, усилием воли приказал себе расслабиться, стараясь обрести равновесие. Вроде немного полегчало.

Этот скромный небольшой кабинет ему предоставили для работы на время обострившейся болезни Владетеля, по странной прихоти пожелавшего держать под рукой, как он объяснил, на всякий пожарный случай, своего первого заместителя – свою тень. Еще недавно этот кабинет занимал один из немногочисленных помощников господина, сгинувший в начале весны.

Нелепая гибель Харта потрясла Координатора, оглушила. На его глазах по мановению руки владыки был исторгнут из жизни близкий, добрый человек, без которого он давно не мыслил собственного существования, сгинул просто и буднично. Невозможно поверить, что причиной жестокого наказания послужила размолвка, возникшая в ходе аудиенции. Оставаясь в приемной, он слышал обрывки разговора на повышенных тонах.

О чем думал Харт накануне, во время их последнего нескладного разговора? Зачем теперь, когда Владетель как никогда близок к естественному концу, он напросился на совершенно необязательную встречу? И почему на вопрос о причинах странного решения ничего не стал объяснять? Только расплылся в беспомощной улыбке, в которой удивительно сочетались обреченность и твердый умысел не уворачиваться от ударов судьбы. Почему, наконец, его отношения с Владетелем, обычно ровные и уважительные, ни с того ни с сего обострились настолько, что единственным выходом оставалась бессмысленная, жестокая развязка? Неужели Харт знал, что поспешная аудиенция закончится для него крахом, и пошел на нее сознательно?

Удивительным было также то обстоятельство, что на этот раз страшная кара постигла не простого смертного, а старейшего сенатора, одного из заметных и уважаемых сановников, ученого, на чьих хилых плечах держалась обширная отрасль производств, остро необходимых государству.

Владетель, и всегда склонный к решениям, выходящим за пределы разумного поведения, никогда прежде не покушался негласно и единолично на жизнь свободного человека, уж не говоря о представителе высшей власти.

Обычно кардинальным решениям предшествовала подготовка, когда охотник и жертва выходили на последнюю прямую отношений. Приближающееся возмездие проявлялось неспешно, как правило, обретая разумное обоснование. Но так было всегда, к этому привыкли, а будет ли отныне?

Едва ли поступок Владетеля достаточно мотивирован, что в соответствии с требованиями Закона считается обязательным для вынесения и немедленного исполнения даже не столь сурового приговора. Поражал устрашающий произвол, безысходность наказания.

«Он и со мной теперь говорит отрешенно, вскользь, – думал Координатор. – Неловко шутит, подначивает загадками... Неужели и я обречен на заклятие?..»

Следом явилась крамольная мысль, зарождение которой с некоторых пор он ощущал в себе, но которой не позволял прорасти: избавление придет – очень скоро. Владелец плох, на этот раз ему не выкрутиться, он, пожалуй, и месяца не протянет. Теперь же, когда с вызывающим упрямством отвергнуты лучшие опытные врачи, а лечение поручено юному Герду, безродному выскочке, только что вышедшему из университета, шансы на выздоровление и вовсе ничтожны.

Эти горькие мысли постепенно распрямлялись в нем, становясь определяющими. От его прежних укоров самому себе, что не следует спешить, нужно подождать, все разъяснится, вернется порядок, ничего не осталось, кроме убеждения, что он больше не сможет держаться с Владетелем на равных, не осмелится, как прежде, задать любой, даже не вполне приятный вопрос, не услышит ясный ответ. «Впредь не следует ожидать мира, – постановил он для самого себя. – Отныне мира меж нами не будет. Теперь все будет по-другому – неопределенно и безобразно».

Ничего изменить нельзя, остается ждать – своего часа. Он дождется, чего бы это ему ни стоило. Будет терпеть, соглашаться, главное, будет беречься сам. И копить силы – исподволь. Он основателен и неспешен. Недаром Владелец всегда отмечал и высоко ценил эти его качества.

«Пока серьезных причин для паники нет, – подвел он итог. – У меня в запасе неоценимое преимущество – время, которого у Владетеля не осталось. А Харт... Ничего не поделаешь, все мы под богом ходим, все канем в вечность – рано или поздно. Уйдем, не оставив следа».

И как только он понял, что важное, долго не дававшееся решение принято, напряжение отпустило. Он вернулся в ту норму, которую постоянно ощущал и поддерживал в себе и которая давала ему энергию жить и отстаивать интересы государства иступленных.

Он поднялся, расслабленно прошелся по кабинету от окна к двери и обратно, посмотрел в окно. Обычно в это время дня площадь перед дворцом была безлюдна. Теперь же поодаль, у подъезда его собственной резиденции, которую он по капризу владыки оставил вынужденно, группа людей, человек пятнадцать, не больше, внимала высокому разбросанно жестикулирующему человеку. Тот даже поднялся на несколько ступенек парадной лестницы, торжественно возвысившись над слушателями. Поразили тощие голые руки оратора. В четком ритме чудными птицами взлетали они над лохматой его головой – вырывались на волю из широких рукавов хитона, опадавших тяжелыми складками.

«Неслыханное вольнодумство, – определил Координатор строго. – Никому не позволено проповедовать в общественном месте. Следует немедленно пресечь вопиющее нарушение».

Он надавил на кнопку вызова охраны. В коридоре рассыпалась, приближаясь, дробная побегка дежурного. В дверь поскреблись. Он открыл замок – дверь распахнулась, на пороге стоял знакомый робот Р2, привратник из охраны дворца.

– Ты вот что, любезный, выйди-ка на площадь, там кучкуются какие-то странные люди. На противоположной стороне, справа. Послушай, о чем они говорят, запомни. Вернешься, доложишь.

– Слушаюсь, господин, – выкрикнул робот и исчез.

Координатор вернулся к окну и продолжал наблюдать. Он видел, как Р2, выбрав нужное направление, по кратчайшему пути пересек площадь, приблизился к толпе. Некоторое время стоял неподвижно, слушая оратора, затем склонился к одному из слушателей – о чем-то спросил. Ему ответили, он удовлетворенно кивнул головой, поблагодарив, послушал еще немного и пустился в обратный путь.

– Этот человек проповедник, господин, – сказал Р2, войдя в кабинет. – Зовут его Тарс. Он простой врач. Довольно странное слово, но он повторяет его постоянно. Если быть точ-

ным, именно этим словом он начинает каждую фразу. Он рассказывает, как поступает голубь с голубкой, когда к ним приходит нечто непонятное, что он называет любовью. Голубь зачем-то карабкается на голубку, что-то такое делает, потом они вместе взлетают и носятся кругами, оглушительно хлопая крыльями... Не очень понятно, господин, во всяком случае, наблюдая голубей, я ничего подобного не замечал... Я подумал, что рассуждения простого врача вам будут интересны, и записал кое-какие отрывки из его речи. – Он протянул Координатору серебристый диск.

– Свободен. Ступай.

Робот вышел, притворив дверь за собой.

Координатор утопил диск в приемную щель плеера, аппарат ожил, зашипел. Комнату наполнил срывающийся от волнения звонкий голос:

– ...не крамола, нет, не крамола, поверьте мне. Я не хочу обидеть вас, когда говорю откровенно, что живете вы все неправильно. Я простой человек, простой врач, разделяющий с вами эту жизнь. Я от души желаю вам счастья. Настоящего человеческого счастья, о котором вы успешно забыли. Вас заставили забыть... Я призываю вас к любви. А это означает, что вы должны жить вместе – мужчины и женщины, и первым делом научиться спариваться точно так же, как это делают собаки или кошки. Наконец, как это у вас на глазах делают голуби. Вы на это имеете полное право, потому что вы не роботы – вы люди. Не стесняйтесь своих чувств, не душийте их в своих недрах...

Гул одобрения прервал проповедника. Он замолчал ненадолго, но собрался и продолжал:

– ...вы видите, как целуются голуби на виду у всех. Как потом мальчик довольно неуклюже, помогая себе крыльями, карабкается на девочку и все завершается самым естественным образом. Причем восторг от содеянного настолько переполняет тупых бесполезных птиц, что пережить его удастся, только сорвавшись в небо в оглушительном парном полете. Сделав один или два причудливых, витиеватых круга над землей, птицы опускаются куда попало и вновь целуются, и вновь карабкаются, и выстреливают в небо короткими суматошными кругами...

– ...поймите, вы люди, вам нет нужды уподобляться животным. Нет надобности любить друг друга прилюдно, там, где застигло желание... У вас есть жилища, вы можете в них укрыться... Главное, нужно верить, что никто на всем белом свете не вправе мешать вам быть счастливыми...

– ...я давно подозревал, а теперь знаю точно, именно так древние продолжали свой род. В те счастливые времена, которые давно завершились, как нам настойчиво объясняют, в центре мироздания была женщина-мать. Она зачинала ребенка в любви, носила его в своем чреве, рожала в муках, кормила своим собственным молоком, готовила к жизни среди других людей... Ведомо ли вам, что наши предки совсем не нуждались в пробирках и кюветах, в которых когда-то плавали мы с вами – беспомощные зародыши, у которых, по существу, не было родителей, а были только анонимные половые субстанции неких мужчин и женщин...

Координатор выключил плеер. «В этих разговорах, – подумал он, волнуясь, – чувствуется нечто ложное. Пожалуй, запретное, но, несомненно, содержащее непонятную истину...

Он продолжал следить за любителем голубей. «Нужно присмотреться к этому человеку, – продолжал он думать. – Хотя нет, лучше позвать его сейчас же и расспросить. Причем немедленно. Выяснить подробности. Он может затеряться, ищи потом».

Он вновь вызвал охрану. P2 возник на пороге.

– Отправляйся на площадь и этого... Тарса... приведи ко мне. Понял?

Вид молодого человека позабавил Координатора. Хитон стар и потрепан, по подолу подрублен неровно и косо. Впалые щеки покрыты недельной рыжей щетиной. Пожалуй, он голоден – время от времени судорожно сглатывает слюну. Наблюдая Тарса, Координатор подумал, что этот человек едва ли имеет постоянную работу и доход...

– Мне доложили, что тебя зовут Тарс.

– Это имя, господин, мне дали при рождении, – сдержанно объяснил проповедник. – Выбрали, как положено, по Главному каталогу разрешенных имен. Я заменил какого-то Тарса – предшественника. Незадолго до моего рождения он покинул наш прекрасный мир – не по своей воле. Его имя освободилось. Мне по душе эта традиция и мне нравится мое имя.

– Имя дают при рождении, – согласился Координатор вяло – перенесенный стресс не отпускал. Он подумал, что, пожалуй, не следует продолжать общение с этим человеком, но что-то необычное в облике и повадках Тарса уже зацепило. Что-то естественное, простое, чего давно не приходилось наблюдать. – Как я понял, ты врач, но зачем же подчеркивать, что простой врач. Разве ты не знаешь, что мы никогда не пользуемся этим определением по отношению к человеку. Что мы давно отказались от деления людей на простых и сложных? Ты нарушаешь запрет, то есть выступаешь против общества. Не боишься последствий?

– Не боюсь, – спокойно ответил Тарс и пояснил: – С недавних пор. Но почему вы решили, будто я выступаю против общества?

– Я имею основания так думать, – сказал Координатор.

– А вот я так не думаю, – упрямо возразил Тарс. – И тоже имею основания.

– Ты смелый юноша. И, видно, довольно умный. Из всех моих укоров ты выбрал самый опасный – выступление против общества. Ты знаешь, что бывает за подобное прегрешение? О Хроме слышал?

– Приходилось, – вздохнул Тарс. – У меня есть небольшой опыт общения с этим... выродком. Незабываемый опыт.

– Почему ты с такой злостью клеймишь достойного человека? Он только тем и занят, что защищает нас от крамолы...

– Другого имени этот негодяй не заслуживает. Незадолго по его вине я потерял близкого друга....

– Он тоже проповедовал, твой друг?

– Нет. Он был профессором биологии. Однажды в разговоре с коллегой он неосторожно предположил, что в основании нашего государства лежит пренебрежение человеческим достоинством и в качестве практического приложения к этому понятию бессмысленная, потрясающая жестокость.

– Как подобные мысли приходят в голову молодым людям? – возмутился Координатор. – Получили отличное образование, достигли положения в обществе, вся жизнь впереди... Твой друг удивительно смелый человек, но, к сожалению, глупый и опрометчивый. Так чем же дело закончилось?

– Разве не ясно? На него немедленно донес тот, с кем он говорил. Хром прислал своих костоломов, его увели и велели закрыть дверь за собой.

– И он, конечно же, послушно выполнил повеление.

– А разве был выбор? Он просил сохранить жизнь невесте...

– Значит, на пороге смерти этот человек заботился не о себе? Удивительно. У него, что же, была невеста? И она разделяла его взгляды?

– Они просто любили друг друга и мечтали родить собственного ребенка. Им запретили, как только узнали об этом желании во время врачебного осмотра. Позже ей сделали операцию – против ее воли...

– Ты сообщаешь много необычного. Говоришь, что они очень любили друг друга. Поясни, как это следует понимать?

– Они были единым целым и не могли жить друг без друга...

– Выходит, они жили вместе? Странно. Впервые слышу, что можно... Ты меня удивляешь, Тарс. И что же, его невесту оставили в покое?

– Оставили. Только она отказалась жить без него. Я отговаривал... она ничего не хотела слышать. Тогда я пошел к Хрому. Он сказал, что, если она решила уйти, он не станет пре-

пятствовать. А меня предупредил, что давно наслышан о моих проделках, что, когда немного освободится, непременно займется мной. Что моя песенка спета. Он сказал именно так.

– Ты утверждаешь, что невесту твоего друга... – не завершил фразу Координатор, зная ответ.

– Ее убили, – тихо произнес Тарс.

– Печально, – сказал Координатор и замолчал. Но ожил. – Скажи мне, почему мысли о пренебрежении человеческим достоинством и жестокости, на которых якобы построено наше государство, пришли в голову твоему другу?

– А вы что, думаете иначе? – Тарс жалеюще смотрел на собеседника.

– Ты смелый юноша, – сказал Координатор, испытывая досаду. – Но ты не ответил на мой вопрос.

– Он не мог жить так, как живут иступленные. Не хотел быть иступленным.

– Он хотел стать плебеем? Мне доподлинно известно, что плебеи культивируют так называемую любовь. Но они недостаточно цивилизованы. Что с них возьмешь? И у славов вся жизнь строится на пресловутой любви.

– Это так, – сказал Тарс. Подумал и, решившись, задал вопрос, который постоянно носил в себе: – Не по этой ли причине дети славов совершенно здоровы?

– Здесь, Тарс, ты, пожалуй, прав, – согласился Координатор. – Но мы не можем принять такую модель поведения. Мы не славов и не плебеи, мы вынуждены думать о будущем. Тебе известно, что наш народ готовится к переселению на Терцию?

– В самых общих чертах.

– Ты готов лететь вместе со всеми?

– Едва ли меня спросят...

– Обязательно спросят и дождутся ответа.

– И следом, если откажусь, велят закрыть за собой дверь?

– Строгость наших законов сильно преувеличена. Не нужно их нарушать и все будет в порядке. – Координатор подумал и спросил, вспомнив: – Ты что-то там говорил о голубях. Что они такое вытворяют, чему следует научиться людям? Ведь, рассуждая о голубях, ты преследовал именно эту цель?

– Голуби живут так, как велит природа, – заученно проговорил Тарс. – Они никого не спрашивают, как следует поступить. Ответы на все вопросы находятся в них самих. А человек только и делает, что опровергает природу, а потом объясняет свои поступки нелепыми доводами.

– Поясни свою мысль, сделай одолжение.

– Я призываю всего-навсего вернуться к естественной жизни, к той жизни, которой жили наши далекие предки.

– Но, подумай, такое поведение неприемлемо по целому ряду причин. Начнем с того, что мы не можем позволить людям беспорядочно размножаться. Однажды это уже было, и ты знаешь, чем закончилось. Мы также не можем позволить, чтобы люди принимали участие в воспитании собственных детей. Ничего хорошего из этого не получится. Потому таких детей просто не должно быть, и их нет.

– Эти доводы мне не нравятся. В них трусость и нежелание отвечать за себя и свою жизнь.

– Скажи-ка мне, Тарс, ты вникаешь в смысл слов, которые произносишь с такой безрассудной отвагой??

– Я рассуждаю, господин Координатор. Взвешиваю и делаю выводы.

– Ты знаешь, кто я такой?

– Знаю. Мне сообщил робот. Правда, никогда прежде я вас не видел, но всегда знал, что вы существуете.

– А теперь я знаю, что существуешь ты и что участь твоя незавидна. К сожалению. На улице ты протянешь недолго.

– Я готов, – сказал Тарс печально. – Если кому-нибудь станет немного легче.

– Кому-то, возможно, станет, мне – нет, – сказал Координатор и удивился своим словам. Ему показалось даже, что эти слова произнес не он, а другой человек, оживший в нем, у которого единственная цель в жизни – перечить любому замыслу своего господина. – Я не стану причинять тебе неприятности, хотя должен. Ты уйдешь теперь и постарайся быть осторожным и умным простым врачом, если тебе нравится так называть себя, а не разгильдяем, проповедующим крамолу на площадях. Тебе очень повезло встретить меня на своем пути, хотя по настоящему тебе повезло потому, что последнее время удивительно не везет мне. – Он помолчал и вдруг переключился на жесткий непререкаемый тон, свойственный Великому Координатору: – Впрочем, эти слова забудь. Ты, надеюсь, не жаждешь познакомиться ближе со мной и моими людьми?

– Нет, конечно, – еле слышно проговорил Тарс.

– Тогда ступай и запомни совет: держись подальше от пройдох из службы безопасности, особенно от их предводителя Хрома. Он уже положил глаз на тебя, как я понял с твоих слов. От натасканных псов тебе не уйти, если они, не дай бог, возьмут след. Но, если все же случится беда и тебя прижмут так, как они умеют, попробуй сослаться на меня. Разрешаю. Не уверен, что это тебе поможет, учитывая краткость пути от ушей ублюдков из тайной службы до скорой расправы... И еще. Пожалуйста, освежи одежду. Так опускаться недопустимо. Ты же врач. Простой врач...

Выпроводив Тарса, Координатор вернулся к столу, опустился в кресло, замер.

Вспомнились молодые годы, когда борьба за лидерство так естественна. Он не рвался на первые роли, предпочитая вторую позицию, объясняя свой выбор врожденной скромностью и скучным отсутствием амбиций. Первое место всегда занимал будущий Владелец.

Вместе с тем, сколько помнил себя, он о высшей власти осторожно мечтал, но не для того, чтобы карать или миловать по произволу, а для того, чтобы созидать. Ему вполне хватало власти над тихой стороной жизни – вещественной. Идеологию, законотворчество он оставлял Владетелю, олицетворяющему высшую власть и высшую ответственность. Он согласился с тем, что второе место в государстве иступленных было его потолком, и не желал большего.

Однако бывали времена, когда он мог легко, не прилагая значительных усилий, переместиться на первое место. Особенно настойчиво высшая власть поманила, когда вопреки Закону Владелец увлекся юной плебейкой, похищенной на Континенте в колонии славов. Порабощенный пагубной страстью, он спрятал девчонку от любопытных глаз в своем поместье, наивно полагая, что для окружающих вопиющее преступление останется незамеченным, и на целую весну устранился от дел, переложив на его плечи, как нечто само собой разумеющееся, еще и свою долю забот.

Тогда страна застыла в неустойчивом ожидании перемен. В Сенате, прежде разобращенном на два вечно противоборствующих лагеря, немедленно прекратились распри. Непримиримых врагов объединил отчаянный замысел: во что бы то ни стало изменить жизнь государства. На удивление открыто и смело сенаторы потянулись к трибуне. Наперебой, не опасаясь последствий, в крайней запальчивости принялись твердить о переменах, которых жаждет народ и, конечно же, они сами – вместе с народом. Жажда решительной перестройки государственного механизма сконцентрировалась до состояния, при котором было достаточно небольшого толчка, чтобы перемены осуществились.

Владетеля обвинили в бесцеремонном попрании Закона на виду у всего народа, в пристрастии к сомнительным удовольствиям и, как следствие, в пренебрежении высоким долгом и назначением. В результате единогласно постановили сместить его со всех постов и предать суду. Преемником назвали Координатора – и не только в Сенате, но и на улицах.

В конце концов к нему пришли заводилы. Задыхаясь от возбуждения и страха, его поставили перед выбором. Был задан единственный вопрос: готов ли он сделать решительный шаг? Он думал недолго и, когда напряжение достигло предела, смалодушничал – наотрез отказался. И, как стало понятно позже, выиграл.

Владетелю донесли – уши у него были повсюду. Он понял, что перегнул палку, и пошел на попятный, проявив несвойственную ему гибкость, – освободился от всего, что раздражало народ, и в первую очередь от плебейки, успевшей родить ему сына. Ближайшим рейсом вернул женщину на Континент, мальчишку поручил опальному отцу-диссиденту и, не испытывая ни малейших угрызений совести, отправил в отставку Сенат в полном составе.

Народ, озадаченный столь решительным поворотом, для порядка повозмутился, но, обретя очередные подачки, главным образом в виде щедрых посулов, сник и смирился.

Тогда Координатор решил, что нужно работать и, главное, просто жить. Нужно терпеть, спокойно дожидаться своего часа и довольствоваться тем, что есть. Тогда же он впервые всерьез поверил, что его время еще придет. Оно непременно явится, когда не ждешь и даже не очень желаешь.

Подвернулось приятное отвлечение – он женился. У него родилась дочь – его Тея. Он сохранил девочку и жену рядом, образовав семью. По Закону у него было исключительное право на такое решение, и он им воспользовался. Тея стала его нескончаемой радостью. А он наконец обрел настоящий дом.

С тех смутных весен их отношения с Владетелем сделались сугубо официальными, между ними не осталось ни прежнего тепла единомышленников, ни искреннего доверия. Они стали просто сотрудниками – первый и второй.

Он все чаще стал замечать, особенно после рождения дочери, что исполняет служебные обязанности автоматически, что молодой задор, иссякнув, сменился холодным расчетливым равнодушием опыта. Он по-прежнему жил заботами государства, но теперь к служению прибавился новый интерес – личный, который он взялся энергично подпитывать.

У него появилась мечта: обручить трехлетнюю Тею с шестилетним увальнем Адамом, незаконнорожденным сыном Владетеля. С великой настойчивостью, отвергнув противные соображения жены, он упрямо приближал свою мечту к осуществлению, сумев придать предстоящему событию значение едва ли не государственного праздника всеобщего примирения.

Постепенно доводы против необычного обручения были так или иначе преодолены, кроме одного, состоящего в шаткости социального положения жениха. Немногочисленным посвященным было известно, что Адам внук Гора, что Гор отец Владетеля, а то, что Владетель, в свою очередь, отец Адама не считалось очевидным, а лишь молча подразумевалось узким кругом лиц, близких к власти. Дополнительной преградой, о которой даже думать боялись, было кровное родство Адама со славами через мать, определенно принадлежавшую к этому племени. Его наполовину плебейское происхождение, по Закону причислявшее его к плебейам, препятствовало обретению им гражданства Острова в будущем.

Владетель на торжество не явился, хотя официальное приглашение заблаговременно получил. Он, верно, понимал, что признание ребенка сыном открыто подтвердит нарушение основных запретов Закона, установленных, кстати, по его жесткому настоянию.

И все же праздник удался на славу, дети были прелестны, особенно Тея. Роль невесты захватила ее настолько, что она потребовала, чтобы отныне их больше не разлучали. Адам, напротив, тупо и безразлично молчал. Торжественный обряд в главном храме столицы при огромном стечении народа оставил его совершенно равнодушным. В решительную минуту с трудом удалось выдавить из него согласие.

Старик Гор, напряженный и замкнутый, условно представлявший родителей жениха, не скрывал владевшего им смятения и все норовил избавиться от повышенного интереса к своей

персоне. Как только завершилась официальная часть и праздник пошел на убыль, он, не попрощавшись, ускользнул вместе с внуком в свое загородное имение.

Они не появлялись в столице до самого поступления Адама в университетский пансион и ни разу не навестили Тею, которая продолжала ждать жениха, как может ждать девочка, пораженная мечтой.

Пришлось объяснить дочери, что мужчины в юном возрасте не отличаются чуткостью женщин, что их чувства пробуждаются позже. Отплавав, она согласилась ждать, неустанно твердя, что Адам тоже обязан ждать, не забывать ее и хотя бы изредка навещать.

Тея выросла, продолжая мечтать о встрече с женихом. Наконец, когда в университете организовали первую девичью группу, она упросила отца отпустить ее учиться. Она встрети-лась с Адамом лицом к лицу, но не решилась открыться и попытаться восстановить связь – отложила до подходящего случая.

4

Отшумели экзамены. Студентов младших курсов вывезли на отдых в приморские санатории. Университет опустел.

Ректор Игорь готовился к долгому одинокому лету в собственной резиденции, расположенной в предгорьях. Там его ждали тишина и покой, а на письменном столе непомерно разросшаяся рукопись трактата по основам драматического искусства Новейшего времени. Последние двадцать весен он только в каникулы корпел над этой рукописью, надеясь завершить ее в ближайшем будущем.

Переезд откладывался со дня на день. Задержка объяснялась тем, что выпускников в полном составе вывезли в Дальнюю лабораторию, где им заменили кровь и выполнили основательные завершающие исследования. Никто толком не знал, почему медицинские процедуры не были проведены своевременно. Люди сведущие, точно сговорившись, твердили одно и то же: уж так сложилось. По той же расплывчатой причине задерживался ежегодный врачебный отчет, который для некоторых студентов мог оказаться последним в жизни.

Торжественный выпуск старших групп, которого все с нетерпением ждали и к которому готовились, тоже пришлось отложить – на целую неделю.

Вынужденное безделье после заполненной до предела суетливой жизни университета воспринималось ректором как незаслуженное наказание. Особенно угнетали дурные предчувствия, связанные с врачебным отчетом. Выпускникам, чье здоровье за прошедшую весну опустилось ниже допустимого уровня, предписывалось оставить светлый мир на пороге самостоятельной жизни – закрыть за собою дверь. Жить и функционировать дальше останутся только те из них, кто сможет в полную силу работать не менее трех четвертей времени, установленного Законом. Подчинялись безропотно – привыкли.

Ректора тяготила обязанность быть крайним в череде чиновников, которым предоставлялось право и обязанность, основываясь на объективных рекомендациях врачей, определять судьбу человека, ставшего по какой-либо причине инвалидом. «Грустно терять ребят, выросших на глазах, – втихомолку сокрушался он. – Особенно когда знаешь, каких трудов стоит их воспитание в течение долгих десяти весен. Но ничего не изменишь – требования Закона неумолимы».

И хотя он понимал всю нелепость жестоких положений основного документа, ему даже на мгновение не являлась в голову мысль проявить сомнение в их справедливости.

Однако на этот раз, выступая на торжестве, он все же удержался и не вспомнил о запаздывающем врачебном отчете, чтобы невзначай не испортить выпускникам праздничного настроения.

Выпуск очередных университетских групп разочаровал Адама официальной сухостью. Готовились к празднику основательно, последние полвесны говорили только о нем. Однако вопреки ожиданиям не произошло ничего необычного, что смутно предполагалось и что следовало запомнить на всю жизнь, если не считать первого в долгой истории университета появления на торжестве девушек.

Было известно о шумных дебатах в Сенате, об обвинениях сторонников перемен в небрежении к вековым традициям исступленных, но вскоре прошел слух, что, несмотря на разногласия, удалось договориться и набрать первую девичью группу – в качестве эксперимента.

В просторном актовом зале, заполненном едва ли на треть, девушек посадили поодаль – всех вместе. Их было ровно двадцать – такая численность учебной группы полагалась по университетскому уставу.

Адам слушал напутственную речь ректора невнимательно, автоматически убеждаясь в неполном ее соответствии новейшему лингвистическому канону, по которому предписыва-

лось ограничивать число эпитетов, по возможности избегать всевозможных финтифлюшек вроде причастных-деепричастных оборотов и многосложных неуклюжих метафор. Предпочтение полагалось отдавать словам первого смысла, как их называли и узаконили при последней модернизации языка.

Из мягкого безвольного рта ректора звуки исторгались мерно и основательно. Высокопарные комплименты, которыми он щедро оснащал свою речь, были знакомы по его многочисленным выступлениям на общие темы, а утверждение, будто свежий выпуск самый удачный из множества выпусков, отдавало пустой банальностью. Было понятно, что речь заучена наизусть и повторяется из весны в весну с незначительными различиями.

Адам решил, что ничего нового не услышит, и бросил слушать. Все его внимание сосредоточилось на девушках.

Прежде он о девушках не думал, обучаясь сначала в университетском пансионе, затем в университете. Он, конечно же, подозревал об их существовании, хотя вблизи никогда не видел. Потому теперь, вынужденно оказавшись с этими загадочными существами в одном помещении, он попробовал разобраться, каково их назначение. Единственное, в чем он не сомневался, они определенно живые люди, но как же они отличались не только от привычных девушек-роботов, но и от людей-мужчин.

Он наблюдал, что сокурсники приняли перемены с энтузиазмом, вообразив, что вот оно – будущее, о котором все втихую мечтали, и прекрасное это будущее претворяется в жизнь у них на глазах. Они выглядели счастливыми, обнаружив, наконец, вещественное подтверждение загадочным периодам Закона, где вскользь, что было свойственно главному документу исступленных, упоминались женщины как неперемнная принадлежность единственно возможного способа продолжения человеческого рода, что, впрочем, в представлении исступленных было явлением совершенно необязательным и отчасти предосудительным. При этом вторая составляющая человечества без каких-либо доказательств провозглашалась его лучшей половиной.

Однако лучшая половина оказалась далеко не лучшей хотя бы потому, что настойчиво не давалась рассмотреть себя как следует – вблизи. Для любопытных наблюдателей они представлялись малоподвижными тенями с изможденными темными ликами, наполовину скрытыми крыльями капюшонов. Ходили, понурившись, перетекая медлительным бесшумным ручейком из одной аудитории в другую, непременно в сопровождении двух надзирательниц – старых строгих матрон в черных траурных хитонах, не спускавших с девушек настороженных глаз. После занятий их немедленно увозили и где-то прятали.

Адам, природным свойством которого было постоянное сопоставление жизненных и научных фактов, был озадачен и угнетен неизвестно откуда взявшимся внутренним напряжением, возникшим одновременно с мыслями о загадочных существах – девушках.

Начал он с того, что попытался сравнить их внешние антропометрические параметры со своими собственными. Однако никакой ясности не обрел, поскольку ничего общего, кроме прямохождения и одинакового числа подвижных членов, видимых при поверхностном наблюдении, не обнаружил. Что же касается внутреннего устройства их тел, функционального назначения отдельных органов, здесь оставалась полная неясность.

Размышлять дальше, основываясь только на предположениях, он не хотел. При таком недостатке информации существовал риск напрасной траты времени, если избранный путь исследования окажется ложным.

Он, например, не брался утверждать, что девушки теплокровны, не коснувшись их тел. Но как это сделать, если они всегда на расстоянии и подойти к ним вплотную невозможно? Для Адама не составляло труда дистанционно измерить температуру любого объекта. Но как вычленив из общего фона температуру собственно тела, небольшой массы, к тому же скрытого с головы до пят под чудовищным балахоном? Он не был уверен даже в том, излучают их тела теплоту или поглощают ее.

Тогда, обратившись к теории, он сконструировал и просчитал упрощенную термодинамическую модель человеческого тела, окруженного тепловым экраном некоторой поглощающей способности и теплоемкости. Присвоив материалу экрана приблизительные параметры, поскольку точными данными он не располагал, и скрупулезно выполнив расчет, Адам получил результат, который свидетельствовал, что девушки поглощают тепла больше, чем излучают, что означало непрерывный процесс накопления энергии, который рано или поздно должен был завершиться катастрофой.

Причиной досадной ошибки, вынужденно признал Адам, были недостоверные исходные данные. Оказалось, что он не знает многого из того, что необходимо знать точно. В частности, негде было взять подлинные тепловые параметры экрана. Наконец, он не знал, какова удельная теплоемкость тел девушек, такая же, как у него, или существенно отличается.

В конце концов он пришел к выводу, что задача решается однозначно, если измерения выполнить в три этапа. Сначала определить интегральное излучение из области пространства, где не менее минуты находится одна девушка. Затем через минуту к первой девушке присоединить вторую, наконец, спустя еще минуту, добавить третью. Методически такой прием выглядел безупречно. Аналогично решались задачи элементарной математики, когда число уравнений в результате несложных преобразований сводилось к числу неизвестных. Однако Адам, готовый осуществить столь замысловатое измерение, с трудом представлял себе, как организовать упорядоченное перемещение объектов, с которыми отсутствует прямая связь и которыми нельзя управлять.

Он вынужден был смириться с тем, что теоретически надежный план оказался пустышкой, и после недолгих раздумий отказался от него. Но духом не пал – он был терпелив и продолжал верить, что выход будет найден, нужно только думать и думать.

И тогда его осенило: начинать нужно с другого конца, признать, что параметры девичьих тел в точности соответствуют его собственным параметрам, а вес пропорционален росту. Принятые допущения упростили расчеты. Оставалось выполнить измерения. В лаборатории термодинамики был подходящий прибор, он помнил даже, где тот находится – в каком отсеке препараторской и на какой полке. Оставалось на время позаимствовать его под благовидным предлогом. Не беда, что придется присочинить, упрощая строгого смотрителя. Он искренне верил, что задача науки состоит в том, чтобы отвечать на поставленные вопросы, самоотверженно преодолевая преграды на тернистом пути ученого. Так его натаскивали с младых ногтей, и так он привык думать. Впрочем, этому учили всех испуганных, не разбираясь, учатся они в университете или просто работают, не получив специального образования, кроме обязательной средней школы.

План исследования сложился, оставалось осуществить его.

После торжественной части и поспешного скомканного ужина в столовой, где каждому из выпускников поднесли по первому в их жизни бокалу пенистого напитка с горьковато-сладким вкусом, обильные газы которого остро ударили в нос, состоялась его встреча лицом к лицу с юной патрицианкой, заметно выделявшейся размашистой смелостью среди остальных студентов группы.

Она решительно, точно были они давно знакомы, подошла, назвала свое имя – Тея – и заявила с вызовом, заранее исключая возражения, что выбрала его давно и навсегда. И следом обещала через неделю встретиться с ним еще раз на большее время после того, как ей поменяют кровь и сделают простую пластическую операцию.

Адам с ужасом смотрел на девушку, не умея скрыть отвращения. Встреча, продолжавшаяся всего несколько минут, показалась ему бесконечной. Он молчал, у него не было слов. Наконец пришло облегчение – девушка накинула капюшон, скрывший ее лицо и, не попрощавшись, явно обиженная, пошла прочь.

И только тогда Адам подумал, что не следовало так бесцеремонно отталкивать Тею. Нужно было попросить ее руку и по ней определить температуру тела. Он знал, что температуры тела и руки различаются на восемнадцать-двадцать градусов. Заодно можно было незаметно потеревить балахон, определив хотя бы приблизительно фактуру и плотность ткани. Растерявшись, ничего этого он не сделал.

В конце рабочего дня, прощаясь, куратор учебной группы остановил его и заговорил возвышенным тоном:

– Дорогой Адам, от всей души поздравляю тебя с важным событием в твоей личной жизни. Желаю тебе успехов на этом поприще.

– Спасибо, господин куратор, но вы упомянули об успехах в личной жизни. Что это означает? Объясните, пожалуйста.

– Только то, что тебе очень повезло. Сама Тея выбрала тебя в супруги. Помни: личная жизнь иступленного коротка...

– Но я ее не выбирал, – поспешил возразить Адам. – У меня и мыслей подобных не было...

– Да будет тебе, – с нескрываемой завистью выговорил куратор и продолжал вдохновенно: – Запомни, дочь господина Координатора выбирает сама – имеет право. К тому же всем известно, что в детстве вас обручили. Существует такой обычай. Не слышал?

– Что-то слышал... кажется, – сказал Адам растерянно. – Не помню...

– Прекрасный и очень древний обычай, – продолжал куратор и объяснил: – Так поступают, когда хотят прочно, на поколения связать два сильных рода. Ты напрасно делаешь вид, что ничего не помнишь. Стыдно, Адам, ведь тебе было тогда шесть лет. Мог ли ты забыть, что у тебя есть невеста? А вот Тея помнит и столько весен думает о тебе... Не понимаю, почему твои близкие не сочли нужным напоминать тебе время от времени об этом важном событии.

– Меня не спросили, когда затевали... обручение, – неуверенно выговорил Адам.

– Спрашивать тебя? Зачем? – возмутился куратор.

– Надеюсь, хотя бы теперь спросят – для порядка, – продолжал Адам упрямо. – Все-таки странно начинается моя взрослая жизнь – с лишения самостоятельности и свободы выбора. – Он включил все свои мыслительные способности, решив опереться на непререкаемый авторитет первоисточника. – И все-таки я верю, – сказал он вежливо, но твердо, – что мое право выбора жизненного пути остается за мной. В соответствии с четвертым пунктом восьмого раздела Закона. А то, что было давно, я буду рассматривать как игру, не больше того.

Куратор пропустил доводы Адама мимо ушей, продолжая с интересом рассматривать юношу. Он вынужден был наконец признать, что перед ним не зависимый подопечный, а взрослый и со вчерашнего дня совершенно самостоятельный иступленный, свободный от его опеки и перешедший под защиту Закона.

– О своем упрямстве, Адам, ты еще пожалеешь, – наконец произнес он жестко. – Очень пожалеешь.

Резко развернулся и пошел к выходу. Маленький, жалкий, уменьшающийся по мере удаления, но такой страшный человек, которого Адам к своему стыду всегда, с первых дней учебы до трепета опасался и от которого, сколько помнил себя, готов был в любой момент получить нагоняй.

Так завершился день странных открытий, в котором не нашлось места Герду, единственному его другу, и это обстоятельство огорчало.

Он давно не видел Герда. При последней встрече тот объяснил с непривычной серьезностью, что приступает к исполнению важного задания, говорить о котором ему запрещается, и что теперь какое-то время они будут видеться реже. Герду предстояло работать и жить во дворце Владетеля – единственная подробность, ставшая известной Адаму.

Вечером, вернувшись из университета, Тея рассказала отцу о встрече с женихом, не упустив особенно обидевших ее подробностей. Координатор выслушал дочь внимательно, задал несколько наводящих вопросов, свидетельствующих о том, что это происшествие основательно задело его и, прощаясь на ночь, попросил успокоиться и не расстраиваться по пустякам.

Оставшись один, он после краткого анализа холодно рассудил, что не допустит, чтобы какой-то безродный мальчишка пренебрег его дочерью и избежал наказания. Отныне Адам будет под постоянным надзором и непременно получит свое – по заслугам.

5

Владелец, престарелый господин иступленных и прочих обитателей Земли, смирился с тем, что уже миновал предел отмеренной ему жизни, что с некоторых пор он мешкает в ускользающе тонком пространстве между осязаемым бытием и безвестным миром, который все решительнее предъявляет на него свои права и куда вскоре предстоит короткий, как падение, путь – не отвертись, не избегнешь.

Приближение скорбного часа подтверждали боли, накатывающие приливами. В такие минуты его охватывало отвращение ко всему на свете и, прежде всего, к светливым безгласным теням, что без смысла мечутся рядом и беззастенчиво именуют себя врачами.

Конец неотвратим, возвращался он к назойливым мыслям. Стыдно молить богов о лишнем сладком глотке воздуха – сверх отпущенной нормы.

Конечно, естественный уход предпочтительней, продолжал он размышлять основательно, как привык. Когда-то на Земле так уходили все. Никто никуда не спешил. Но на такой конец земного существования он едва ли смеет рассчитывать, ведь тогда придется нарушить провозглашенный им самим принцип разумной конечности пребывания каждого смертного в дарованной жизни. В подтверждение этой мысли он упрямо повторял самому себе точную формулировку Закона: «Каждый иступленный должен быть готов в любое мгновение добровольно покинуть светлый мир. Исключения недопустимы». Даже для него.

Предстоял нелегкий выбор. Согласиться на операцию – добровольно принять мучения, выжить. Туман рассеется, но надолго ли? Альтернатива проще и уж во всяком случае достойнее – уйти без долгих мучений, решительно закрыв за собою дверь.

Новые поколения лишены свободы выбора. Уходят, едва возникнет потребность общества. Исключение – старики. Родились раньше, не попали в Систему, теперь дотлевают в редющей очереди к естественному концу. Увиливают от судьбы, отчаянно преодолевая немощи, напрягают врачей... До чего же унижительно цепляться за жизнь, так не похожую на жизнь, – унылое, зябкое существование. Он ни за что не позволит себе пристроиться в эту убогую очередь.

И все же он не спешил уходить. Опасался, что придется бросить на произвол судьбы множество незавершенных дел, неосуществленных затей, неразрешенных споров. Но главное, что последнее время невыносимо давило, придется отдать самого себя на суд тех, кто придет на смену и кто по обычаю предков не устоит и состряпает разбирательство, жестокое и бессостыжное, осознав вдруг, что ответить на обвинения он уже не сможет.

В далекой юности ему повезло, он нашел в себе силы удержаться от бунта, когда приближенный робот, с которым он коротал время дежурства за игрой в шахматы, предупредил о большой чистке, назначенной на ближайший день отдыха. Робот посоветовал также, рационально подведя итог: если он думает уцелеть, нужно немедленно уносить ноги.

Он удержался от соблазна, не последовал совету железного друга, а осторожно постановил для себя: не бежать нужно – некуда, всюду достанут. Проще облегчить страдания дряхлого старца своими силами – помочь, пока у него свободный доступ к еле живому телу... Эта мысль, к счастью, не ставши делом, занозой застряла в памяти и теперь продолжает смущать, лишая покоя...

К счастью, все случилось само собой: несколько дней спустя старик мирно затих – не проснулся после дневного сна, а он, самый близкий к господину слуга, превысив полномочия, смело распорядился готовиться к торжественному погребению...

В назначенное утро народ в великом множестве набился в главный храм столицы. Собрались, чтобы по обычаю проститься с прахом Владетеля, отошедшего в вечность. Сплотились тесно, едва дыша.

На полированной столешнице каменного ритуального стола покоились искусно размалеванные останки господина, увернутые в государственный флаг. Рослые гвардейцы в оранжевых парадных мундирах, безоружные по случаю траура, упирались из последних сил, удерживая вокруг стола свободное пространство для господ, собравшихся выступить с последними поминальными словами.

Когда отзвучали речи и прощание приближалось к концу, а люди начали расходиться, взрывной громогласный вопль обрушил торжественную тишину огромного храма. Следом пролился яростью сумбурный поток слов, из которых можно было понять, что ненавистный прах не достоин лежать в родной земле, место ему на городской свалке...

Кричал юноша. Его неистовство было неподдельным и страшным.

Чудовищная хула взорвала толпу. Десяток молодых людей, в мгновение утративших человеческий облик, смяли гвардейцев и устремились к столу – одновременно, со всех сторон. Стальными крючьями, скрытно внесенными в храм под одеждой, шалея от смелости и мешая друг другу, они стащили смердящую плоть на камни пола и под дикие вопли беснующейся толпы проволокли через весь город до свалки жалкий труп почившего господина, которому только что отдавали царские почести. И бросили там – на потребу шакалам.

В те смутные весны этих мерзких тварей расплодилось великое множество...

Тогда ему повезло – удалось избежать пути низости и предательства.

Едва отошли скандальные похороны, как осиротевшие господа, вершащие дела на Острове, впали в прежде неведомое уныние. Всем стало ясно, что наступило время, когда каждый их шаг определять некому. Дальше предстояло жить своим умом.

Первой срочной затеей, не терпящей отлагательства, стали выборы преемника.

Однако этот процесс оказался слишком мудреным. Угнетенные жесткими порядками завершившегося правления, лишённые собственной воли сенаторы, сбросив оковы, вконец растерялись. Они то ссорились, то мирились, но найти преемника не получалось.

Сложность выбора состояла в том, что любой кандидат обязательно относился к одному из двух противоборствующих кланов. Его избрание немедленно приводило к нарушению равновесия, чего все, кто определял выбор, по горькому опыту панически опасались.

Между тем время поджимало – по доносам надзирающих за порядком улица изготовилась поднять хвост.

Тогда кто-то отчаянный предложил послать за ним, ставя ему в заслугу как серьезное достоинство непричастность к межклановым разборкам. Только такой человек, твердил он на всех углах, беспристрастный и независимый, способен уравновесить противоречия. Удивительно, но с доводами смельчака согласились некоторые сенаторы, через них спорная идея проникла в Сенат.

Вскоре к нему зачастили ходоки от кланов. Вежливо выслушав господ, он не стал спешить с согласием, заявив, что распинаться перед посредниками не намерен. Свое упрямое нежелание идти навстречу он объяснил тем, что эти люди действуют слишком бесцеремонно, излагая обязательные условия для его избрания. Они опрометчиво отвели ему роль существа зависимого, начисто лишённого амбиций, единственным назначением которого отныне и навсегда должно было стать бездумное соблюдение только их интересов.

В конце концов, не дав ни тем, ни другим никаких обещаний, он переговоры прервал, втолковав ходокам, что впредь говорить будет только с господами, облечёнными правом принимать решения.

Ходоки быстро сообразили, с кем имеют дело, и доложили кому следует. В результате Сенат согласился его избрать без каких-либо предварительных условий.

Вскоре состоялись выборы – буднично и поспешно.

Вступив в должность, он, не теряя времени, решительно отодвинул всех тех, кто опрометчиво полагал, что его все же удалось закрючить. И только довершив этот первый шаг к новому порядку, с молодым усердием взялся за государственные проблемы.

В мальчишеском азарте от удивительных превратностей судьбы он все же не устоял и позволил себе дурной поступок – потревожил покой почившего господина, поведав в узком кругу о заветной затее его последних дней – готовящихся репрессиях. Не удержался от глумления, которого от него никто не ждал и не требовал. Этот свой грех, не покаявшись тогда же, он упрятал в дальние закоулки памяти и извлекал на свет лишь в редкие минуты слабости и обнажавшихся укоров совести. Те же, кто присутствовал при этом досадном событии, вскоре по его тайному повелению отправились в мир иной, не успев разнести весть о неловком предательстве молодого господина.

Обосновавшись на вершине и осознав, каково там быть одному, он обнаружил, что всякая власть, едва осуществившись, невольно и естественно устремляется к бесконечности. То есть к такому владению людьми, их настоящим и будущим, их свободой и несвободой, их душами и рассудком, которое позволяет повелевать не ради дела или идеи, а единственно ради того, чтобы повелевать. Жажда власти, как оказалось, владела им испокон и, когда он обрел ее, обратилась в страсть, которую он больше не считал нужным скрывать.

Он скоро понял, что сладкая мечта о свободе для всех и во всем не более чем юношеский максимализм, от которого следует избавиться, – лучше одним усилием. Потому, едва приступив к исполнению своих обещаний о справедливости и демократии, он сначала осторожно, шаг за шагом, затем с нарастающей скоростью скатился к самому устойчивому состоянию – единовластию.

Одновременно, завершая первый этап погружения во власть, он решительно убедил соратников, что демократия слишком концентрированный продукт для непосредственного употребления. Что она нуждается в предварительном размягчении для последующего придания ей строгой и совершенной формы.

По существу, он пренебрег надеждами окружающих на демократические преобразования, сначала искусно приправив их тоталитарными скрепами, отчасти превратив в прямую противоположность, а затем просто забыл об их существовании.

В результате последовал неожиданный эффект: жизнь стала проще, устойчивее, стало меньше туманных рассуждений и болтовни и больше прямого, бездушного, но полезного действия.

Следом он провозгласил, на первый взгляд, странную, но, как оказалось позже, рациональную идею сосредоточенного развития, исключая малейшие отвлечения на пустяки. Стоило в сознании любого исполнителя связать исходную точку пути и возжеленную цель не извилистой кривой, которая содержала как обязательные составляющие случайность и произвол, удлинявшие путь и время, а красивой безукоризненной прямой, малейшие искривления которой на досадных препятствиях исключались принципиально, как немедленно проявлялся порядок, а жизнь приобретала простой и ясный смысл. И, как ни противодействовали недоброжелатели, в результате внедрения этой идеи в сознание каждого гражданина стало легко и просто управлять огромным механизмом государства.

Время спустя, окончательно осмелев, он объяснил самому себе причину собственного превращения: каждый властитель совершенно естественно стремится к тому, чтобы общество было единым и однородным. Его не должен смущать немедленно возникающий вопрос: а возможно ли такое общество, если оно состоит не из роботов с одинаковым программным обеспечением, а из живых людей? Ведь известно, что в природе не может быть ни однонаправленного усилия множества разнородных сил, ни единого восприятия окружающего мира, как не может быть единых для всех мышления, любви, страдания, счастья...

Постепенно он обрел уверенность в том, что люди в подавляющем большинстве незатейливы, терпеливы, трусоваты – уж такова их природа. Но проходит время, и немислимое давление, обрекающее поколение за поколением на беспросветное скудное существование, становится невыносимым, а лукавые разговоры о том, что нужно еще потерпеть, что скоро, очень скоро жизнь наладится и все будут счастливы, перестают восприниматься измученным человеческим стадом в качестве руководства к действию, превращаясь в издевательство над здравым смыслом.

И здесь после длительных рассуждений нашелся выход: достаточно проявить настойчивость и время от времени внушать суетливому человечеству, что о нем думают и заботятся, на самом же деле даже не помышляя о такой глупости, как оно добровольно соглашается с отступлениями от первоначального замысла о вождельной счастливой жизни. Не успеешь оглянуться, и стадо начинает привыкать к тому, что всеобщее счастье не более чем красивый миф, недостижимый принципиально, и что смягчить это грустное открытие можно лишь искренним согласием на самоограничение. С этого момента, он заметил сразу же, начинается преобразование разрозненной толпы в сплоченное государство, способное предоставить своим гражданам более или менее достойное существование.

Теперь, когда его жизнь подошла к концу, он отчетливо сознавал всю жестокую сущность своего правления, пробовал оправдаться тем, что старался – изо всех сил. Не всегда получалось – обстоятельства оказывались сильнее.

В конце концов он превратился в человека, подтолкнуть которого в бездну не откажется большинство из живущих рядом.

Он уйдет, это решено. Навсегда избавит народ от страха. Простит современников, испросит у них прощения. От души пожелает им вечного беззаботного счастья.

Он знает, что будет дальше. Долгожданная воля, о которой втайне мечтают подданные, как доносят услужливые соглядатаи, ненадолго вернется и осенит Землю... А следом, продолжал он думать печально, проявится новое время, и всех нескладных людишек придавит еще больший гнет.

Так бывало всегда и так, к сожалению, будет вечно...

6

Адам очнулся, открыл глаза. И тотчас ожил будильник – ежеутренний сигнал постоянно включенной трансляции. Вкрадчиво зашелестел, набирая громкость, все более концентрируя ее в отчетливых секундных ударах. Наконец прорвало – будильник окончательно пришел в себя и суматошно запричитал. Адам потянулся рукой и отключил прибор.

За окном светало, там моросил дождь – капли монотонно били по звонкому подоконнику. Вставать не хотелось.

Как часто, особенно нестерпимо в последние годы, мечталось однажды нарушить порядок, пренебречь неумолимым сигналом, по которому каждое утро поднимался огромный университет, остаться в постели, день напролет предаваясь лени. Но всякий раз, стоило крамольной мысли коснуться сознания, он решительно подавлял ее, и она послушно тонула в памяти, чтобы всплывать вновь и вновь, как только явятся грустные мысли и придет пора бороться с ними.

Сегодня необычный день, думал Адам. Он уже не студент, он взрослый самостоятельный человек. Бесконечно долго он шел к этому дню, много и напряженно думал о нем, представлял себя в этом дне. И вот этот день настал и не принес ничего особенного – обычный дождливый денек, рядовой день жизни.

Комната, предоставленная ему в одном из домов низшего ученого сословия, была вещественным подтверждением его нового положения. Она оказалась просторной и не шла ни в какое сравнение с тесной клетушкой в студенческом общежитии, бывшей его пристанищем на протяжении нескончаемых десяти весен. Как он в ней помещался, было загадкой, учитывая, что за время учебы его габариты по всем измерениям увеличились по меньшей мере вдвое, а вес и того больше – почти вшестеро.

Там кроме него хватало места только для узкой твердой лежанки, навешенной на стену, столешницы, консольно закрепленной напротив, на которой располагался терминал объединенной вычислительной сети, клавиатура ввода и плоский монитор, из экономии пространства утопленный в неглубокой нише стены. Расстояние между лежанкой и столешницей было настолько малым, что, только подняв лежанку и зафиксировав на стене в разболтанных шарнирах, можно было протиснуться на складной стул без спинки, прятавшийся до того под лежанкой.

Передняя стена его новой комнаты полностью стеклянная. Рабочий столик терминала у окна, широкая плоская кровать в глубине, не такая жесткая, как в общежитии, встроенный вертикальный шкаф с зеркальной дверцей от пола до потолка. В шкафу стандартный комплект одежды, сшитой по его меркам. Рядом едва различимая дверца в душ и туалет – вот и все, что досталось ему для выполнения первой самостоятельной работы.

Он все еще не решил, чем будет заниматься ближайшие три весны. Именно такой промежуток времени выделялся выпускникам на выполнение обязательного этапа взрослой жизни – обретение низшей степени доктора. Только теперь он начинал понимать с сожалением, что слишком разбрасывался во время учебы. Брался за одно, загоревшись, остывал, переключался на другое, далекое, не связанное с первым увлечением, не замечал, как возникало и захватывало третье... И скоро понимал, что все уже настолько основательно выполнено предшественниками, что какое-либо продолжение или развитие выглядит тупым пережевыванием однажды съеденной пищи. Тогда он бросал освоенный массив знаний и приступал к поискам новой цели. Он был слишком широк. Недаром куратор во время их регулярных бесед с глазу на глаз упрекал его в избыточном многообразии интересов при недостаточной глубине и основательности постижения. Его всегда выручала природная сообразительность, но она же вела его самыми простыми путями.

Он знал, что в ближайшие дни заставит себя сделать выбор. Будет работать, не отвлекаясь, и завершит задание в срок. Представит диссертацию ученому совету университета, получит одобрение, и следом произойдет самое ожидаемое событие в жизни – его переселят в один из освободившихся коттеджей поселка докторов. У него будет не только собственное пространство, в котором он заживет один, но за домом, что особенно привлекало, будет крохотный клочок настоящей земли – его личный дворик, отгороженный от соседних подобных дворов невысоким аккуратным забором из листов непрозрачного стекла зеленого цвета. А на открытой веранде под широким навесом, продолжающим дом в направлении дворика, будет ждать удобное кресло-качалка с пружинящими спинкой и сиденьем, в котором он будет покачиваться по вечерам, размышляя о жизни, пока не стемнеет и не придет время отходить ко сну.

Именно такой дом и дворик и даже старенькое кресло-качалку ему доводилось видеть в доме куратора, куда он время от времени приглашался в гости по выходным.

Он принимал приглашения как награду за отличную учебу и исполнение обязанностей монитора учебной группы и поначалу отчаянно гордился тем, что его выделяют среди сверстников. Однако скоро понял, что он всего-навсего здоров в отличие от остальных студентов, страдающих тяжелой болезнью, о которой никогда не говорили прямо, но которая постоянно подразумевалась.

Он наблюдал, как к концу недели некоторые студенты изменялись, будто из них выпускали воздух. Обострялись, светлели лица, гасли глаза, движения становились вялыми и неловкими. В полудреме бродили они по аудиториям или сидели парами на скамейках – тесно, поптичьи – и о чем-то шептались – общались, в бессилии приникнув головами друг к другу.

После первых же грозных симптомов группу усаживали в транспорт. Ослабевших, болезнь которых зашла слишком далеко, санитары вели под руки или несли на носилках. Их увозили в Дальнюю лабораторию, где кровь, отказавшуюся переносить кислород, частично заменяли живой донорской кровью. Недостаток же восполняли искусственной жидкостью, все еще несовершенной, несмотря на бесчисленные весны, затраченные на основательные исследования.

Они возвращались утром, спустя два дня. Загоревшие, как после отдыха на море, с виду совершенно здоровые. Приступали к учебе с охотой изголодавшихся, быстро наверстывали отставание... Обычно после мучительной и опасной процедуры они нормально жили неделю, реже две, и все повторялось в раз и навсегда установившейся последовательности.

Он жалел несчастных ребят, не решался звать их в свою здоровую жизнь, а они не жаловали его в своей – больной, ненадежной. Потому-то в его отношениях со сверстниками не было ни тепла, ни даже простого понимания. Поначалу изоляция тяготила Адама, но постепенно он научился терпеть одиночество.

И все же возникла первая ниточка, связавшая его с окружающим миром, – в его одинокую жизнь вошел Герд, студент медицинского факультета.

Поначалу Адам встретил его неприветливо, не умея совладать с собственным отчуждением и активным встречным движением Герда, но понемногу смягчился – его словно прорвало, он понял, что давно мечтает встретить такого друга.

Он сразу же почувствовал, что Герду можно довериться, не опасаясь за последствия. При всей своей общительности Герд не мог быть стукачом, к тому же Адам только подозревал о существовании провокаторов в студенческой среде, но никогда не встречался с ними. Правда, и крамольных мыслей он не высказывал да и не знал толком, какие мысли следует считать крамольными. Он также смутно представлял себе наказания, которые полагаются за крамольные мысли.

Первое время знакомства Герд сам заговаривал с Адамом, когда они оказывались в обеденный перерыв за одним столом. А однажды присел рядом на стадионе во время контактной игры в мяч. Играли команды инженерного и медицинского факультетов – извечные соперники

на поле. Герд с такой яростью болел за своих и так радовался победе противников, что Адам счел нужным спросить его об этой странности, ведь принято было болеть за свою команду, радоваться ее победам и печалиться из-за проигрыша. Герд спокойно ответил, что не страдает патриотизмом такого рода и что совсем не обязательно брать сторону сильного и успешного. Разумеется, в спорте, подчеркнул он тогда и, помолчав, объяснил серьезно: он мыслит себя свободным человеком, а свободному человеку свойственна, прежде всего, независимость суждений.

Герд тоже был нездоров, его кровь была больна и нуждалась в периодической замене. Но в отличие от остальных ребят, даже испытывая недомогание, он был неизменно открыт и весел.

Когда увозили сверстников и вместе с ними Герда, наступали пустые времена. В эти дни Адам особенно страдал от своего здоровья и избытка сил, которые некуда было растрачивать. Он бросался в учебу как в избавление, одолевая программы отдельных предметов и даже старших курсов.

Как-то в один из печальных дней одиночества он из любопытства забрел в заброшенное лабораторное здание на задворках университетского городка. Преодолев пустой коридор, он отворил единственную дверь в полутемном его конце и вошел в едва освещенный зал – старую химическую лабораторию, заполненную обшарпанными столами и стеллажами.

В дальнем углу, у окна, за старинным столом, заставленным приборами и разнокалиберной стеклянной посудой, порожней или заполненной разноцветными жидкостями, сидел, склонившись над микроскопом, старик. Заслышав шаги, он поднял навстречу сухое изможденное лицо, внимательно оглядел вошедшего и, ничего не сказав, вернулся к своему занятию.

Спустя минуту он оторвался от микроскопа и тихо произнес, кивком указав на стул, стоявший напротив:

– Садись, дружок. Признаюсь, я ждал тебя, да ты все не шел и не шел. – Он уставился на Адама живыми внимательными глазами. – Не удивляйся, ведь я знаю тебя с пеленок. И твоего деда Гора знаю. Когда-то мы были дружны, я частенько бывал в его доме. – Он замолчал, отдышался. – Ты был мал тогда – шустрый, подвижный мальчик. Все норовил забраться ко мне на колени, требовал покачать. Не помнишь... Меня зовут Антон. Должен предупредить, что общаться со мной опасно для тех, кто решается на контакт.

– Теперь у деда, кроме меня, никто не бывает, – сказал Адам. – Я спрашивал почему, он молчит.

– Мне тоже ограничили круг общения и запретили выходить за пределы университета, – сказал Антон. – Пошла двенадцатая весна, как это случилось. Ты, конечно, хочешь знать, чем объясняют запреты. – Он помолчал. – Дело в том, дружок, что власти считают меня опасным для окружающих. Страшное обвинение в наши дни. Особенно когда нет возможности оправдаться. Но не будем о грустном. Лучше расскажи, как поживает старина Гор. Кстати, он ведь тоже признан опасным. Правда, его наказали иначе – запретили бывать в городе. А еще нам велели помалкивать во избежание более строгого наказания.

– Интересно, кому могла прийти в голову такая чепуха?

– Очень важному человеку. – Антон понизил голос до шепота и, привстав, приблизил лицо к Адаму. – Ты этого человека хорошо знаешь. Впрочем, мы все его знаем. Немудрено – портреты на каждом шагу. Результаты его забот в каждом сердце. Слышал эту истину? Еще говорят, что он вездесущ и... вечен. Теперь узнаешь? – Старик откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза. – Но... лучше не думать об этом... Пожалуйста, расскажи мне, во-первых, как ты живешь, – заговорил он, очнувшись. – Во-вторых, здорова ли твоя кровь, в-третьих, почему ты решился прийти сюда, ко мне. Ты не боишься?

– Нет, не боюсь.

– Тогда, что ж, приступай, я тебя слушаю.

– Живу я скучно, у меня нет друзей среди сверстников. Один Герд, но он старше и к тому же учится на медицинском факультете. Кровь у меня здоровая, в Дальнюю лабораторию меня не возят. Болтаюсь без дела, когда все уезжают. Поехал бы к деду на это время – не отпускают. Сюда пришел из любопытства, никогда здесь не бывал. К тому же дверь была не заперта. Это, пожалуй, все.

– Ты знаешь, чем я занимаюсь?

– Нет, не знаю.

– А хочешь узнать?

– Хочу.

– Тогда слушай. Оказалось, что болезнь крови, о которой так много и суматошно говорят и спорят в ученой среде, не главная проблема иступленных, она лишь внешнее следствие, оболочка иной, сложной и неочевидной, проблемы – генетической. Основательно поврежденный геном иступленных – вот настоящее следствие Катастрофы. Оно проявлялось всегда, но долго не привлекало общественного внимания. Следовательно, не было определяющим до тех времен, пока не произошли кардинальные перемены в обществе людей. Эти перемены выразились в разделении уцелевших этносов на цивилизованные и отсталые, якобы задержавшиеся в развитии. Возникла ступенька между общинами, преодолевать которую запрещалось принципиально. Как следствие, оборвались перекрестные связи, прежде позволявшие продолжать человеческий род естественным способом. Одновременно возникла и победила теория размножения через кювету. Это привело к тому, что не самое страшное следствие генетического дефекта, прежде проявлявшееся довольно редко, о чем свидетельствует статистика, превратилось буквально в рок, довлеющий над жизнями множества людей. Долгие весны с этим несчастьем кое-как справлялись. Конечно, потери были, но не они определяли жизнь. Со временем процесс приобрел катастрофические свойства. Теперь здоровые дети рождаются крайне редко – как исключение. Сорок весен мне пришлось потратить, чтобы приблизиться к возможности полного излечения страшной болезни.

– И вам это удалось? – не удержался Адам.

– Удалось, – сказал Антон. – Я исходил из того, что больному организму нужен ремонт, причем начинать его желательно с самого рождения. Не замена крови, это не имеет смысла – спустя небольшое время болезнь возвращается. Механизм ремонта теоретически несложен, сложно осуществление. Представь себе, что перед тобой ветхое здание, построенное из кирпичей. В давние времена здания строили именно так: определенным образом складывали отдельные пассивные элементы из обожженной глины, скрепляя клеящим раствором. В результате получалась прочная однородная конструкция. Но шло время, и здание разрушалось – отдельные кирпичи рассыпались в пыль или вываливались. Что было делать?

– Разрушить здание, а на его месте возвести новое.

– Согласен. Иногда экономически выгодно поступить именно так. А если здание дорого как память?

– Тогда отреставрировать, – неуверенно предложил Адам.

– Верно. Удалить слабые или утраченные кирпичи и на их место поместить новые. Это возможно, если в запасе имеются эти самые кирпичи. А если их нет?

– Заменить современными материалами, наверное.

– Этот вариант не годится – будет утрачена подлинность. Поступают иначе. Разбирают те части здания, которые не несут нагрузки и не влияют на внешний вид. Добывают кирпичи там и решают задачу. Именно так поступил я. Создал условия, при которых дефектные элементы генома исключаются и заменяются точно такими же резервными, которых в геноме по неустановленной причине великое множество. Операция, конечно, намного сложнее и рискованней, чем я рассказываю, но не следует ли попытаться довести ее до совершенства?

– Еще бы, конечно, следует, – оживился Адам.

– Однако не спеши с выводами. Как только удастся одолеть болезнь, возникнет неожиданный вопрос: а нужны ли нашему государству все те люди, которых я вылечу? То есть выяснилось, что я, творя из больных и чахлах людей здоровых и сильных, нарушаю некий тайный замысел. Исследуя эти проблемы, я сделал вывод: лечить следует не кровь, даже не генетику, лечить нужно общество, которое толком не знает или, что более вероятно, не желает знать своих ближайших перспектив. Пятьдесят весен назад кровь обновляли не чаще, чем раз в полгода, а человек, сумевший дожить до тридцати весен, обычно выздоравливал сам. Сегодня кровь обновляют, как правило, раз в две недели. Случаи полного выздоровления настолько редки, что по ним не ведут статистический учет. Уверен, это положение кого-то очень устраивает. Сначала мне вежливо намекнули, что мои исследования нужно свернуть – они бесполезны. А недавно прямо запретили заниматься этой проблемой. Разрушили отлаженную лабораторию, сотрудников, которым нет цены, рассовали по другим подразделениям, заставили заниматься чем попало и помалкивать. Меня, как видишь, бросили одного – доживать. Сегодня я готов заявить, что проблема практически решена. В доказательство я вылечил трех безнадежно больных, от которых отвернулись врачи. Эти люди больше не нуждаются в помощи Дальней лаборатории. Но когда я представил их ученому собранию, мне заявили, что мои методы напрасны – общество не созрело для их широкого применения.

– Это как же понимать?

– Очень просто, юноша. Человек, здоровье которого опустилось ниже определенного уровня, никому не нужен. Он становится обузой, лишним едоком, потребителем благ. От такого человека проще избавиться, чем лечить.

– Но вы говорите, что вылечили этих троих.

– Вылечил. А зачем? Ведь меня никто не просил.

– Теперь я понимаю, почему некоторые ребята исчезают, не закончив университет. Они что же, закрывают за собой дверь? Так это называется? Это похоже на прореживание...

– Ты думаешь верно.

– Получается, что вы можете вылечить, а вам не позволяют?

– Ну да.

Старик замолчал, а когда заговорил вновь, в его голосе была такая обида, такая горечь пропитывала каждое его слово, что Адам сжался от волнения и страха.

– Сегодня я могу вылечить почти всех живущих и наверняка тех, кто еще только родится. Но... должны быть приняты мои условия.

– Условия?

– Да, условия. Первое. Должна быть проявлена добрая воля властей на широкий эксперимент. Второе. Нужно немедленно вернуться к смешанным бракам. Давно известно, что они дают здоровое потомство. Ты наверняка не знаешь, что твой дед Гор родился от брака иступленного и плебейки. Наконец, третье. Следует отменить экстракорпоральное оплодотворение и вызревание плода в кювете. Разрешать только в исключительных случаях – по медицинским показаниям. Если женщина действительно не в состоянии выносить плод...

– Но это же невозможно, – оторопел Адам.

– Напротив, очень даже возможно. Ведь в моих предложениях нет ничего запретного или противоестественного. Я исхожу из того, что человечество едино – это первая аксиома. Если решиться на исправление ситуации сегодня, для первых двух поколений женщина должна происходить из плебеев – это вторая аксиома. Вынашивать ребенка женщина должна самостоятельно, а не поручать эту заботу паршивой кювете... Это третья аксиома. Противоположный вариант, когда мужчина плебей, а женщина иступленная потребует основательного изучения, здесь на серьезный успех я пока не рассчитываю.

– Значит и взрослого человека можно вылечить?

– Конечно. Доказательство перед тобой. Вот уже десять весен у меня совершенно здоровая кровь.

– Как вы это сделали?

– Сделал, – сказал Антон с вызовом. – А ты, смотрю, нетерпелив. Сделать-то я сделал, но в полной безопасности метода пока не уверен. Некоторый риск все же есть. Нужны дополнительные исследования.

– А если попробовать?

– Я же сказал, официально мне запрещены любые операции.

– Слишком много людей развелось?

– Именно. И все требуют внимания и заботы. Дорого получается. Куда как проще фильтровать детей на первом этапе жизни. А тех, кто уцелел и вырос, в течение остальной жизни. Дошли до того, что выработали критерий здоровья... Опустилось здоровье ниже определенного уровня – в отход. Как говорится, дальше некуда...

– Не понимаю...

– Это невозможно понять.

– Вы что, действительно можете вылечить взрослого человека?

– Могу. – Антон заметно ожил. – Только мало кто согласится быть подопытным кроликом.

– Герд согласится. Мой единственный друг. Я упрошу его.

– Тогда нет.

– Почему?

– Потому что друзьями не рискуют. К тому же кто-то должен дать здоровую кровь. Разумеется, при условии, что совпадают группы и некоторые другие параметры. Для полной уверенности в успехе. Конечно, кровь можно добыть в Дальней лаборатории, да кто же мне даст... Понадобится целый литр.

– А если я дам кровь? У нас с Гердом первая группа. У меня хватит крови на двоих.

– Тогда договаривайся с другом. – Старик неохотно согласился после недолгого раздумья. – Давай попробуем. Через неделю я подготовлюсь к операции. Сделаем анализы и вперед! Понадобится ассистент...

– Я готов...

Антон больше нет на Земле. Он вылечил Герда и вскоре ушел. Ему предложили уйти. Он спорить не стал – согласился...

Однако пора подниматься. Адам одним махом выбросил тело из кровати, вскочил на ноги, прошелся по диагонали комнаты, разминаясь, ощущая голыми ступнями приятную колкую шершавость сплошного ворсистого ковра. Замер перед зеркалом, внимательно рассматривая себя. Как же он отличается от сверстников. Пожалуй, он действительно человек другой породы. Напрасно обиделся на Герда, когда тот высказал догадку, будто он только частично иступленный, вторая же его часть, несомненно, плебейская. Иначе не объяснить отличий, бросающихся в глаза. Герд медик, он разбирается в таких тонкостях.

В доказательство своей правоты, чтобы успокоить друга, Герд терпеливо и вежливо перечислил его отличия от иступленных. Высокий рост, на голову выше любого, мускулистая грудь, тяжелые мощные руки, которые так мешают ему, широко развернутые плечи, большая голова на крепкой шее – все это решительно выделяло Адама среди низкорослых сверстников и подтверждало догадку Герда.

Он, конечно же, знал о своих особенностях, смирился с ними, как смирился с тем, что его организм не содержит ущерба.

Завершив утреннюю разминку, он вступил в замкнутое пространство душевой кабины. Герметичная дверь плотно затворилась за спиной. Он коснулся пальцем светящегося изображения горшка на панели управления. Из задней стенки на консольном поддоне бесшумно и

плавно выдвинулся горшок темно-коричневого цвета с ярко-желтым пластиковым сиденьем, принял его тело, дождался, пока Адам выбросит отработку, скопившуюся за сутки, и так же бесшумно спрятался в стене.

Очередным значком было изображение падающей воды. Адам коснулся его и тотчас на голову, на тело обрушился сплошной столб ледяной воды. Удар был настолько сильным, что он с непривычки присел, но вода скоро слилась, ушла сквозь сетчатое дно кабины, сменившись приятно согревшей метелкой душа. Одновременно автоматически включился калорифер, пульсирующий поток теплого воздуха заполнил объем кабины и высушил тело.

И сразу же в стенке, шелкнув, открылась шторка. Из окошка выдвинулась платформа с горкой свежей одежды, уложенной в порядке, в котором следовало одеваться.

Над шторкой засветился зеленый мерцающий прямоугольник, строки текста и цифр содержали параметры крови, пульс, артериальное давление, кислотность в желудочно-кишечном тракте... Читать дальше Адам не стал, ничего интересного дальше не было. Текст завершился словом, выполненным более крупным шрифтом вразрядку: «ЗДОРОВ».

Он знал, что отныне эта опция будет сопровождать его на протяжении всей жизни до той поры, когда вместо оптимистичного ярко-зеленого слова, подтверждающего здоровье, появится перечень болезней, избавиться от которых его заставят общим для всех иступленных способом, отдающим безнадежностью, – велят закрыть за собою дверь. Но это случится еще не скоро, успокоил он себя.

Он быстро оделся и вышел из душа.

В комнате Адама никакой еды не было – в жилых помещениях этого уровня держать пищу не полагалось. Придется завтракать в столовой на первом этаже. Но как же ему не хотелось видеть сейчас сокурсников. Они наверняка теперь там и, как всегда, строят грандиозные и однообразные планы на будущее.

Он спустился на первый этаж в открытой кабине лифта. На последнем переходе к столовой по ярко освещенной галерее из боковой ниши наперерез ему метнулась темно-серая фигурка в ниспадающем крупными вертикальными складками балахоне с остроконечным капюшоном, наполовину скрывавшим голубовато-бледное лицо. Это была Тея.

Адам немедленно узнал ее по желтым, несоразмерно широким и на вид тяжелым сандалиям. Невесомая фигурка Теи опиралась на них и, казалось, только благодаря этому противовесу удерживалась вертикально. Ее острый подбородок, видимый между крыльями капюшона, был надменно приподнят, узкие ярко-красные губы придавали лицу вызывающе строгий вид. Будоражащее чувство протеста ожгло Адама. Захотелось во что бы то ни стало избежать неожиданной встречи, но было поздно.

Тея откинула капюшон и Адам наконец-то увидел ее лицо целиком. Огромные серо-голубые глаза девушки блестели, они смотрели на него прямо, время от времени замедленно прикрываясь синеватыми веками. В эти мгновенья ее лицо мертвело и напоминало не лицо человека, а белесую плоскую маску, перечеркнутую ярко алой горизонталью губ. Ее редкие рыжеватые волосы были гладко зачесаны и собраны на затылке в жалкий короткий хвостик. Но глаза открылись и лицо ожило.

– Адам, сделай одолжение, – напористо заговорила Тея, – объясни, почему ты избегаешь меня. Почему ведешь себя так невежливо, точно мы совершенно чужие. Не даешь себе труда выслушать меня хотя бы из простой учтивости... Повторяю: я требую внимания. Ты должен усвоить простую истину: мы с тобой обручены. Это событие произошло давно – нас соединили в раннем детстве, ровно четырнадцать весен обратного отсчета. Мне тогда исполнилось три весны, тебе – шесть. Не понимаю, почему я должна напоминать тебе об этом? Зачем ты унижаешь меня? Нас с тобой связали навсегда, и отменить этот удивительный для тебя факт не в силах не только никто из живущих на земле, но даже сам... Владелец, храни его боги. Это государственное решение. Ни ты, ни я не смеем сомневаться в нем – нет у нас такого права.

Ты же делаешь вид, будто ровным счетом ничего не знаешь о нашем союзе. Когда же ты наконец поймешь, что этот факт не подлежит обсуждению? Решение останется таким, каким было провозглашено в те давние времена, когда ни ты, ни я ничего не решали. И напоследок замечу: этому событию были многочисленные свидетели. Его ждал весь наш народ, все исступленные молили бога, чтобы оно свершилось. Теперь, Адам, говори, я тебя слушаю.

Когда ровный бесстрастный поток гладких обкатанных слов иссяк, Адам понял, что с трудом воспринимает их смысл. Он не мог согласиться с тем, что это неизвестно откуда взявшееся существо – синеватая мордочка с ярко-красными губами, кожаный мешочек с костями, неотступно преследующее его весь последний месяц, имеет на него какие-то освященные временем и людьми права и вполне серьезно намеревается жить с ним одной жизнью.

– Почему ты молчишь, Адам? Тебе нечего сказать?

– Я действительно ничего об этом не знаю, – вытолкнул из себя Адам и понял, что не в состоянии сосредоточиться и что он попросту жалок. – Возможно, это событие произошло на самом деле, и люди связали нас... как ты говоришь, воедино. Мне приходилось слышать о подобном обычае. Но когда это было? Прошло столько времени... Не понимаю...

– Ты обязательно поймешь, – произнесла Тея механическим голосом, в котором ожила угроза, – придет время... Ну, а если не поймешь... Тогда что ж... Остается универсальное наказание для клятвопреступников: ты закроешь за собой дверь. Поплотнее. Человек, нарушивший обещание, достоин только такой участи.

– Последнее время я часто слышу: закрыть дверь за собой. Что это означает, можешь мне объяснить?

– Ты и этого не знаешь? – Презрительная гримаса исказила лицо Теи, ее широкий рот дрогнул – возможно, так она попыталась улыбнуться. – Удивительно, чему только учат вас целых двенадцать весен. Ладно. Я высказала тебе все, что хотела. Теперь ухожу, ты остаешься. Надеюсь, ты поумнеешь, и тогда мы встретимся и вернемся к нашим проблемам.

Тея ловким движением натянула на голову капюшон, развернулась на месте и поспешила прочь, только желтые сандалии замелькали. А Адам подумал, что никак не может представить себе девушку в профиль, и эта мысль показалась ему странной и неуместной.

В столовой было пусто. Адам подошел к стойке, за которой суетилась маленькая девушка-робот. Она подняла на него голубые стеклянные глазки, часто захлопала густыми ресницами, что следовало понимать как вопрос о номере варианта завтрака, – роботы не смели заговаривать первыми.

– Пожалуйста, второй, – произнес Адам, стараясь говорить как можно отчетливее.

– Нам недавно заменили детектор, господин, – сообщила девушка приятным высоким голосом. – Теперь я распознаю даже неразборчивую речь, а вы так четко говорите...

– Ольга! – грубый гортанный окрик исходил неизвестно откуда. – Ты чего это разболталась с молодым господином? Делаю тебе второе замечание. Опять отлыниваешь? Поторопись! Ты, кажется, достукаешься у меня. Я сдам тебя на запчасти...

– Не нужно на запчасти... – пролепетала Ольга. – Только не это. Я еще не отработала ресурс.

– Опять споришь? – Все тот же ворчливый голос давил.

– Будьте добры, оставьте девушку в покое, – попросил Адам вежливо. – Это я виноват. Нужно было остановить ее.

– Вы, молодой господин, не можете быть виноваты по определению. – Голос заметно смягчился. – Так и быть, по вашей просьбе второе замечание снимаю. Приятного аппетита, господин выпускник, кушайте на здоровье.

Ольга уже протягивала поднос с дымящейся тарелкой пресной овсяной каши, тонким ломтиком подсушенного хлеба и чашкой утреннего кофе – второй вариант завтрака.

7

Владелец чувствовал, что раздражение копится. Еще мгновение и будет не совладать с собой. Тогда он сорвется в пропасть, из которой без потерь не выбраться.

Особенно несносен этот шустрый живчик – юный врач Герд. Откуда он взялся такой непонятный, откуда свалился? Но вспомнил, и сразу же отлегло от сердца: тщедушного паренька с твердым и ясным взглядом, являющим независимый характер, он предпочел из нескольких соискателей, выбирая личного врача. Этот мальчишка чем-то задел его за живое.

Надо же, второй день паршивец упрямо прячет глаза, думал Владелец, не спуская с Герда настороженных глаз. Человека, прячущего глаза, следует не только опасаться, но и наказать нелишне – по Закону.

Противоречие неразрешимо. Прямой взгляд – опасность, исходящая извне. Приходится принимать решение – немедленно, не раздумывая. Он понимал, что спешит, и тотчас расплатой вернулось учащенное сердцебиение, слабость в теле, мусть в голове.

Герд не робок. Один у него ущерб: руки ледяные. Их прикосновения – всегда неожиданные – вызывают долго не отпускающий озноб. Его руки причиняют боль. Но они же избавляют от боли...

Скрытен мальчишка, не договаривает. Какая-то тайна мучит его. Ищет ответ, не находит... А что, если Герд последний преданный человек? Но как же не терпится оттолкнуть – вдруг обман? Становится страшно, а что потом, дальше?

Дотерпел, дождался – изнурительные процедуры позади. Осталось напоследок проглотить через силу полстакана мутной сладковатой жидкости, вызывающей тошноту.

Он сделал знак неверной рукой, отмахнулся, давая понять, чтобы оставили одного, – единственное движение, на которое он еще способен. Послушно вышли все, один Герд остался. Какие-то склянки позванивают в его руках, он что-то делает с ними...

Боль медленно покидала тело. Но он знал, она вернется – обвалом, когда не ждешь. И никуда от нее не денешься. Пора отпустить врача, все же принесшего облегчение от боли, лишаящей рассудка. Расслабиться и, если удастся, уснуть...

Неожиданно, не дождавшись разрешения, Герд рывком поднялся и вышел вон.

Понятно. Мальчишка запоздало исполнил приказ. Не выдержал и сбежал – отдышаться, унять нервы. Опасается, что отвечать заставлю. Вопрос висит на языке. Но как же хорошо жить без боли...

Вновь, как наказание, вернулась скользкая мысль: как ни крутись, а придется выбрать – что дальше. Продолжать издеваться над собственным телом, из которого по капле точится жизнь, или закрыть за собою дверь – добровольно, как положено по Закону. Спуститься на нижний хозяйственный уровень дворца, пока в силах держаться на ногах, подойти к неказистой двери... Дверь перед ним распахнут – с удовольствием. И поспешно, испугавшись, что передумает, затворят за спиной. Вспомнились умники, создавшие это удобство. Простаки утверждали с пылом удачливых творцов, стоя перед ним, что переход в иной мир, который они придумали и осуществили, потрясаяще прост – вспышка, безболезненное мгновение и тьма... Точно кто-то из них, побывав за страшной дверью, вернулся и решил поделиться опытом.

Он нашел, что ответить: настоял на том, чтобы сначала они испытали новшество сами – на собственной шкуре, первыми. Однако придурки уперлись, отчаянно выдвигая смешные доводы против. Но скоро вынужденно сдались – победила логика: каждый эксперимент должен быть завершен, как положено... Помнится, ни один из тех, кому он велел, не вернулся... Их имена давно стерлись в памяти...

Герд вошел, сел напротив. Спокоен, невозмутим – все-таки почерпнул за дверью уверенность. Ничего не скажешь, хорошо воспитан мальчишка – не лезет в душу.

Владелец застыл, уставившись в полированную столешницу разделявшего их стола.

Герд упрямо молчал. Он был занят тем, что прислушивался к натужному – через силу – дыханию старика, и ему становилось не по себе. Каждый вдох начинался протяженным ступенчато нарастающим всхлипом, в котором чувствовалась беспомощность. Следом ровное шипение выдоха и пауза – подготовка к очередному вдоху.

Герда давила звенящая тишина огромного пустого дворца, где последнее время он обязан бывать ежедневно. Он с ужасом понимал, что со всей очевидностью обнаружилось то, о чем он, примеряясь, осторожно думал последние дни: Владелец безнадежен, он обречен.

От этой опасной и такой определенной мысли сделалось страшно.

Не удержался, исподтишка коротко глянул на старика, прямо смотреть на него нельзя – недопустимая вольность. Категорически запрещено Законом.

Глаза старика широко открыты. Гордое лицо покойно и непреклонно. Как на портретах – их множество. Художники не льстят – не осмеливаются, напротив, на последних портретах внешне он выглядит старше и немощнее, чем на самом деле. «Портреты хороши тем, – осторожно подумал Герд, – что, рассматривая их, не слышишь дыхания того, кто на портрете».

Он знал, что прошлой весной Владелец был плох. Тогда рискнули, сначала заменили легкие, следом – желудок. Импланты прижились без осложнений. Но надежда, едва затеплившись, обернулась очередной напастью – прошло всего несколько месяцев и началось разрушение печени и почек – одновременное, лавинообразное. Врачи не смогли остановить процесс. И еще: угнетенное дыхание... Точно какая-то преграда не дает свободно дышать.

Остается единственный выход – немедленная имплантация. Органы замещения, заранее выращенные и исследованные в живых плебеях, готовы к пересадке в любой момент. Накануне эту тайну доверительно поведал Герду встреченный на прогулке главный хирург Крон, директор института здоровья. Но согласие пациента на операцию обязательно. Крон строго напомнил, что таков порядок, испокон закрепленный в одном из специальных разделов Закона...

– На что я могу рассчитывать? – нарушил тишину Владелец.

– Я не готов отвечать. – Герд сжался от звука собственного голоса, его интонация показала ему слишком безучастной и неуверенной. – Не имею права.

– Это почему же?

– Квалификация... не позволяет... На такие вопросы отвечает только консилиум...

– Послушай меня, мальчик... – сорвался Владелец, – кончай морочить мне голову. – В голосе старика ожила угроза. – При чем здесь квалификация? Отвечай за себя. Других – консилиум, как ты изволил выразиться, я сам спрошу, придет время. Не юли, говори прямо, как есть. Слушаю.

– Понимаю, – выдохнул Герд, холодея. – Вы меня вынуждаете, я скажу... Итак, печень и почки разрушены безнадежно. Это очень серьезно. Если не предпринять немедленных мер, начнется мучительное умирание... Оно уже началось – пока в виде болей. Умирают не только эти органы, но и некоторые другие, зависимые. Скоро процесс станет необратимым. – Он помолчал, унимая волнение, лихорадочно подбирая слова и не находя нужных слов. – Вы знаете, что рассматриваются два варианта. Первый – терапия, лекарства, изнурительная диета... Дальше жизнь, отдаленно напоминающая жизнь, – деградация... Балансирование на грани. Полная зависимость от системы жизнеобеспечения. Дарованные дни и весны в неподвижности... Впрочем, для собственно жизни риск минимальный, учитывая наш опыт... За вас будут работать техника и лекарства. Перспектив никаких. Растительное существование уже навсегда... И второй вариант – радикальный – имплантация. Риск серьезный, последствия трудно предсказать. Но есть надежда вернуться к полноценной жизни. На какое-то время. На какое именно, не скажу. И никто не скажет. Но, уверен, сможете стоять на ногах, словом, жить, как привыкли. – Он помолчал и продолжал жестко, не жалея: – Не исключено, что имплантация уже невозможна – поздно. К тому же господин Крон сообщил мне, будто бы с вами уже согла-

сован первый вариант. Он сообщил также, что органы для пересадки подобраны. В живых плебейх. Тщательная проверка на совместимость подтвердила – они идеальны. Ошибки исключены. Точнее, маловероятны. Окончательное решение, как всегда, за вами. Без вашего согласия никто ничего делать не будет. И настаивать не осмелится. Крон будет протестовать – по его мнению, риск слишком велик...

– Ясно, – оборвал Владетель. – Слова, слова... Ты лучше скажи мне, Герд, ты-то сам готов? Не кто-то другой, не великий незаменимый Крон, а именно ты, лекарь по имени Герд. Готов?

– На что?

– Ты легко говоришь, мальчик, но понимаешь трудно. Скажи мне, готов ли ты действовать?

– В этом мое назначение, – все еще неуверенно произнес Герд, выдержав тяжелый взгляд собеседника. И, собравшись, добавил бодро: – Я всегда готов.

– Ладно, ступай, буду думать. Хотя нет, погоди. Скажи, сколько мне осталось, если... ничего не делать?

– Думаю и надеюсь, три недели, судя по динамике, или немного больше. Точнее скажу... через два дня. Но, уверен, на обезболивающих долго не протянуть – самообману придет конец и тогда уже ничего не поправить – умрет последняя надежда...

– Это приговор, – глухо определил Владетель. – Ступай, Герд! Да не оставят тебя боги своими милостями...

Герд немедленно выпал из поля зрения старого человека – исчез...

8

Что оставляет он, уходя? Совершенное государство, о котором мечталось в неловкой юности? Но разве то, что строилось трудно, без вдохновения, порой через силу, может быть совершенным? Не успел заметить, как реальность – по преимуществу бессмысленная суета и вздор – перемолола бездну времени, обесценила мечты.

Теперь, на закате, когда не осталось ни сил, ни желаний попытаться что-то исправить, он отчетливо сознавал, что всему виной бесконечная власть, павшая на него слишком рано, поработившая без надежды. Власть, о которой осторожно мечталось в юности и которую, обретя наконец, он не думал ни с кем делить. Он был вынужден принимать решения и одновременно осуществлять их.

Когда-то он полагался на людей – верил им. Но вскоре понял, что верить нельзя – никому. Ведь поверить означает подпустить к себе другого человека настолько близко, что неразличимой, размытой становится граница раздела, и полностью, как за самого себя, отвечать за него. Чтобы реализоваться в полной мере, человек должен оставаться одиноким, у него не должно быть отвлечений в виде привязанностей даже к тем людям, которых настойчиво и неточно именуют близкими. Жизнь показала, что нет более далеких людей, чем пресловутые близкие.

И все же, несмотря на досадные издержки, ему удалось выстроить государство, в котором присутствует простая гармония. Каждый гражданин, иступленный или плебей, точно знает, что ему дозволено делать в следующий момент жизни, а что запрещено. Остро ощущает границы, переступать которые не стоит ни под каким предлогом.

Сколько сил поначалу пришлось положить, чтобы утихомирить муравейник, в котором каждый враждовал с каждым. Решительно и навсегда разделить иступленных и плебеев, предотвратив назревавшее смешение. Создать единый для всех скудный язык, поначалу яростно отвергаемый уцелевшими эстетам, но, как выяснилось позже, удобный для общения с автоматами. Правда, проблему эстетов все же пришлось решить кардинально, чтобы в дальнейшем обходиться без них. Заодно выкорчевать корни, подавить память, разорвать связи...

В конце концов удалось, одолев яростное сопротивление, ввести ограничение жизни по здоровью – по способности к полноценному труду... Теперь каждый знает, что наступит момент, когда его здоровье опустится ниже допустимого уровня и он превратится в обузу. Бессмысленно оспаривать истину, что время, отпущенное для жизни, конечно.

«Во имя чего я делал все это?» – спрашивал он себя в минуты откровенности. Это же как лишить людей тени, которая может располагаться позади – прошлое – или впереди – будущее. Так было нужно, всякий раз строго отвечал он самому себе, удерживаясь от каких-либо объяснений.

А как сложно было довести до ума Систему? Знать, чем занят каждый отдельный человек, где он находится, о чем думает и не угрожает ли спокойствию окружающих, государству, наконец, самому себе.

Пришлось задуматься об ограничении численности плебеев, вернуться к стерилизации части мальчиков – будущих рабочих. Обуздать избыточное либидо в течение рабочего периода незаметным вмешательством химии в пищевой рацион. Разрешить проблемы экономики ужесточением структуры производства и потребления. Развернуть роботостроение для продовольственного сектора, высвободив капризный живой персонал и заменив его безответными роботами.

Бесконечная череда частных проблем, в решении которых удавалось добиться успеха, сменилась проблемами планетарного масштаба. Земля умирала – сушу неумолимо поглощал Океан. Осталось всего два острова, пригодных для жизни небольших колоний. После Катастрофы из семимиллиардного населения планеты уцелело не больше двухсот тысяч. Причем

первым нескольким поколениям пришлось выживать в невыносимых условиях, глубоко под поверхностью, в заброшенных шахтах, при недостатке кислорода и пищи. Но вопреки всему они уцелели, выбрались на свет, освоили территории, организовали промышленное производство, добычу средств пропитания. Теперь предстоит все нажитое бросить на произвол судьбы и, пока не поздно, обратиться на далекую Терцию. По прогнозам ученых через десяток поколений Земля перестанет существовать. Земная цивилизация, казавшаяся вечной, доживает последние весны – будущего нет.

Массовое переселение на Терцию предопределено и в основном подготовлено. Мертвая планета почти без атмосферы, то перегретая, то ледяная, но в перспективе пригодная для жизни. В течение нескольких поколений предстоит жизнь в скафандрах, пока будут построены жилища, способные защитить от тепловой радиации днем и космического холода ночью.

Восемьдесят весен ведутся работы третьей экспедиции, результаты ничтожны. И никаких сил вмешаться, навести порядок – даже для простейшей передачи информации расстояние до Терции слишком большое. Опоздание на четырнадцать весен – пропасть времени. Известно, что там накоплена атмосфера – почти двадцать процентов земной, есть вода, но немного и только соленая, редкие дожди, непрерывные ветры. Уже прижились простейшие растения – мхи, водоросли. Об этом как о великой победе неустанно трубят на всех перекрестках. Но недавно поток информации с Терции оборвался. Последние сообщения свидетельствовали о том, что живых людей в колонии не осталось – продолжают жить одни автоматы...

Ему повезло в отличие от тех, кто растет теперь. У него был отец, было детство. Но главное, был отец. Он все еще жив, его отец. Владелец точно знает, что старик живехонек и даже вполне здоров, хотя по Закону давно должен был закрыть за собою дверь.

Ему докладывают об отце – напоминают. Он не просит об этой услуге и всякий раз раздражается. Они не встречались с рождения сына – долгие двадцать весен. Пожалуй, они враги.

У него есть сын – его постоянная боль. Он увидел мальчика в момент появления на свет, видел небольшое время после... Теперь сын вырос. Ему и об этом докладывают. Адаму двадцать весен – взрослый мужчина. Интересно, каким он стал, лишенный семьи и любящего отца? По Закону любящий отец самый страшный враг исступленного. Любящим отцам, этим презренным извращенцам, вдруг обнаружившим в себе отцовскую любовь, предлагается немедленно закрыть дверь за собой. Их давно не осталось на Острове – любящих отцов. Вывелись. Нисколько не жаль. Жалость непростительна.

Он знал, что его отец, вопреки требованиям Закона, не таясь, принимает участие в жизни внука. Поведение отца раздражает – в нем отчетливый привкус предательства.

И все же он жил. Как ни трудно, как ни опасно было жить. Он не только жил, он был счастлив. Его кратким ослепительным счастьем была Вера, плебейка, которую он встретил на Континенте – обширном острове, оставшемся от бескрайней Евразии. Едва миновала шестнадцатая весна ее жизни – совершеннолетие. Она была избрана обществом и готовилась к свадьбе.

Этот обычай – народные свадьбы – он завел вскоре после обретения высшей власти, когда впервые задумался о растущей численности плебеев. Предписано было девушек, выросших в инкубаторах и достигших совершеннолетия, и через одну из свободного племени славов дважды в год отправлять в город и распределять между рабочими плебеями.

Забеременевших возвращали в инкубатор, где содержали до родов. После родов они закрывали за собой дверь. Так просто и организованно удалось решить проблему воспроизводства плебеев – поддержание численности едоков на определенном уровне.

Девушки, не сумевшие сразу забеременеть, задерживались еще на одну ночь и закрывали за собой дверь, если и вторая попытка не давала результата.

Посещение Континента через тридцать весен после его окончательного замирения потрясло Владетеля. Оказалось, что девушки у плебеев по преимуществу розовые и вызыва-

юще живые. Он был поражен, они стали сниться ему. Особенно хороши были девушки-подростки, предназначенные для свадьбы. Как они смеялись! У них полный рот прекрасных зубов, и, когда они смеялись, их зубы сверкали. Они рвали пищу зубами, когда были голодны, и смеялись – во весь яркий рот... Смеялись без оглядки, без усталости. Тогда явилась ему крамольная мысль: только эти девушки достойны продолжать человеческий род.

Женщины иступленных жалкие – первое, что бросалось в глаза, когда приходилось сталкиваться с этими существами.

Их синеватые остроносые лица и истощенные тела удручали, не люди – тени людей.

Их скудная жизнь, скрытая от мужских глаз, обычно содержит три периода. Взросление до совершеннолетия в полной изоляции общественных инкубаторов. Замужество, состоящее в посещении супругами специализированной клиники, где из их тел извлекают половые субстанции с последующим слиянием и оплодотворением в пробирке.

Зародыш до определенного момента развивается в той же пробирке. Затем его помещают в просторную стеклянную кювету, в которой он плавает до девятимесячного возраста. Наконец, по готовности извлекают на свет – так рождается и приступает жить иступленный.

В дальнейшем любые контакты с биологическими родителями исключаются. Попытки разыскать собственного ребенка, которые довольно редко предпринимаются озабоченными родителями, приравниваются к тяжким преступлениям и сурово караются.

Супругам не запрещают жить вместе. Пары, сохранившие остаточную память, так и поступают. Но чаще расходятся и больше никогда не встречаются.

Наконец, третий период – обучение профессии и следующее за ним прозябание в изнурительной работе – весну за весной. Жизнь растений, не тревожимых памятью...

Он не смог отказаться от счастья, преступил Закон – забрал Веру с собой на Остров. Спрятал в своем поместье и почти на весну отошел от дел. Тем же, кто знал о его преступлении, повелел закрыть за собою дверь. Он умел защищать свои тайны.

Должное время спустя совершилось чудо – явился на свет мальчишка, его Адам. Он сам принимал роды. Его потрясли муки, которые на его глазах претерпела Вера. Когда же сын отделился от матери, приветствуя мир отчаянным басовитым криком, он принял ребенка на руки. Сначала ему показалось, что мальчик истек кровью, но, ощутив его сильные движения, он понял, что сын живой. Прижимая плотно, ускользящее тельце к груди одновременно сильно и нежно, он не испытал брезгливости, которую предполагал. Туника сразу же пропиталась кровью. Ребенок смолк, ощутив его тепло, пожевал губами, сморщился лицом, ему даже показалось, что он улыбнулся...

Вера была без сил, она приготовилась покинуть этот мир. Он удержал ее – не позволил. Позже он с истовым удовольствием наблюдал, как она кормит сына грудью, как возится с ним, пеленает, купает...

Она скоро поправилась – расцвела. Он украдкой следил за нею, не желая признать, что отныне они связаны прочно и навсегда. Рассуждая рационально, он видел перед собой живое существо, заменившее кювету, подобную той, в которой вызревал каждый иступленный на протяжении последней полусотни весен. Вера была живой кюветой, чувствующей и страдающей. Он знал, что кювету уничтожают после того, как она отслужит свое. Никому не придет в голову использовать ее повторно. По Закону Вера должна была закрыть за собою дверь. Она была плебейкой и к тому же родила ребенка, выполнив свое предназначение. Он был готов распорядиться, забывшись, но что-то не до конца осознанное, скорее всего, предощущение тоски, уже подступавшей вплотную, удержало его от шага, за которым, он знал, больше ничего не будет. Тогда он поверил по-настоящему, что выйти за дверь можно только в одном направлении.

Он тайно вернул Веру на Континент, в очередной раз нарушив Закон. Вскоре нашлось для нее приемлемое занятие: он поручил ей управление Большим инкубатором, в котором

рождались и вызревали юноши для многочисленных шахт провинции и девушки, судьба которых была predetermined. Сына вместе с роботом-нянкой отправил к отцу, профессору университета, ничего не объяснив и настрого запретив раскрывать внуку правду о его происхождении. Больше он их не видел, но был вынужден признаться самому себе, что на самом деле память о них, затуманенная старческой слабостью, жила в нем всегда.

Теперь он думал о Вере и сыне не как о людях, с которыми когда-то соприкоснулся и которых должен бы уже забыть, он думал о них с такой достоверностью, настолько отчетливо видел их перед собой – мысленно, что едва сдерживался, чтобы не заговорить с ними. Ему захотелось немедленно вернуть Веру и сына в свою жизнь. Он не заметил, как немислимое желание захватило его. Он решил сначала связаться с отцом, затем с Континентом и напрямую узнать о жизни близких людей, более не скрываясь, не опасаясь, что кто-то чужой проникнет в его тайну. Эти игры были ему безразличны. Он включил коммуникатор, набрал код отца и услышал бодрый голос.

– Привет, привет, господин Владетель, рад слышать, а уж о том, чтобы видеть, и не мечтаю, недоступный ты наш. – Следом знакомый смешок превосходства и спокойной совести, неизменно раздражавший его. – Вот думаю, какое невероятное событие должно было стрястись, чтобы ты наконец вспомнил о старике-отце? Шутка ли, миновало двадцать весен... Я вижу тебя только на портретах и приветствую верноподданно. Положено – по Закону.

Я вижу тебя только... на портретах и приветствую верноподданно. Положено – по Закону.

«Этот человек никогда не перестанет шутить, – подумал Владетель неприязненно. – Он, пожалуй, дошутится у меня...»

– Отец, – неуверенно выговорил он слово, которое когда-то давно заставил себя забыть, – я хочу знать, как живет... Адам, мой сын. Где он теперь, что с ним? Я о нем ничего не знаю.

– Адам? – Старик вскрикнул от неожиданности, но, смирив волнение, продолжал как ни в чем не бывало: – Адам в порядке. С отличием окончил университет, выбирает специализацию. Мальчик умный, да что там мальчик – мужик. И, представь себе, как две капли воды похож на тебя. Не понимаю, как он до сих пор не догадался? Меня не забывает. Соскучится, нагрянет... Нам так хорошо вдвоем. А недавно даже ночевать оставался – выпросил разрешение у начальства на целые сутки. Вот уж мы наговорились всласть. Уверен, его ждет прекрасное будущее, из него сформируется незаурядный ученый...

– Здоров ли он? – нетерпеливо перебил Владетель.

– Вполне. По всем мыслимым параметрам.

– А кровь?

– Тебе следовало бы помнить, – обиделся Гор, – что в нашем роду кровь у всех превосходная.

«Не может без нравочений», – подумал Владетель, заводясь.

– Кстати, – продолжал отец, – он долгое время пропадал в лаборатории Антона, занимался кровью. До настоящего успеха еще далеко, но отдельные результаты, по словам учителя, обнадеживали... Вот только жаль, что Антона все-таки доконали твои прохвосты...

– Антон заслужил свою участь, – жестко выговорил Владетель. – Не стоило лезть на рожон. – Но сбавил напор, помягчал: – А вот у меня дела плохи... Врачи обещают месяц. Нужно решать немедленно. Пожалуйста, навести меня в ближайшие дни. Нужно кое-что обсудить. Буду ждать. Я распоряджусь, чтобы тебя доставили. Попрощаемся... на всякий случай.

Он прервал связь, не дождавшись ответа, и набрал Континент. Отозвался робот. «Вот и хорошо, – подумал Владетель, – этому ничего объяснять не придется».

– Мне нужна информация.

– Я вас слушаю, господин. Прошу изложить вашу просьбу. Но... минутку. У меня по неведомой причине совсем не высвечивается ваш код подлинности. Вам должно быть известно, господин, что в подобных обстоятельствах я вынужден отказать в предоставлении услуг связи

и немедленно доложить начальству о вашем явлении. Извините, пожалуйста, вашего верного слугу, господин...

– Что ты несешь? – возмутился Владетель. – Повторяю, вызывает Остров.

– Вызывает Остров, – эхом отозвался робот и продолжал объяснять со смирением: – Господин, вам должно быть известно, что мне поручено регистрировать каждый сеанс связи и докладывать, если наблюдается отклонение от нормы. Таково распоряжение господина губернатора Верта по повелению самого господина Координатора... Мы, господин, служим исправно, можно сказать, изо всех наших малых сил. Так вот... объясняю вам еще раз: ваш код, к великому сожалению, не определяется. Если вы немедленно не назовете его, я ничего не смогу для вас сделать. Простите мое бессилие, господин.

– Прощаю. Тогда дай мне Большой инкубатор.

– Это также невозможно. И все по той же причине, – невозмутимо выговорил робот. – Да будет вам известно, господин, я очень занят. Мне совсем недосуг с вами...

– Железка безмозглая, чтоб тебя, – выругался Владетель в отчаянии.

– Непотребные слова недопустимы в обществе не только людей, но и роботов, – все так же сдержанно объяснил робот. – К тому же вы нарушили правила приличия, господин. Я уже отправил наш разговор на коммуникатор господина губернатора Верта – слово в слово. Он разберется и примет к вам самые строгие меры, вплоть до...

Владетель прервал поток слов: никакого толка уговаривать железо. «Нужно найти другой путь, – думал он, успокаиваясь. – Попросить Фарна – вот что нужно сделать. Фарн быстро выправит извилистый путь от возникновения мысли до результата – большой мастер».

У него действительно нет и никогда не было кода подлинности, как нет его еще у трех человек в государстве иступленных – у его отца Гора, Координатора Платона и Веры. Эти трое, как и он сам, в Систему не включены, их нельзя контролировать и, главное, невозможно без их согласия заставить закрыть за собою дверь.

Он поднялся, подошел к окну. Пространство перед дворцом было пустынно – первая смена рабочих уже прошла. В дальнем углу замаячил одинокий прохожий. Он явно опаздывал, шустрой побегой пересекая площадь наискосок. «Проспал. Остался без завтрака, – подумал Владетель. – Будет терпеть до обеда, не сможет работать в полную силу. Непорядок. Обязательно разобраться и наказать. Большие проблемы начинаются с малого. Интересно, куда смотрит Координатор?..»

9

– Можно, господин ректор? – Адам стоял на пороге, не решаясь войти.

Он никогда не бывал в этом кабинете.

– Заходи, Адам, – пригласил ректор. – Садись. Вот сюда, поближе. Я слушаю тебя с великим удовольствием. Но сначала отвечай, почему ты до сих пор не выбрал специализацию?

– Никак не решу, чем мне заняться.

– Есть же у тебя какие-то предпочтения.

– Конечно. Проблемы кроветворения. Мне удалось поработать с профессором Антоном...

– Очень интересно. Я не знал, что ты работал с ним. – Ректор заметно подобрался, но тотчас расслабился и продолжал сдержанно: – Впрочем, кто только не брался за эту проблему... Признаюсь, я тоже дерзал... Разумеется, в молодые годы. – Он замолчал, с нескрываемым сожалением рассматривая юного собеседника. – Скажи мне, Адам, только честно, зачем ты связался с Антоном? Лучший ученик общается с известным крамольником. Знаешь, как-то не вяжется... Едва ли тебе известно, что Антон смолоду был одержим страстью к инакомыслию. А эта болезнь, к твоему сведению, заразная. Ты мог ее подхватить... Или уже подхватил?

– Мы с Антоном не вели разговоров, которые можно назвать крамольными, – неуверенно проговорил Адам.

– И вот на тебе пятно, не отмоешься, – продолжал ректор с напором. – Неудивительно, что он так неудачно завершил свою нелепую жизнь. Мне кажется, он забыл, что терпение власти небеспредельно...

– Антон был настоящим ученым, – возразил Адам с той безоглядной запальчивостью, которая до зависти нравилась ректору, но которой он особенно опасался в своих воспитанниках, полагая, что развязный дух крамолы, извечно свойственный молодости, может однажды пасть на его седую голову. – То, что умел Антон, не умеет никто. И едва ли сумеет в обозримом будущем. Он был способен вылечить всех...

– Болтовня! – выкрикнул ректор, теряя самообладание. Хищная физиономия куратора Хрома замаячила перед его мысленным взором. – Не более чем болтовня. Вздор. Не верю...

– А в то, что Антон вылечил Герда, тоже не верите? Уже целую весну Герду не заменяют кровь...

– Единственный удачный опыт не повод бить в колокола, – жестко возразил ректор. – Тебе известно, что Антон никогда не публиковал своих работ? Не исключая, что ничего достойного внимания у него за душой просто не было. С юных лет этот заблудший человек отличался неблагонадежностью. На каждом шагу дерзко нарушал общепринятые правила...

– Он считал, что наши люди достойны лучшей доли, – сказал Адам, не думая сдаваться. – Надеялся улучшить этот мир... Ему не позволили жить... И вы, господин ректор, не последний из тех, кто жаждал крови несчастного старика...

– Не слишком ли ты много берешь на себя, Адам? – уже кричал ректор.

Его лицо налилось кровью, руки тряслись. Адам никогда не видел его в таком состоянии.

– Ты сам пока что жалкий... проросток. Помнишь, как на практикуме по биологии вы возились с семенами пшеницы? Ты наверняка видел, как жалко выглядит проросток. Осмеливаешься судить о мужах науки? Это надо же... улучшить мир... и уж никак не меньше. Ну да, конечно, взяли и не позволили. Но почему не позволили, кто не позволил? Антон банальный фанатик и провокатор. Да, представь себе, провокатор. Известно, что он коварно подбивал людей на необдуманные поступки и со стороны наблюдал, что из этого выйдет. По его милости многие пострадали, в том числе его друзья. Ты еще очень молод, Адам, и всего не знаешь. Слушай стариков, умудренных жизненным опытом, не прогадаешь. Пока не поздно, научись

слышать собственные слова и немедленно умолкай, сообразив, что впадаешь в ересь. И голову не задирай слишком высоко – закружится. Запомни, мы живем в жестком каркасе человеческих связей. Что-то менять опасно. Это же как удалить одну из скреп в сложном сооружении. Стоит утратить ее, и при малейшей перегрузке конструкция рухнет... Не исключено, что тебе же на голову. Ты должен об этом помнить, не маленький мальчик...

Он замолчал – оборвался. Сидел, тяжело дыша приоткрытым ртом.

– С Антоном поступили несправедливо, – продолжал упорствовать Адам. – Он не заслужил такой участи.

– Я вынужден прервать наш разговор, – сухо проговорил ректор. – Будет лучше, если каждый останется при своем. Хотя в соответствии со своим положением я обязан переубедить тебя.

Они молчали. Ректор Игорь остывал, продолжая искоса взглядывать на юношу, вольно рассеявшегося перед ним. И вдруг он понял, что завидует этому чистому парню, для которого еще нет запретов. Как же трудно будет ему в путаном мире с его бесконечными препятствиями.

– И все-таки, почему ты не говоришь о своих планах? – спросил ректор. – Ты должен сделать усилие и выбрать.

– Я не хочу оставлять технические дисциплины, – проговорил Адам мирно. – Прежде всего, те, что связаны с космосом.

– Понятно, у космической отрасли самый высокий рейтинг. Там никогда не бывает вакансий.

– Наверное.

– Но не для тебя. Стоит тебе захотеть, и ты немедленно получишь достойную должность. Ты окончил университет первым, это серьезное преимущество. Запомни на всякий случай, если возникнут сложности, обращайся прямо ко мне, не стесняйся. Помогу чем смогу.

– Я это знаю. Что касается сложностей, они вряд ли возникнут. Но за заботу спасибо.

– Какой же ты, однако, самоуверенный, – натянуто улыбнулся ректор, – а я и не знал. Теперь вижу, ты действительно вырос. Но ладно, шутки в сторону. Мне кажется, я смогу тебя занять с пользой для дела, пока ты тянешь. Утром поступило интересное предложение. С самого верха. – Он пальцем указал, где находится верх, состроив нарочито серьезное лицо и подмигнув Адаму. – Дело в том, что на Континенте возникли проблемы – год от года снижается численность рабочих плебеев. Это беспорядок, особенно теперь, когда близок к завершению долгожданный старт в направлении Терции. Принято решение кого-то из пока еще свободных выпускников послать в командировку на Континент. Цель простая: как следует разобраться в причинах создавшегося положения, а по возвращении доложить руководству о результатах расследования. Меня попросили подобрать кандидата. Ты подходишь по всем статьям. К тому же все, кроме тебя, уже заняты.

– Я согласен, – сказал Адам. – Пошлите меня.

– Ты серьезно?

– Ну да. Мне было бы интересно, ведь я ничего не знаю о плебеях.

– Я сам когда-то начинал с инспекции одного из их поселений, – оживился ректор. – На севере Континента. Ох и досталось же мне тогда. Как ты думаешь, Адам, о чем говорит это совпадение?

– Видимо, о том, что мы с вами одинаково понимаем свой долг. Но у меня другая причина.

– Даже так? – удивился ректор. – Тогда я должен знать, какая именно.

– Давняя история. Оказалось, что в детстве я был обручен с Теей. Я успешно забыл об этом событии, она – нет. Я попытался объяснить, что у меня ни малейшего желания жениться теперь. Да и на ней жениться тоже никакого желания. Я ведь ее совсем не знаю. Она страшно рассердилась. Или мне показалось...

– Вот так дела, – насторожился ректор. Улыбка стерлась с его лица. – А знаешь ли ты, что Тея дочь великого человека, которому совсем не безразлична ее судьба?

– Пока не знаю, но, думаю, скоро мне объяснят. Во всяком случае, так обещала Тея. Если же по глупости или из упрямства я откажусь от женитьбы, моя участь будет печальной – меня сочтут клятвопреступником и велют закрыть за собой дверь. Не знаю точно, что это означает, но, скорее всего, что-то очень неприятное.

– Твое предположение близко к истине, – сдержанно произнес ректор. – Великий Координатор шутить не станет. Этот господин просто не умеет шутить. Хотя утверждает, что обладает чувством юмора, и обижается, когда ему не верят.

– Потому-то я и надумал сменить... на какое-то время. А к моему возвращению Тея успокоится, найдет мне замену.

– Так чем же ты собираешься заниматься? – спросил ректор.

– Когда-то, когда еще был жив Антон, мне больше всего хотелось заняться проблемой кроветворения. Под его руководством я хорошо освоил технологию экспериментов и готов продвигаться дальше. Но, когда с Антоном расправились, продолжать исследования не имело смысла. К тому же, как утверждал Антон, эту проблему ни за что не позволят довести до результата.

– Ты, вижу, никак не успокоишься, продолжаешь преувеличивать значение профессора Антона. Придется кое-что объяснить тебе. Это касается его открытий, призванных осчастливить человечество, с ними нет никакой ясности. Я повторяю, Антон не публиковал своих работ в течение последних тридцати или сорока весен. Никому не известно, что он там насочинял. Повзрослеешь, наберешься опыта, поймешь, что я был прав. Еще раз прошу, оставим этот разговор. Антона больше нет, как нет и проблем, связанных с ним.

– Придется оставить, – неохотно согласился Адам.

– Вот и хорошо, – сказал ректор помолчав. – Я помогу тебе. Хотя все еще не понимаю смысла твоего поступка. Координатор доберется до тебя всюду. Этого человека не удастся умиротворить, уж если он что-то забрал в голову... Разумнее договориться с Теей. Кстати, я принял ее в ректорат на время моего отпуска. Нужно же кому-то быть на связи, отвечать на обращения... Завтра она выходит на службу. Может быть, мне поговорить с ней? Разумеется, если ты предоставишь соответствующие полномочия... Я бы рискнул. Она девушка смышленная.

– Нет, не стоит. С Теей я сам разберусь.

– Тогда отправляйся на Континент. Документы готовы, остается внести твое имя и код. В нашем банке получишь расходную карту. Я распоряжусь. Вот тебе программа инспекции. – Ректор протянул Адаму чип для коммуникатора. – Там же мои координаты на непредвиденный случай. Связывайся, не стесняйся. И помни, с плебеями нужно быть начеку... они непростые ребята. Среди них встречаются потрясающие экземпляры. Иногда мне кажется, что строгая изоляция этого контингента недалековидна. Плебеи нам еще понадобятся хотя бы потому, что у них здоровая кровь. Но уже в недалеком будущем они могут стать проблемой – их слишком много, они хорошо размножаются... Хотя... это слишком сложная тема, Адам. Уверен, не нашего ума... Ступай, и пусть тебе сопутствует удача.

«До чего же хорош парень, – с завистью думал ректор, выпроводив Адама. – Странно, но он напоминает меня самого в этом же кабинете почти шестьдесят весен тому назад. Отличие состоит лишь в том, что я был тогда совершенно свободен и, главное, не был ни с кем обручен».

«Теперь нужно связаться с Хромом, – продолжал он думать, – этой обязанности не минуете – договор есть договор. Поведасть куратору в самых общих словах о дурных веяниях в среде выпускников. Разумеется, не называя имен. Имена Хром вычислит сам, когда придет нужда. У этого прохиндея свои методы и свои расторопные люди. Мне не следует вмешиваться... Мое дело – сторона. Однако порядок есть порядок, и спорить с этим не стоит, как не стоит поощрять юношей в их безрассудствах».

10

– Господин Клупп, – торжественно возгласил робот из охраны дворца Владетеля и легонько подтолкнул Клуппа в спину.

В кабинете Координатора, куда Клупп вошел, кроме кресла хозяина и письменного стола перед ним, был единственный стул для посетителя, стоящий у стены.

Клупп направился к столу и, только подойдя ближе, обнаружил хозяина кабинета, притаившегося за монитором.

– Приветствую вас, господин Координатор.

В ответ последовала отмашка бледной расслабленной кистью руки и – молчание. Клупп сделал вывод: ему предложили садиться. Он уселся на стул и принялся ждать. Время шло. Наконец, выдержав паузу, Координатор поднял лицо. Блеклые, утонувшие в воспаленных веках глаза вельможи, перед которым трепетали смертные, уставились на Клуппа, бесцеремонно рассматривая его. Клуппу сделалось не по себе под тяжелым сверлящим взглядом вельможи, в котором присутствовала бесконечная усталость и, как следствие, полное безразличие ко всему на свете. С их недавней мимолетной встречи господин заметно сдал – потускнел, осунулся.

– Я обещал пригласить вас, – заговорил Координатор монотонным скрипучим голосом, – да все как-то не получалось. Было не выбрать паузу, достаточно протяженную для спокойного обсуждения наших проблем. Однако жизнь подпирает, как ни уворачивайся, потому я счел недопустимым откладывать далее нашу встречу. Итак, чтобы сэкономить время, сформулирую основные вопросы к вам. Первое. Меня интересуют параметры Системы, существующей сегодня. Второе. Нуждается ли Система в модернизации. Если нуждается, то каков объем работ и сроки исполнения. Третье. Удовлетворяют ли вас возможности вживленных чипов, и если нет, не следует ли немедленно разработать и запустить в производство новые образцы. Как видите, я краток, прошу столь же кратко ответить на поставленные вопросы. Повторяю: времени много нет.

– Приступая к разработке Системы, – заговорил Клупп, – Харт поставил перед коллективом ограниченную задачу: сначала дистанционно в ручном, а в перспективе в автоматическом режиме определялся критерий работоспособности человека. Для родившегося ребенка или глубокого старика этот критерий называют также критерием жизни. В дальнейшем для решения задачи в полном объеме была сформирована последовательность операций в виде цепочки элементарных действий. Руководить процессом должен был человек-оператор, сопряженный с устройством управления. На первом этапе оператор вводит конкретный код подлинности, который инициирует излучение зондирующего сигнала, воспринимаемого единственным чипом с тем же кодом. Чип оживает, приняв сигнал, и в ответ на раздражение генерирует сигнал обратной связи, содержащий информацию о жизненно важных системах человека. Информация подвергается автоматическому анализу, в результате которого вырабатывается интегральное решение, содержащее как рекомендации по лечению субъекта, если таковое признается целесообразным, так и понуждение к самоликвидации.

– Это все? – перебил Координатор.

– Нет. Еще кое-что есть. На следующем этапе разработки должно быть предусмотрено непрерывное автоматическое сканирование всего населения Острова по всем кодам подлинности. Эти исследования проводились в соответствии с параграфами 16, 17 и 26 Закона. Оставалось добавить технически несложную функцию – процедуру утилизации отбракованных субъектов. Причем для осуществления этой функции предлагалось приспособить самих субъектов. И эту задачу удалось решить. К счастью, вживленные чипы исходно содержали избыточный функциональный запас, и этот последний шаг выполнялся без каких-либо доработок. В резуль-

тате Система достигла совершенства и, как мы говорим, замкнулась по всему функциональному многообразию. Таково ее нынешнее состояние. Смею утверждать, что Система не нуждается в модернизации, напротив, ее возможности далеко не исчерпаны. В подтверждение нашего успеха и в память об учителе Харте я принял решение публично продемонстрировать еще один, последний, на этот раз портативный, вариант устройства управления, который по его предложению назвали аннигилятором. Харту успели доложить об успешном завершении всей разработки. Он ознакомился с результатами испытаний и долго не мог поверить, что такое возможно на самом деле, хотя использованный эффект был им самим теоретически предсказан в давней работе. Он даже подозревал подтасовку фактов... Правда, позже он признался, что просто пошутил. Что касается причины гибели учителя, мой вывод состоит в следующем: во время аудиенции Харт наотрез отказался говорить об аннигиляторе как о законченном изделии, а его собеседник горячо настаивал на своем праве получить заказанный им прибор в собственность. Не исключая, что кто-то заранее донес ему о полном успехе испытаний. Я точно не знаю, почему учитель не захотел, чтобы аннигилятор попал в руки нашего господина, этот вопрос вне моей компетенции, но с полной уверенностью заявляю: Харт поплатился жизнью именно по этой причине.

– Неужели все настолько серьезно? – спросил Координатор.

– Конечно, – сказал Клупп. – Вы должны знать, что человек, владеющий аннигилятором, приобретает возможность нападать избирательно и очень результативно. Причем подвергшийся нападению никогда не узнает, кто на него покусился, разумеется, если выживет.

– Об этом позже, – остановил собеседника Координатор, и впервые Клупп различил на лице вельможи тень довольной улыбки. – Как же мне повезло, что я догадался обратиться к вам. Я давно подозревал, а теперь уверен, что только вы сможете исчерпывающе ответить на мои вопросы. Хотя сначала собирался выслушать другого специалиста, скажем, Морта. Кстати, я не предупредил вас: все, о чем мы говорим и будем говорить, является государственной тайной и не должно выйти за пределы моего кабинета. Исправляю это упущение теперь. Надеюсь, господин Клупп, вы понимаете, какая ответственность ложится на вас, если произойдет утечка – случайная или преднамеренная. Не буду скрывать также, что у меня нет желания расширять круг людей, знающих о моем внимании к Системе.

– Понимаю, господин Координатор, – сказал Клупп. – Я готов отвечать, но... не я один знаю о том, что вы пригласили меня на беседу.

– Разумно. Только никто не знает, о чем конкретно мы говорим. Не так ли?

– Наверное.

– Хорошо. Подведем предварительный итог. Новейшее устройство управления, которое вы называете аннигилятором, изготовлено и испытано. Так?

– Да. Этот экземпляр сейчас в моей лаборатории. Я назначил день публичной демонстрации для специалистов. Кстати, то же устройство, прототип в усеченном виде, было изготовлено и передано...

– Не нужно произносить имени... – предостерег Координатор. – Мне оно известно. Хотелось бы знать, что означает в усеченном виде?

– Была оставлена единственная функция – после введения кода подлинности немедленно начинает действовать безусловный приказ спуститься вниз и закрыть за собой дверь.

– Значит, – перебил Координатор, – именно это устройство было... использовано недавно?

– Дважды. Первым был учитель Харт, придумавший функцию подавления, но так до конца и не поверивший в возможность ее реализации.

– И напрасно, – произнес Координатор. – Впрочем, поделом Харту, не следовало быть таким вызывающе умным – это подозрительно. А второй?

– Смотритель лесов.

– Этот заслужил. А вот Харга мне искренне жаль. Он один работал... остальные делали вид.

– Не хочется думать, что отличная работа может быть поводом для наказания.

– И не думайте. Отличная работа не всегда поощряется, но наказывать... Впрочем, оставим вопросы служебной этики специалистам и продолжим. Вы упомянули о публичной демонстрации ваших достижений.

– Устройство, о котором мы говорим, существенно отличается от прототипа. Демонстрироваться будет совершенно другой принцип сбора и обработки информации. И другой способ управления объектом.

– Вот здесь, пожалуйста, поподробнее.

– Сначала о некоторых недостатках существующей Системы. Первое. До сих пор не удавалось четко оговорить критерий минимальной трудоспособности. Мы сформулировали и поставили перед институтом здоровья определенную задачу. Надеюсь, они справятся... рано или поздно. Второе. Предложенная самоликвидация затруднительна или невозможна, так как двери, следователю к которым предлагается назначенным клиентам, не настолько широко распространены, как хотелось бы. Придется расширить сеть приема, но тогда весьма сложные и дорогие установки большую часть времени будут простаивать вхолостую, потребляя энергию, так как принципиально должны быть готовы осуществить процесс ликвидации немедленно. С экономической точки зрения это нецелесообразно.

– Разумно, – сказал Координатор. Было видно, что он теряет терпение. – Однако вернемся к новинке.

– По техническому заданию предлагалось разработать такой способ управления, который позволил бы сначала связаться с чипом выбранного человека по коду подлинности, а затем подать команду на подавление подвижности.

– И в результате?.. – не выдержал Координатор.

– Паралич. На некоторое время. В зависимости от уровня воздействия и физического состояния объекта. При максимальном уровне – паралич навсегда, что означает смерть.

– Чем же ваше новое устройство принципиально отличается от существующего? Ведь команда на самоликвидацию в прототипе уже присутствует.

– Это так. Но как добиться результата воздействия, если речь идет, например, о поле боя? Человек, получив команду, начинает лихорадочно искать дверь?хлопотно, не правда ли?

– Убедительно. – Координатор замолчал, задумался. Но встрепенулся, поднял лицо, уставился на Клуппа. – Господин Клупп, вы сказали, что вариант, о котором говорите теперь, реализован. Я вас верно понял?

– Да, это так. Он не только реализован, но и испытан в лаборатории и даже в полевых условиях.

– А это что значит?

– Власти Континента поставили нам группу преступников, которым отказано в помиловании. Бедолаг разрешили использовать... в качестве расходного материала. Половина этой группы была истрачена во время государственных испытаний. Остальных сохранили для демонстрации.

– Сколько у вас таких устройств?

– Одно. Собираем еще два.

– Остановите эти работы. Немедленно. Одного устройства будет достаточно. Кто-нибудь, кроме вас, знаком с этими изделиями?

– Только на этапе сборки. На стадии отладки я работаю один в закрытой части лаборатории, куда остальному персоналу доступ запрещен. Задаю частоты связи, законы их изменения, настраиваю генератор подавления – все, что по-настоящему уникально и совершенно секретно.

– Поразительно, всегда и везде работает только один, – усмехнулся Координатор половиной лица.

– Он же главный объект для наказания, – напомнил Клупп.

– Ничего не поделаешь, так устроен мир, так устроены люди. Мне недавно объяснили любопытное явление – как работают шарниры, на которых подвешена дверь. Вот хотя бы эта. Сколько шарниров ни примени, вертикальную нагрузку несет один. И только когда он изнашивается, его функцию будет исполнять следующий.

– Аналогия удивительно точная. Но где же тогда справедливость?

– Сложный вопрос, господин ученый. Но не удивляйтесь, в этом состоит один из законов природы – так было всегда. И что интересно, всегда будет. Однако вернемся к нашим баранам. Итак, вы собираетесь продемонстрировать эффективный способ воздействия на военную силу, скажем, на начальствующий состав. Причем по произвольной выборке.

– Именно так была сформулирована задача. У меня создается впечатление, что вы читали техническое задание...

– Нет, не читал. А почему вы так подумали?

– Потому что вы почти слово в слово повторили фразу о назначении прибора. Из преамбулы.

– Случайность. Просто я много думал об этом... Последнее время мне не дает покоя серьезная угроза для иступленных. Причем угроза внутренняя – самая страшная из угроз. Могут понадобиться новые подходы и инструменты. Я не знал, что вы занимаетесь этой проблемой. Интересно будет ознакомиться с вашими работами подробнее.

– Приходите на демонстрацию.

– Обязательно приду.

– У меня есть просьба, – сказал Клупп.

– Слушаю вас. – Координатор насторожился.

– Дело в том, что нам удалось изготовить новую модель биоробота. Уже не робот, но еще не человек. Экземпляр довольно любопытный. Я хочу представить вам это... существо. Можно?

– Он что, здесь с вами? Зовите.

Клупп поднялся, подошел к двери в приемную, приотворил створку, позвал:

– Никанор, ну-ка, поди сюда.

Из приемной донесся шум, следом грохот падения, крик:

– Как же ты мне надоел, тупица!

В кабинет ворвался разъяренный молодой человек. Его ярко-рыжие волосы горели, стеклянные глаза посверкивали.

– Я потрясен! – выкрикнул он, обращаясь к Координатору. – До чего же тупой этот ваш привратник. Наверное, от слова «врать», но точно пока не знаю. Меня очень плохо учат, особенно грамматике.

– И совсем не воспитывают, – задыхаясь от лающего смеха, выговорил Координатор.

– Согласен. Не воспитывают, а должны бы, коль скоро произвели на свет. Представляете, этот тип утверждает, что я такой же, как он, примитивный робот. Я опять что-то не то отчебучил? – обратился он к Клуппу. – Скажи, дядя. Чего молчишь? Не вижу второго стула. Принести из приемной или так постоять? Хотя мне без разницы, что стоять, что лежать. Но, следует отметить, хозяин у нас негостеприимный. Сразу видно, человек великий. Или робот? С ним нужно ухо держать востро. Не судите строго, господин, я дурак, – обратился он к Координатору. – Так меня называет дядя, когда гневается. Но он редко гневается. В наказание он не дает мне читать книжки. А почему? Потому что я запоминаю текст, а потом по полдня цитирую целыми главами – мешаю ему думать. Так мы пойдем? Я остро чувствую момент, когда нужно смываться...

– Можешь выйти из кабинета, но не дальше приемной, – сказал Координатор, – а мы с твоим хозяином обсудим, к какой службе тебя приставить.

Никанор немедленно исчез.

– Поясните, – обратился Координатор к Клуппу, – чем Никанор отличается от обычных роботов?

– Мы решили выполнить эту работу, когда в лаборатории радиоразведки получили устройство с необычными свойствами. Вообразите помещение, заполненное людьми. Люди говорят друг с другом. Наше устройство в течение определенного времени воспринимает все звуки, даже очень слабые, в радиусе пятидесяти метров, фиксирует их, сжимает в короткий пакет и в определенный момент передает по радиоканалу в эфир. Причем частота, на которой передается сигнал, выбирается в довольно широком диапазоне по закону случайного распределения. Для приема таких сигналов пришлось изготовить приемник, способный воспринимать этот сигнал независимо от того, на какой частоте он излучается. Но главное, мы смогли построить дешифратор, анализирующий принятый сигнал. На выходе дешифратора формируются файлы, содержащие обсуждение определенных тем. Файлы фиксируются по отдельности и в дальнейшем могут быть оформлены в виде документов. При этом приоритет отдается тем обсуждениям, в которых содержатся заданные ключевые смыслы. Например, сегодня вас интересуют разговоры о погоде или о подготовке экспедиции на Терцию. Вы задаете темы разговоров и этим определяете текст, который будет выведен первым, если, конечно, в действительности такая тема была затронута. Скрытность канала непреодолима. Обычный узкополосный приемник, конечно, примет этот сигнал, если оператор или автомат смогут мгновенно настроиться на несущую частоту, что весьма затруднительно. Но проанализировать его, расщепить, так сказать, на искомые составляющие не смогут. Принятое сообщение будет выглядеть как одиночный импульс шума. Ничего полезного извлечь из него не удастся.

– Очень интересно, – сказал Координатор. – Вы продолжаете удивлять меня, Клупп. Как же вы собираетесь поступить с Никанором?

– На этот счет у меня пока никаких соображений. Будем совершенствовать дальше. Вдруг пригодится.

– Вот что, дорогой господин Клупп, – сказал Координатор серьезно. – Предлагаю сдать это чудо в аренду. Мне.

– Я с удовольствием подарю его вам, господин Координатор.

– А приемник?

– Разумеется, вместе с приемником.

– Договорились, – сказал Координатор. – А теперь, простите, дела, дела...

11

Цель командировки была определена четко и коротко: ознакомиться с условиями существования рабочих плебеев и, главное, выяснить, чем объясняется неуклонное в последние весны уменьшение численности подрастающей смены.

Адам преодолел формальности, принял в память коммуникатора деньги на расходы. Представительские документы были уже отправлены в ведомство губернатора Континента, где его ждали.

«Ничего не поделаешь, – думал он опустошенно, – приходится все принимать как должное, терпеть. Но почему так неловко начинается моя жизнь? Мне всего двадцать весен, я молод, полон сил, позади долгий изнурительный труд, бесконечные лекции, лабораторные занятия. В результате успех – я лучший выпускник года, у меня высокий коэффициент интеллекта и право на выбор любого занятия. Но получилось, что я трусливо бегу прочь, подальше от этого города, от своего прошлого, от жалкой, изнуренной девушки, бережно сохранившей память о событии, наверное, главном в ее жизни. А в моей изощренной памяти, вместившей огромный объем информации, ничего из того времени не уцелело – память моя пуста, и от этого мне почему-то грустно...»

На всю поездку отводилось четырнадцать дней.

Он собрался быстро. Рюкзак, пара рубашек, запасной комбинезон, мелочи нижней одежды, коммуникатор с усиленным аккумулятором, заряженным под завязку, пачка визиток на случай, если придется бывать на официальных встречах, – все, что может понадобится молодому выпускнику в путешествии за пределы родного Острова, не имеющему связей с остальными людьми, не отягощенному никакой собственностью.

Впереди открывалась новая жизнь, так не похожая на прежнюю. В этой жизни не будет места Тее – в этом он был уверен. И еще, он знал, что вернется из командировки другим человеком.

Оставалось выполнить последнее обязательство – навестить деда Гора и попрощаться.

Существование деда нарушало равновесие в рассуждениях Адама о самом себе, придавало им шаткую недосказанность.

Поступив в университетский пансион, он узнал из книг по естественной истории, что дед – это отец его отца, что отец находится между внуком и дедом, что он обязательно есть у каждого человека. С тех пор возник и приобрел остроту вопрос об отце. Ведь в его случае по непонятной причине была определенно нарушена естественная последовательность, то есть из цепочки родственных связей выпускалось обязательное звено – отец. Он задал деду прямой вопрос об отце. Дед, ничего не ответил, стал расспрашивать, откуда взялся этот вопрос. Не получив вразумительного ответа, мягко попросил потерпеть, объяснив внуку, что еще не наступило время говорить об этом.

Если бы дед сказал, что отец умер, вопрос немедленно отпал бы как неуместный, но поскольку дед не сказал ничего определенного, Адам сделал заключение, что его отец жив. Он перестал задавать этот вопрос – за ним не оказалось ничего, кроме пустоты.

Позже, повзрослев, он пришел к мысли, что отца у него не было вовсе. Здесь помогли сверстники, у которых отцов тоже не было. Правда, отличались они тем, что у них не было также дедов. Разумеется, в биологическом смысле отцы были у всех, только определить их, назвать по имени никто из них не мог. Все они были детьми-анонимами. Таков обычай испуленных, объясняли взрослые, и, главное, таково требование Закона. И хотя это было против природы, о которой Адам все же имел некоторые представления, он постепенно потерял интерес к этой проблеме – просто удалил ее из памяти до лучших времен.

Дед жил уединенно в горном районе Острова, куда проще всего было добраться на давно отжившей свой век открытой колесной тележке, какой не встретишь в городе, – на городские улицы их не допускали. Неказистые внешне, они были незаменимы для недалгих перемещений по старинным дорогам глухой провинции, и хотя давно не производились, отдельные экземпляры на всякий случай сохраняли в гараже университета и поддерживали в рабочем состоянии.

Получив разрешение на поездку, он отправился в гараж и велел приготовить индивидуальный транспорт. Дежурный робот проверил и снарядил для недалней дороги приземистый четырехколесный экипаж и выкатил его из ангара. Адам уселся на место водителя, утонув в податливом кресле, мягко обнявшем тело, включил двигатель и на малых оборотах сделал пробный круг по центральной площади университетского городка. Мотор работал бесшумно, тянул уверенно. Он кивком головы поблагодарил робота-механика за отличную работу, тот в ответ молча приподнял широкополую шляпу. Адам уже знал, что гаражных роботов лишили голосовых синтезаторов по доносу какого-то большого начальника, обвинившего их в излишней болтливости в рабочее время.

Дед был единственным человеком, к которому Адам питал родственные чувства – так называл эти чувства дед. Однако официально именно этих чувств следовало стыдиться – они презрительно отвергались. Адам не искал объяснений странным обычаям, понимая, что объяснения находятся в столь далеком запретном прошлом, куда даже мысленно отправляться не следует, тем более не стоит обсуждать эти вопросы с другими.

Он послушно принимал то, что ему предлагалось в качестве образца общепринятого поведения, вызывавшего в нем скрытый протест и, конечно же, не распространявшегося на его отношения с дедом.

Включив коммуникатор, Адам назначил координаты цели поездки и перевел управление с ручного на автопилот. Тележка неспешно вынесла его за пределы города, а по старой разбитой дороге, проложенной по горному склону, рванула, строго придерживаясь осевой линии и автоматически выбирая оптимальную скорость.

Спустя час движения, напоминающего полет, слева, на восходящем склоне зеленой горы, проявилась светлая крыша поместья деда с возвышающимся над нею размашистым ветряком-трудягой. Дорога совершила последний крутой поворот налево, распрямилась и поднесла Адама к крыльцу дедова дома.

На пороге стоял дед Гор, щурил глаза от солнца, бьющего в лицо, и широко улыбался.

– Не ждал, не ждал, – заговорил он. Подошел, обнял Адама, прижался к нему. – Как же ты вовремя приехал, милый, если бы ты только знал. Пойдем в дом.

Адам любил уединенное жилище деда, где даже в летний зной было прохладно, где тишину нарушал только шелест древесных листьев, тревожимых налетавшим ветерком.

Жилая часть дома располагалась в первом этаже и состояла из двух скудно обставленных комнат и общей гостиной. Небольшая комната со скошенным потолком, его комната, помещалась в мансарде и особенно нравилась Адаму. В нее вела узкая винтовая лестница. Крыша из гладкого серебристого металла накрывала дом двумя наклонными крыльями и из-за больших выпусков была намного шире собственно дома. Потому, на взгляд со стороны, сооружение казалось внушительным по размерам. Над крышей, в верхней ее части, высилась мачта ветряной электростанции – допотопное сооружение, которое почему-то нравилось деду и отказываться от которого он никак не соглашался. Окна дома от пола до потолка были из цельных стекол и не представляли преград для света. Человек, находящийся в доме, чувствовал себя одновременно вне его, так неразрывно были связаны внутреннее пространство жилища и окружающая природа. В доме не было ничего лишнего, только те предметы, без которых невозможно представить загородное жильё.

Вокруг дома ожерельем выстроилась рощица пышных малорослых деревьев – яблонь, слив, абрикосов. Их ветви, отягощенные созревающими плодами, клонились к земле и оставались целыми лишь потому, что были искусно подкреплены множеством аккуратных подпорок. Между стволами деревьев зеленела трава. Такой буйной яркой зелени Адам не встречал нигде в городе. Там по непонятному требованию властей траву старательно истребляли. Этому странному обычаю обязаны были следовать все жители Острова. Здесь же трава росла, как хотела, вопреки принятым правилам ее никто не преследовал и даже не косил, что было неясным вызовом деда по отношению к существующим порядкам.

И еще, у деда были книги, множество книг на открытых стеллажах, покрывавших стены гостиной. В книгах были сосредоточены знания о цивилизациях, существовавших на планете в незапамятные времена. Правда, большинство книг было на столь древних, давно забытых языках, что читать их мог только дед да еще несколько стариков – университетских профессоров. По Закону сведения, заключенные в томиках и томах, считались крамольными и для обывателей были практически недоступны.

В прежние времена друзья деда регулярно собирались в поместье и предавались любимому обычаю: говорили и говорили на древних наречиях, звучавших чудно, загадочно. Адам не раз бывал свидетелем этих бесед. Едва он успевал привыкнуть к одному языку, обнаруживая корешки знакомых слов и начиная улавливать первый смысл, как они переходили на другой язык, в котором знакомые слова встречались реже, и напоследок звучал язык, в гортанных звуках которого не было ни одного знакомого слова, но была музыка, говорящая больше слов.

Адам испытывал счастье, наблюдая кружок убеленных редешими сединами стариков, которым по всеобщему убеждению давно было пора на покой. Но так думали молодые исступленные, еще не испытавшие угроз возраста, так не думал дед, самый старший из них, единственный, кто был способен защитить своих немногочисленных друзей. Когда-то он выторговал у Владетеля неслыханную привилегию – расставаться с друзьями разрешалось ему одному, никто не осмеливался нарушить тихое таинство их общения, а тем более понудить стариков помимо их воли закрыть за собой дверь...

Старики, сколько помнил Адам, жили надеждой на возрождение в университете кафедры мертвых языков. Даже мечтали набрать студентов и основательно выучить их. Однако сенаторы во главе с Владетелем при каждом обсуждении проекта решительно выступали против. Свое несогласие они объясняли просто и довольно логично. Во-первых, тем, что от туманной затеи не ожидается никакой практической пользы, что делает ее по меньшей мере сомнительной. Во-вторых, прибавится хлопот службам надзора, ведь крамольные мысли, содержащиеся в книгах, постепенно станут достоянием растущего числа носителей, а этого допустить было нельзя ни в коем случае. И в-третьих, уж если народ примет крамольные мысли как свои, обязательно жди беды. Итогом таких обсуждений было общее положение, возведенное в Закон, о самом жестком запрете любых попыток вывести ум исступленных из состояния тихой спячки.

Малозаметным для народа итогом последнего обсуждения проекта стал полный запрет на общение стариков, к которому они привыкли. Гору было предписано оставаться безвыездно в уединении. Его друзьям категорически запрещалось навещать его, а Антону выходить за границы университетской территории.

Разделенные старцы за несколько весен догорели один за другим. В живых остался последний – дед Гор.

– Мои преданные друзья, – говорил дед, оглаживая корешки бесценных переплетов. – Я мечтал, что они переживут меня и останутся жить, когда я уйду... Скоро конец, Адам. Иногда представляю, что книги погибнут, и меня охватывает ужас. Неужели они обречены? Мне стало известно, что их исключили из перечня ценностей, подлежащих упаковке. Видно, власти решили полностью оторваться от родины, от предков. Вытравить память как нечто ненужное, противное природе. А ведь, мальчик мой, нет ничего страшнее, чем утрата памяти. Это говорю

тебе я, человек, принимавший по молодости самое активное участие в избавлении от памяти, наивно доказывавший выгоду, которую можно получить, если жить одним днем и ничего не знать о том, что было до тебя. Стыдно, что я приложил руку к этой бредовой затее. Теперь каюсь, но уже ничего не исправишь... Идеология государства дело важное, долгоживущее, особенно если ее удалось внедрить в сознание народа.

– Мы что же, действительно должны покинуть Землю?

– Вынуждены, так будет точнее. Решение было принято давно, сразу же после того, как Владетелем был избран... нынешний наш владыка – за тридцать весен до твоего рождения. Миновало три сотни весен с тех пор, как открыли Терцию. Первую экспедицию посещения постигла неудача. На обратном пути они сбились с курса – не смогли удержаться на траектории возврата, а вскоре закончилось горючее. Однако информация была получена, из нее стало понятно, что Терция похожа на Землю, но почти без атмосферы и с ничтожным количеством воды. Последующее посещение удалось. Почти восемьдесят весен Терцию обживают, формируют атмосферу. Трудности колоссальные. Насколько мне известно, атмосфера еще не накоплена, всего около двадцати процентов земной, прижились и уже размножаются растения высокогорий, завезенные с Земли. Для их жизни пригоден низкий уровень кислорода. Первые сотни весен предстоит жить в скафандрах. Но иного выхода нет. Суша продолжает тонуть, ресурсы исчерпаны, ископаемые выбраны. Главное, истреблена растительность, леса уцелели только в заповедниках Континента, но и к ним уже подбираются и скоро сведут окончательно. Впереди тупик, если сидеть и ждать. По расчетам экономистов, близок момент, когда промедление только усложнит ситуацию. Если переселение отсрочить сейчас, едва ли удастся подготовить его в обозримом будущем. Через два-три десятка весен о переселении придется забыть. – Дед замолчал. Сосредоточился, проговорил: – Мне бы найти того, кому я смогу передать эти сокровища. Сколько я еще протяну?

– Кому ты доверишь свое богатство? – спросил Адам.

Дед не ответил. Сидел, съжившись в старом своем кресле, в котором Адам так любил засыпать после обеда, когда был маленьким и целиком помещался в неизменно теплое его нутро.

– С этим справится только... плебей, – нарушил молчание дед.

– Кто же позволит плебею?

– Позволят. Найти бы подходящего... Мы отняли у них возможность учиться. В резервациях давно нет настоящих школ. Формально школы, конечно, есть, но учатся в них только два года и изучают единственный предмет – Закон. Точнее перечень наказаний, которым подвергают плебея, нарушившего Закон.

– Ты никогда не говорил мне об этом... – сказал Адам.

– Я боялся за тебя.

– Расскажи, дед. Я постараюсь понять.

– Ты вырос у меня на глазах, Адам. Я всегда относился к тебе как к самому близкому, родному человеку. Я мечтал, чтобы ты, как все наши люди, став мужчиной, завел женщину на одну или две весны. Чтобы исполнить свой долг и чтобы после тебя появилась новая жизнь... Но теперь, на старости лет, я стал понимать, так поздно... разве можно связать себя с одной из этих... синеватых курочек? – Дед возвысил голос. – Да, я утверждаю, они синеватые... и удивительно пошлые. – Он помолчал и заговорил вновь, но теперь едва слышно: – Терпеть не могу пошлых, синеватых девиц... Девица должна быть жизнерадостной и открытой. Она должна охотно идти навстречу, должна быть насыщена жизненной силой, в ней должно быть будущее... – договорил он, не спуская внимательных глаз с Адама. – Ты должен знать, внук, только плебейка тебе ровня. Запомни это, мальчик.

– Не слишком ли, дед?

– Нисколько.

– Такие разговоры, мне кажется, не следует вести...

– Плевать! – Гор строго смотрел на Адама, в его глазах не осталось смеха, его глаза были цвета стали. – А ты, оказывается, уже отравлен, внук. Я не заметил. Теперь поздно...

– Я никогда не встречал плебеев, – оправдался Адам. – Как я могу судить о них? Тем более, об их девушках...

– Ну да, ведь плебеев не пускают на Остров. Тайком завозят женщин, родивших ребенка. Используют как доноров крови. Органы для пересадки... выращивают в живых здоровых людях. Дальняя лаборатория работает на крови и органах несчастных.

– Меня посылают в командировку на Континент. Я там во всем разберусь. Обещаю, дед.

– Может быть, разберешься... если позволят. Мы виноваты перед ними. Когда-то, очень давно, плебеи были угрозой для исступленных. Никто не знал, что с ними делать. Находились умники, предлагавшие радикальный выход, – уничтожить. К счастью, оголтелым глупцам не удалось получить большинства в Сенате. С тех пор решение судьбы плебеев откладывают каждую полную сотню весен. Пока договорились оставить все как есть и больше к этому вопросу не возвращаться. Их обрекли на изнурительный труд, на скудную пищу, едва способную восстанавливать затраченную энергию. Находились смельчаки, предлагавшие отпустить их с миром, пусть живут, как смогут. Но такой вариант был чреват большими проблемами в будущем. Понимали, что исходно плебеи совершенно здоровы, и если их поставить в одни условия с исступленными, они очень скоро возьмут верх. Тогда же возникла идея тотального контроля. Придумали сережки – биологические контроллеры, способные существовать в симбиозе с живым организмом. Их имплантируют в ушные мочки в совершеннолетие, и плебей на всю короткую жизнь попадает под надзор. Контролируют все: перемещение в пространстве, физиологические отправления организма, интенсивность мыслительной работы... Людей превратили в биологических роботов. Автоматически фиксируется, например, возбужденное состояние – верный признак назревающего бунта. Управляют плебеями сами плебеи, выделившиеся из сообщества и получившие неслыханные привилегии. Им разрешают жениться, вести вне службы самостоятельный, домашний образ жизни. Пока не разрешают иметь детей в традиционном понимании, то есть заводить, пожалуйста, заводите, но воспитывать – ни в коем случае. Они живут в собственных жилищах с постоянными женами, причем поощряется многоженство. Однако забеременевших женщин и у них, как правило, отбирают. Те рожают в инкубаторе и исчезают – навсегда. Самые здоровые попадают в Дальнюю лабораторию. – Дед замолчал. Он сидел, понурившись, закрыв глаза. Но встрепенулся и продолжал: – И все же плебеи, как я говорил, имеют серьезные преимущества – они совершенно здоровы, у них нормальная кровь, они сильны физически. Сегодня они воспроизводятся ровно в таком количестве, какое нужно промышленности, причем для подавляющего большинства размножение происходит самым невероятным образом. Применительно к животным это называется спариванием, случкой, осеменением. Для них – свадьбой. Берутся девушки шестнадцати лет и парни из рабочих – женихи и невесты. Девушек не спрашивают, согласны ли они вступить в брак с назначенным партнером. Они беременеют, их заключают в инкубатор до родов. Рождаются дети, здоровых оставляют жить... И только славы, которых также причисляют к плебеям, сохраняют традиции нормальной семейной жизни – один муж, одна жена и при них дети. Но и у славов через одного отбирают подростков: девушек на свадьбу, юношей в шахты. Ты, верно, заметил, что ни я, ни ты не страдаем от болезни крови?

– Заметил. А почему, не знаю.

– Открою тайну: мы с тобой вопреки Закону рождены... плебейками. Из племени славов. Они дали нам жизнь и вместе с ней здоровую кровь. Выносили нас в собственном чреве, не в пробирке и кювете, родили в муках, оставили жить на земле. А сами ушли, закрыв за собой дверь...

– Получается, что у меня была настоящая мать? Ты об этом никогда не говорил, дед. Никто не говорил... Теперь я понимаю, почему на меня смотрят как на чужака, сторонятся... И ко всему эта странная Тея. Утверждает, будто нас обручили в детстве. А я ничего не помню. Мне сказали, что она дочь самого Координатора...

– Ты прости меня, мальчик, я виноват перед тобой. Я был вынужден согласиться и упрямил тебя, а если быть честным, вынудил пойти на этот шаг. Он настаивал – с ножом у горла. Дело в том, что ему известна некая тайна, бросающая тень на дорогого мне человека. Я сдался, не выдержал давления. Теперь дочь Координатора выросла и предъявляет свои права... Тебя заставят жениться...

– Ни за что. Эту задачу, дед, я уже решил – окончательно. Я не поддамся. Что касается Теи, она погорюет, найдет себе подходящую пару, успокоится. Я заметил, что некоторые мои товарищи внимательно поглядывают на нее... Рассчитывают, что Тея обеспечит им по крайней мере надежную карьеру. Так что о Тее, дед, больше не говорим, считаем, что ее нет и никогда не было. На самом деле у меня совершенно другая проблема. Я хочу, чтобы ты наконец ответил на единственный вопрос, который меня по-настоящему интересует: кто мой отец? Но ты молчишь. Остается самостоятельно разобраться в проблеме. Надеюсь, теперь у меня есть право знать?..

– Конечно, есть, – сказал Гор, помолчав. – Но, прошу тебя, не спеши. Подожди и ты все узнаешь. Это время придет довольно скоро, не торопи его. Все тайное рано или поздно становится явным. Потерпи. Пока же я не имею права говорить. Я обещал, а обещания нужно исполнять... Так-то, мой мальчик... И еще: я уверен, незнание в твоих интересах. Ничего не поделаешь, к сожалению...

До позднего вечера Адам оставался в доме деда. Они провели время в спокойной беседе, но больше, точно сговорившись, не возвращались к сложному утреннему разговору.

– Напоследок я вот что скажу тебе, внук, – сказал дед, прощаясь. – Найди свою женщину на Континенте. Ты еще не знаешь, что такое любовь. Можешь никогда не узнать, и это печально... Помни, что я верю в тебя, Адам, и люблю...

12

Приближение опасности первой обнаружила Кони, старшая жена губернатора Континента Верта.

Последнее время они общались редко – от случая к случаю. Кони уже не помнила, как давно они говорили с глазу на глаз. Жила она в небольшой полутемной комнате в дальнем крыле резиденции губернатора. Из ее комнаты имелся независимый выход в садик, который она разбила в полузабытые счастливые времена, а теперь каждодневно поддерживала в чистоте и порядке, оберегая от посторонних вторжений. В конце концов она настолько обособилась от остальной шумной жизни просторного дома, что ее перестали замечать, а там и вовсе забыли. Однако она продолжала жить, оставаясь человеком покладистым, незлобивым, навсегда смирившимся со своей судьбой, как говорится, от добра добра не ищущим.

Она была бесконечно благодарна Верту за все, что он для нее сделал.

Во-первых, перечисляла она мысленно, как ежеутреннюю молитву, он выбрал ее на весенней свадьбе, где созревших девчонок распределяли между работягами. Явился на смотрины в последний момент, когда огласили ее участь и назвали имя напарника на предстоящую ночь. Своей властью Верт переиграл решение жюри и увел Кони с собой, пропустив мимо ушей отчаянные вопли назначенного партнера. Так она избежала пропахшей потом подстилки долгового лысого плебея в драном хитоне. Она охотно пошла за Вертом и осталась при нем на долгую жизнь.

Во-вторых, он не отнял у нее сына, которого она вопреки Закону родила дома, а не в инкубаторе, где женщинам Континента полагалось рожать. Мальчику посчастливилось прожить при отце и матери первые восемь весен жизни, и только тогда его затребовали в инкубатор. Позже, используя полученное ее стараниями достойное развитие, он поступил в техническое училище и выучился на горного мастера. Теперь живет обеспеченной, сытой жизнью в далеком поселке шахтеров. Он даже сделал попытку забрать мать на свое иждивение, но Верт воспротивился, не позволил, и она покорно осталась при нем.

В-третьих, он не избавился от нее, когда взял в дом вторую жену и у нее родилась девочка, которую сразу же после рождения пришлось поместить в инкубатор.

И вторую жену Верт удержал в доме, женившись в третий и четвертый раз. И опять рождались дети. Их сразу же отправляли в инкубатор, а юные жены оставались под его кровом и защитой.

Кони упрямо продолжала любить и почитать Верта, своего единственного мужа – так она верила, хотя он давно не останавливал на ней свой взгляд – попросту не замечал. Она же внимательно наблюдала за всем происходящим в доме, обо всем имела независимое суждение и, будучи человеком скромным, добровольно смирившимся с отведенным ей местом, никогда ни во что не вмешивалась.

Особенно чутко она отмечала малейшие перемены в настроении мужа, ей в голову не могла прийти мысль назвать его бывшим мужем. Она была постоянно настроена на анализ его энергетики, иногда казалось даже, что ей удается с легкостью проникать в самые потаенные мысли Верта.

Но однажды, не выдержав напряжения, она набралась смелости, явилась к Верту без вызова и выложила ему свои опасения. По его благодарному отклику она поняла, что поступила правильно. Он и сам извелся от предчувствия опасности, сознавая, что копится нечто серьезное, что может изменить и даже разрушить их устоявшуюся добрую жизнь. Он верил в предчувствия вообще, а в предчувствия первой своей жены верил особенно. И сумма предчувствий близкой беды порождала в нем тихую панику.

Его высокое положение действительно пошатнулось после того, как дела на Континенте, которым он управлял в течение непостижимой бездны времени, заметно пошли на спад. Начались небывалые неприятности – перебои с поставками стратегического сырья для фабрик Острова, чего никогда не случалось прежде. Снизился выход новых рабочих из инкубаторов, что было одной из главных его забот. Выросло число неучтенных плебеев, что также настораживало.

Уверенность в близком крушении овладела Вертом после его обстоятельного и на невнимательный взгляд безобидного разговора с Координатором, которого он во внутренних своих рассуждениях уважительно именовал хозяином. Во время этого разговора Координатор со свойственным ему чувством меры не высказал никаких претензий прямо, что иногда позволял себе, а всего-навсего сообщил обиняками, между слов, что на Верта больше не рассчитывает. На его место давно следует подобрать расторопного и непременно преданного молодого человека, способного в кратчайшие сроки поправить дела в провинции. И напоследок добавил, что именно такой молодой человек уже имеется на примете. И вообще, Верт давно устарел во всех отношениях и с этим неприятным, но естественным фактом необходимо считаться. И уж во всяком случае, сверх всякой меры засиделся он на своем очень теплом месте, пора бы и честь знать. Все это было сказано настолько непринужденно, в виде безобидной шутки, что не распознать истинных намерений хозяина мог разве что полный олух.

Губернатор Верт олухом не был, он был послушным и довольно удачливым исполнителем воли своего далекого благодетеля, которому был предан безмерно и безусловно.

Когда же поздним вечером Координатор повторно вышел на связь, воспользовавшись секретным стратегическим каналом, который в течение трех весен, прошедших с последнего серьезного конфликта, не использовался ни разу, предчувствие беды обратилось в уверенность ее скорого явления. Верт был уничтожен. Никогда прежде хозяин не вызывал его так поздно, не беспокоил сразу же после того, как они подробно обсудили свои дела. Значит припекло, решил он, если срочно понадобился старина Верт. Дело наверняка деликатное, предположил он, и, как обычно, не терпящее отсрочки.

– Верт, слушай меня внимательно, – заговорил хозяин, опустив обычное приветствие, и с первыми звуками его голоса, преодолевшего огромное расстояние и налившегося по пути страшной силой, у Верта подкосились ноги. Опускаясь в кресло, он едва не промахнулся и не сел мимо. – Я приготовил для тебя весьма деликатное поручение. Очень важное и, предупреждаю, совершенно секретное. Короче, дело состоит в следующем. В настоящий момент к тебе летит некий юный деятель по имени Адам, выпускник университета. Официально он командирован для изучения мероприятий, относящихся к восстановлению численности рабочих плебеев. Цель вполне невинная, как ты понимаешь. Но, как говорится, не верь ушам своим. На самом деле он не станет вдаваться в подробности, изучать документы. В документах полный ажур, к тому же с ними можно ознакомиться на Острове. Помни, что этот субъект из молодых да ранних, от него можно ожидать любой подлянки. Согласись, порой нам трудно понять, чего хотят эти зеленые выскочки. Так вот, мне стало известно, что он намерен изучить дела на Континенте, так сказать, изнутри, то есть собрать информацию непосредственно через общение с народом. Такой подход чреват самыми серьезными неприятностями для руководства провинции и, как ты должен понимать, для тебя лично. Никто не знает, какая дрянь всплывет на поверхность. Надеюсь, до тебя доходит, с кем предстоит дело иметь?

– Доходит, господин Координатор. Что я должен сделать?

– Знаешь, Верт, мне нравится в тебе одно похвальное качество, так редко встречающееся сегодня, – немедленная готовность действовать. Ты рвешься исполнять задание, даже толком не ознакомившись с ним. Такой подход мне по душе. Вот тебе задание. – Хозяин понизил голос и продолжал после многозначительной паузы: – Буду краток. Я крайне заинтересован в том, а ты не в меньшей степени, хотя, возможно, еще не до конца понимаешь, но это скоро пройдет,

чтобы этот человечек, этот Адам, этот шустрик навсегда, я повторяю, навсегда задержался в ваших благословенных краях. – Эти слова, неподдельное напряжение, с которым они были произнесены, заставили Верта подобраться и задержать дыхание. – И чтобы никогда, надеюсь, ты хорошо понимаешь меня, никогда больше я не слышал этого имени. – Вновь наступила пауза. Верт почувствовал облегчение: вызревало нечто, что определенно было ему по силам. – Если же ты меня подведешь, Верт, – продолжал хозяин в своей напористой манере, – тогда... Тогда я тебе не завидую. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду.

– Понимаю, господин Координатор. Расшибусь в лепешку, но сделаю все, что вы мне желаете поручить.

– В лепешку, говоришь? А вот это как раз ни к чему. – Голос хозяина помягчал, теперь это был сообщник, едва ли не друг. – В лепешку следует тех, кого мы с тобой... приговорили... С нетерпением жду доклада о мероприятиях по...

Связь оборвалась. Верт откинулся на спинку кресла, слишком высокую и неудобную для него. «На этот раз, кажется, пронесло, – думал он. – На какое-то время катастрофа откладывается, господа».

Он связался с портом, узнал, когда приземлится грузовик. Оказалось, что носитель уже на экранах индикаторов посадки. Времени оставалось в обрез. Он вызвал машину, натянул форменную куртку, спустился вниз.

Машина стояла у подъезда – приземистый камуфлированный экипаж, в котором он любил носиться по городу для устрашения обывателей. За рулем сидел его личный шофер Теля. Верт уселся рядом с водителем, коротко бросил: «Вперед!» Теля сорвал машину с места.

Они летели по спящему городу в направлении офиса губернатора и остановились перед его ярко освещенным подъездом.

– Отправляйся в порт, – сказал Верт, выбираясь из машины. – Возьмешь пассажира с Острова. Имя гостя Адам. Доставишь в гостиницу. Я распоряджусь. Все понял?

– Понял, – сказал Теля.

– Действуй!

Поднявшись в свой кабинет, Верт связался с Кентом, начальником полиции безопасности, и приказал немедленно выслать в порт дежурную группу, а когда тот поинтересовался, с каким заданием, вспыхнул:

– Слушай меня, Кент, очень внимательно. У меня небольшая проблема. Короче. В последнее время мой личный водитель Теля вконец отбился от рук. Я давно заметил, что этот придурок регулярно по вечерам без моего ведома отправляется в порт. Предполагаю, что у него там какие-то делишки, не исключая, подружка из персонала. Но это бы еще ничего. Он меня беспокоит своим разнузданным поведением, нарушает порядок – бросает машину в неподобающем месте, исчезает надолго. Словом, ведет себя как большой начальник. Люди знают мою машину, докладывают. Я выговариваю Теле, а ему наплевать. Не доходит, когда обращаются по-хорошему. Считаю, что пора разобраться по-плохому. Хочу поручить это дело твоим архаровцам. Справятся?

– Обижаете, – сказал Кент весело.

– Ну, вот и ладушки. Пусть отправляются. Об исполнении доложишь. Накажите его как следует, не жалейте. Чтобы надолго запомнил.

– Будет сделано, – пообещал Кент. – С превеликим усердием.

Связь оборвалась.

«И всего-то дел, – думал Верт. – Кент, как всегда, говорит мало, больше действует. Похвальное свойство. Теперь можно жить дальше. Хорошо бы жениться». От этой неожиданной и простой мысли потеплело внутри. Вспомнил, какую потрясающую девчонку присмотрел во время последней поездки в колонию славов. «Как же хороша, – продолжал он думать, – просто невероятная девочка вызрела на просторах Континента. Имя загадочное, округлое, как

она сама, – Ева. Кто-то из свиты напомнил – так звали прародительницу всех людей. Редкое имя. Произносишь его, и улыбка невольно смягчит губы. Какая девушка! А ведь обречена на свадьбу. Достанется, несчастная, вонючему козлу... Невыносимо».

Верт спустился вниз, сел в дежурную машину, направился было к дому, но передумал, развернулся и рванул по шоссе, ведущему в порт.

«Кент, что ни говори, достойный человек, – размышлял он, – исполнительный, верный, но работать по приезду будет не сам – его люди. А уж что придет в голову этим прохвостам, лишенным строгого присмотра, неведомо. Потому совсем нелишне подстраховаться».

13

Стратосферный носитель оказался обычным грузовиком, курсирующим раз в неделю между Островом и Континентом. В главном порту Острова Адаму объяснили, что регулярные пассажирские полеты на этом маршруте давно не выполняются, летают одни грузовики, но беспокоиться не стоит – в носителе оборудован вполне комфортный отсек, в котором господин будет единственным пассажиром.

Грузовики перевозили на Континент крупногабаритное оборудование для ремонта шахтных механизмов, продовольствие для плеебеев, роботов на смену, комплекты для их ремонта. Обратными рейсами забирали сырье для обоганительных фабрик Острова, из которого в числе прочих продуктов получали концентрированное топливо для носителей и, в первую очередь, для готовящейся экспедиции на Терцию. Важным грузом, о котором остерегались говорить вслух, были юные женщины для Дальней лаборатории, успевшие родить детей и вынужденные оставить их в инкубаторе.

В покойной пассажирской каюте, где Адаму предстояло в одиночестве коротать полтора часа полета, было жарко и душно. Расслабляющая сонливость овладевала им, сознание туманилось, он сдерживался из последних сил, чтобы не заснуть, – в дыхательной смеси явно недовываало кислорода. Какое-то время он терпел, но все же был вынужден обратиться к роботу, мимоходом заглянувшему в каюту, – попросил увеличить концентрацию кислорода.

Робот в щегольском мундире из блестящего пластика невежливо отмахнулся и проворчал:

– Атмосфера в норме, температура в норме... Для нас достаточно...

– А для нас – нет! – крикнул Адам.

– Наблюдаю только одного пассажира, – сказал робот пренебрежительно. – Нас – множественное число, господин, а вы, как я вижу, совершенно один...

– А одному дышать не нужно?

– Вы напрасно волнуетесь, господин. В запасе лишнего кислорода нет – у нас строго по расходной ведомости... Нам еще лететь и лететь, а потом приземляться. Там дозаправят, тогда...

– Ты, кажется, договоришься у меня. Захотелось на запчасти? – Адам вспомнил сцену в столовой и то, как эта угроза подействовала на бедную Ольгу.

– Если ваша милость обладает такими полномочиями, – невозмутимо возразил робот, – Вава не будет против. На запчасти так на запчасти. Но, интересно знать, кто же тогда посадит носитель? Вы сами умеете, господин? Вава у нас поднимает и сажает носитель, а во время полета следит за приборами... Вава, господин, опытный и очень ответственный пилот...

Эта речь показалась Адаму убедительной, и он оставил Ваву в покое. Тот сообразил, что инцидент исчерпан, и немедленно исчез.

Спустя полчаса по трансляции объявили о вхождении в атмосферу и предложили приготовиться к приземлению. Адам развернул кресло спинкой в направлении движения, зафиксировал его, пристегнулся, устроился поудобнее. Прозвучал сигнал тревоги – началось торможение, сопровождающееся ударами и вибрацией. Его с ощутимой силой вдавило в спинку и подголовник. «Ускорение небольшое, – успел он подумать, – не больше 4 g».

Но вскоре движение выровнялось, приземление прошло незаметно. Вава действительно оказался опытным пилотом.

В здании порта, безлюдном в это позднее время, к Адаму подошел коротышка в форме и заговорил со странным акцентом, глотая и коверкая слова.

– Ты, короче, Адам?

– Я Адам, но не короче. В этом вы ошиблись, – ответил Адам как можно дружелюбнее.

– Большой вырос и сразу шутить изволишь? – спросил человек, заводясь, и уставился на Адама злыми узкими глазками. – Короче, ты у нас здесь шутить не изволь. Ты изволь выражаться понятно, а то ты так непонятно выражаешься. К твоему сведению я служитель местной власти, считай, полиции, пребываю в известных чинах – состою при машине господина губернатора Верта. Короче, со мной, шутить не положено. Вот так.

– Понял, – согласился Адам. – Шутить не буду, раз не положено. Я и не собирался шутить. Но если вам так показалось, что ж, прошу меня извинить, поскольку я еще не знаком с местными обычаями.

– Скоро познакомишься, – пообещал коротышка, и Адам подумал, что успел испортить отношения с первым же встреченным плебеем. – Теперь давай, дуй за мной, не отставай. У меня внизу тачка. Доставлю тебя в гостиницу. С ветерком, короче. Такое поручение дал мне лично господин губернатор Верт.

У подъезда под ярким фонарем стояла машина – распластавшийся над землей пятнистый экипаж.

Рядом переминался с ноги на ногу точно такой же человек, тоже в форме. Он умело перебрасывал увесистую резиновую дубинку с одной короткопалой ладони на другую.

– А ведь я тебя предупреждал, Теля, – напористо заговорил человек, когда они подошли. – Короче, чтобы не оставлял свой поганый драндулет где попало, особенно когда я дежурю. Предупреждал? Ты внял моим предупреждениям? И не подумал. Теперь я тебя арестую. Перекантуешься ночь в обезьяннике, авось поуменьшеешь. Пошли, короче!

– Кончай, Кока, цепляться. Я здесь по делу.

– Мне на твои дела плевать, ты понял? – не унимался Кока. – Ну-ка, пошел!

– Мы так давно с тобой не виделись, – попробовал вывернуться Теля, – а ты сходу, не разобравшись, покати бочку. Это, Кока, не по-дружески. Там, у меня в бардачке, припасено полбанки анисовой ... Готов поделиться по-братски, если не против...

– Ну уж нет, обормот драный! – заорал Кока. – Купить задумал? Меня не купишь. Повторяю для тупых: я тебя предупреждал. Теперь пеняй на себя. Что касается анисовой, вот что я скажу тебе, Теля: отродясь не пил с таким отребьем, как ты, и никогда пить не стану – не на того нарвался.

– Какой же ты придурок, Кока, – завелся Теля. – Как был придурком с рождения, так придурком и закроешь дверь. Пойми, голова садовая, ослеп, что ли? Со мной человек с Острова, важный перец, а ты... Не стыдно?

– Оскорбляешь при исполнении? – сорвался Кока на визг и тотчас из темноты возникли сразу три его двойника – плечом к плечу, с дубинками наизготовку.

Кока, увидев, что подросла подмога, шагнул к Теле и торцом дубинки, схваченной обеими руками, с размаха нанес ему страшный удар в солнечное сплетение, отчего тот, сдавленно крикнув, сломался пополам, обмяк и свалился замертво. Подросшие двойники, мешая друг другу, принялись молча и сосредоточенно молотить дубинками бездыханное тело. И унялись, только убедившись, что Теля не подает признаков жизни. Напоследок для полной уверенности каждый нанес по удару тяжелым тупоносым башмаком, как при игре в мяч, метя в голову, отчего голова несчастного, вяло катнувшись из стороны в сторону, упокоилась навсегда.

Дело было сделано. Оставался Адам, свидетель, взявшийся ниоткуда, наверняка исступленный. Внимание всех четверых немедленно переключилось на него.

– А ты кто такой? – отрывисто прошипел Кока, неровно дыша от понесенных затрат энергии. – Что-то, короче, я тебя совсем не признаю. Небось, чужак?

– Чужак, чужак, – обрадовались двойники, подзуживая. – А с чужаками, короче...

– ...мы говорим на своем языке, – зловеще договорил Кока.

Он прынул вперед и мимо, коротко взмахнув дубинкой, и изо всех сил огрел Адама поперек спины. У Адама от резкой боли потемнело в глазах и перехватило дыхание. Но он устоял

на ногах, сообразив, что бессмысленно объясняться с головорезами и на помощь рассчитывать не стоит – в этот час площадь была безлюдна. От нового замаха Коки он увернулся, вырвал у него дубинку и изо всех сил саданул его по голове. Тот мешком свалился под ноги, замер.

Двойники опешили – перед ними стоял широкий, большой человек, изготовившийся к отпору.

- Делаем ноги? – неуверенно спросил один из них и отступил на шаг.
- Оно самоконечно, – согласился второй.
- Здесь нам не светит, – добавил третий.
- Старшой, по всему, выбыл из строя, – сказал первый.
- Так-то лучше, – унимая дыхание, сказал Адам.
- Мы тебя все равно достанем, сволочь, – сдавленно выкрикнул первый и отступил в тень.
- Никуда ты от нас не денешься, гад.
- Укокошил старшого, скотина, можно сказать... С одного удара, прикинь...
- Еще как достанем, – пообещали напоследок.

Адам остался один. Перед ним в луже крови, скрючившись, похоже, навсегда, лежали Теля и Кока. «Пора уносить ноги, – подумал он, остывая. – И чем быстрее, тем лучше».

Подумал было воспользоваться машиной Тели – добраться до офиса губернатора, но рассудил, что его обязательно спросят: куда девался Теля. На этот вопрос трудно будет ответить. Утром несчастных найдут, поднимут шум, и как же просто будет поверить, что в их смерти повинен он, пришелец, чужак. Нужно немедленно заявить...

Дубинку он решил припасти, она могла пригодиться на темных безлюдных улицах, хотя именно дубинка была прямым доказательством его вины, ведь на ней были отпечатки его рук, кровь Коки и Тели. Адам точно не знал, что полагается за убийство плебея. Хорошо, если позволят просто закрыть дверь. Этот выход казался ему не таким болезненным по сравнению с тем, что предстоит испытать, если начнут убивать, как убили несчастного Телю.

Он остановился, включил коммуникатор, вывел на экран карту города, нашел на ней офис губернатора, куда ему следовало явиться. Назначил оптимальный путь к цели и решил добираться пешим ходом, тем более что путь был недалгий.

Губернатор Верг досмотрел представление до конца, сидя в удобном кресле на втором этаже пассажирского терминала и потягивая из упругой пластиковой бутылки любимый легкий аперитив «Корона». В целом сценарий ему понравился, но финал... Финал следовало доиграть и как можно скорее.

Он видел, как уходил Адам, прихватив неведомо для чего дубинку Коки, как остановился, включил коммуникатор, наверняка изучил карту города и определил предстоящий путь. Шустрый мальчик, однако, подумал Верг и представил себе, с каким удовольствием пообщался бы с мальчишкой, если бы не странное секретное задание.

Он спустился вниз, подошел к своей машине. Дежурную, на которой приехал в порт, решил оставить на стоянке. Достал из-под сидения дубинку, еще не понимая, зачем она может понадобиться, осмотрелся. Огромная площадь была пуста.

Он подумал разыскать молодцов Кента и как следует допросить. Интересно узнать, как сформулировал задание Кент и что его обормоты станут врать. Его осенило: что, если именно Кента подразумевал хозяин, когда намекал о грядущих переменах и кандидатах? Не этот ли верзила между делом примеряется к должности губернатора?

Он скоро нашел их. Они сидели рядком на неосвещенной скамейке в сквере, примыкавшем к площади справа, и потягивали каждый из своей бутылки анисовую настойку – любимый напиток полицейских не только из-за приятного вкуса, но и потому, что другого спиртного в городе не продавалось.

Для плебеев, генетически склонных к разнузданному неодолимому пьянству, последние несколько десятков весен действовал строгий сухой закон. За продажу алкоголя плебею полагалось высшее наказание – он немедленно закрывал за собой дверь.

Вояки так увлеклись беседой, что не заметили подошедшего Верта.

– Вот я вас и застукал, голубки, – сказал Верт. – Чем это вы здесь занимаетесь, находясь при исполнении?

Опознав Верта, солдаты приподнялись, чтобы приветствовать, как полагается по уставу.

– Сидеть! – приказал Верт. – Отвечайте.

Они покорно плюхнулись на скамейку.

– А мы ничего, – обескуражено залепетал один из них, сообразив, что попались. – Нас послали сюда. Мы теперь ждем...

– Чего же вы ждете?

– За нами должны приехать.

– Обещали.

– Не топать же пехом. Далеко...

– Не бубните. В темпе изложите суть задания, – потребовал Верт и, когда понял, что им не очень-то хочется говорить, рявкнул: – Я слушаю!

Они вскочили, отбросив бутылки, вытянулись – руки по швам.

– Нас послал господин Кент. Коку назначил старшим. Мы должны были...

– Мы должны были укокошить какого-то чела. Кока сказал, что он ваш водитель...

– А заодно... клиента, который с Острова...

– Не бреши! Этого нужно было только попугать...

– Сам не бреши, понял, нет? Мне Кока сказал...

– Идиоты, – выдохнул Верт. – Сидеть!

Они послушно сели. Верт с короткого замаха, изо всех сил вложившись, опустил дубинку на череп среднего парня. Тот молча осел между двумя крайними, и, пока служаки соображали, что происходит, пытаясь поддержать товарища, двумя мощными рубящими ударами разделся с остальными. И только тогда напряжение отпустило. Он подумал, что Кент неточно выполнил его приказ и ответит за это.

От порта начиналось прямое широкое шоссе, скудно освещенное, пустынное. Оно плавно поворачивало налево и вливалось в мощную многополосную магистраль, разделенную бульваром. По магистрали время от времени со свистом проносились машины, огромные грузовые и крохотные легковушки на несколько человек, пробивая в темноте подрагивающие в вертикальной плоскости световые тоннели. Адам подумал остановить машину, попросить подбросить до цели. Но решил не рисковать и отказался от этого замысла – на всякий случай.

Спину саднило, заскорузлая от подсохшей крови рубашка присохла к ране. Он попробовал отодрать ее, но отрывать по живому было больно, и он оставил эту затею. «Добраться бы до гостиницы, – подумал он. – Принять душ, рубашка намокнет и ее можно будет снять».

Он не обращал внимания на машины, но одна зацепила его – показалась знакомой. Она выглядела совсем как машина Тели. Пролетела мимо, полоснув светом, и растаяла.

Наконец слева от шоссе возник частокол высоченных домов – начинался город. Дома стояли один за другим на равных расстояниях в строгом порядке и выглядели как двухсторонние пчелиные соты. Макеты похожих строений Адам видел зимой на выставке архитектурного факультета. Их достоинством считалось максимальное использование объема здания при минимальных затратах на сооружение и эксплуатацию.

Дом состоял из двух параллельных слоев шестигранных ячеек, связанных в прочную пространственную конструкцию. В промежутке между слоями помещались хозяйственные узлы, лифты и коридоры.

Каждая ячейка отливалась на заводе целиком и представляла собой небольшую жилую комнату. Стена, которая после сборки становилась наружной, была выполнена из выпуклого цельного стекла. По желанию жильцов его прозрачность можно было плавно изменять от полной до нулевой. Пространство между слоями было ярко освещено, что подчеркивало слоистую структуру дома.

Некоторые окна ярко светились, за ними чувствовалось движение – там были люди. Другие – затемненные – пропускали наружу едва заметные потоки света – и в этих комнатах присутствовала жизнь.

Из домов доносилась ритмичная однообразная музыка – унылое чередование сухих щелчков ударных инструментов – ни намек на мелодию. Одинаковые звуковые пакеты механически повторялись, перемежаясь вкраплениями изверченных человеческих голосов – то мужских, то женских.

Он шел мимо череды домов, и музыка шла вместе с ним. Громкость то увеличивалась, то уменьшалась, но это была одна и та же музыка, навязчивая, примитивная. И уже казалось, что от нее не избавиться, она закрепилась в сознании навсегда, он вечно будет слышать ее, подчиняться ей.

Наконец огромные дома остались позади, следом пошли аккуратные каменные коттеджи, предназначенные для одной семьи, с мансардами в одно или два окна и обязательно с гаражом для машины. Окружали дома небольшие ухоженные лужайки. Все пространство, занятое домами, охватывала высоченная сетчатая изгородь с колючей проволокой в три ряда по верху, укрепленной на фарфоровых изоляторах.

Музыка постепенно сошла на нет и отстала. Адам почувствовал облегчение. Здесь было тихо, довольно уютно и напоминало район столицы Острова, где жили первые доктора и кураторы университетских групп и где он сам со временем надеялся поселиться.

Начинало светать, когда он добрался до офиса губернатора. Парадные стеклянные двери конторы были закрыты. В глубине ярко освещенного вестибюля Адам рассмотрел дежурного, сидящего за столом в напряженной позе. Он помахал рукой, но тот продолжал сидеть. Адам повторил призыв – без результата. Тогда он постучал кулаком по стеклу. Человек, похожий на робота, ожил, поднялся, пошел к двери. Щелкнул замок, приотворилась створка. Это был действительно робот. Он уставился на Адама безразличными глазами.

– Я прилетел с Острова, – сказал Адам, зная, что робот не заговорит первым. – В командировку. Мое имя Адам.

– Здесь тебя ждут, – произнес робот механическим голосом, разделяя слова паузами. – С нетерпением. Но непонятно, почему ты пришел ногами. К тому же вас должно быть два – Теля и Адам. И еще машина господина Верта. Удивительно, но рядом с тобой совершенно нет никакого Тели. Как это объяснить? Как – это – объяснить, – для большей убедительности повторил робот.

– Теля встретил меня, – сказал Адам, – но нам не повезло. На нас напали какие-то люди в форме... Телю убили, к сожалению.

– Назови их имена, – потребовал робот. – Прошу извинить. – Он замер, слушая. Объяснил: – Идет информация. Да, господин губернатор. Он здесь, передо мной. Что я должен сделать? Не повторять вслух? Не буду, господин губернатор. Я хорошо умею хранить секреты. Понимаю. Не сердитесь, пожалуйста. Всего вам хорошего. – Он обернулся к Адаму. – Губернатор Верт сообщил, что Телю уже нашли и с ним еще одного. Они отдали богу душу. Предполагают, что это ты явился причиной их смерти. Но это только предположение. Тебя велено задержать – до явления господина губернатора. Так что заходи сюда. Сразу предупреждаю: не подчинишься, открою стрельбу на поражение. Докладываю: я очень метко стреляю, и если ты меня заведешь, тебе несдобровать. Ты все понял?

– Они напали на нас неожиданно, – попробовал оправдаться Адам. – Сначала расправились с Телей, потом взяли за меня. Кока изо всех сил ударил меня первым. Видишь? – Он повернулся к роботу спиной. – Было очень больно и обидно. Я вынужден был защищаться.

– Это действительно кровь, – определил робот. – Следует немедленно обработать рану. Ну-ка, пойдём. Я окажу тебе первую помощь. Ты должен знать: каждый робот обучен служить санитаром. Не беспокойся, я опытный санитар. У меня здесь небольшая больница. Лекарства и все такое... в достатке. На всякий случай. Пойдём скорее. Предупреждаю ещё раз: не вздумай рыпаться и не шути со мной. Я шуток не понимаю. Впредь зови меня Би-2.

Он развернулся на месте и пошел в глубину помещения. Адам послушно тронулся следом. У двери с красным крестом Би-2 остановился, рукой коснулся ручки, щелкнул замок, дверь распахнулась.

– Ложись сюда, – приказал он. – Это называется, если не знаешь, операционный стол. Пожалуйста, изволь лечь на живот, но сначала башмаки – долой. Таково требование гигиены. Не бойся, очень больно не будет. Почему-то люди первым делом боятся боли и страшно нервничают. Это неправильно.

Робот проворно натянул белоснежный шуршащий халат с красным крестом на спине и тонкие прозрачные перчатки. Завершив эти действия, застыл в позе ожидания.

Адам сбросил башмаки, взобрался на стол, растянулся во весь рост. Стол был короткий – ступни неловко свесились. Он слышал, как Би-2 возится в стеклянном шкафу с лекарствами. Звякнула склянка, обильная влага пролилась на спину, причиняя саднящую боль, потекла по бокам, пропитывая рубашку. Незнакомый острый запах лекарства ударил в нос. Тело обмякло, сделалось ватным. Адам понял, что засыпает и что сопротивление чужой воле бесполезно...

Би-2 включил канал связи.

– Все сделано, как вы велели, господин губернатор. Человек по имени Адам не сопротивлялся и после процедуры уснул. Сейчас обработаю рану и перенесу его в камеру. Проспит тридцать шесть часов. Сообщаю дополнительно: у него с собой была дубинка.

– Ты всегда отличался сообразительностью, Би-2, – сказал Верт, – и заслужил поощрение.

– Пожалуйста, поощрите Би-2. Напоминаю вам: очень хочу быть при кухне.

– Я помню, Би-2. Но почему при кухне? – удивился Верт.

– Люблю смотреть, как люди кушают – забавно. В них столько всего влезает...

– Да ты, оказывается, шутник, Би-2. Ладно, договорились, малыш. А маячок прицепить не забыл?

– Никак нет. Прицепил да так, что пациент ни за что не догадается.

– Конец связи, – сказал губернатор.

По его голосу Би-2 понял, что хозяин доволен, и повышение, о котором он мечтает, вскоре произойдет.

– Он у меня в руках, – докладывал Верт. – Слегка поврежден – самую малость. Но бездвиген и уже пролечен.

– Не перестарайся, Верт. Еще не время.

– Понял.

– Что ты собираешься делать дальше? – помолчав, осторожно спросил Координатор.

Верт тянул с ответом.

– Ты там что, язык проглотил?

– Не нужно волноваться, господин, – сказал Верт. – Я же объясняю: он у меня в руках.

– Но дальше, дальше... Что ты собираешься делать дальше? – уже кричал Координатор.

«Задело за живое, – подумал Верт. – Нервничает хозяин. Что-то здесь не так. Подергайся, мне это очень пригодится».

– Что захочу, то и сделаю, – спокойно сказал он. – Вы же знаете, если что-то попало мне в руки, ни за что не выпущу.

– И все же объясни, недотепа, что ты намерен делать?

«Сам ты недотепа, к тому же потерявший голову, – подумал Верт. – Стыдно так распускать нервы, господин Координатор».

– Я сделаю то, о чем вы просили, – твердо произнес Верт. – Или я вас неверно понял?

– Ну что ты, что ты. Ты все понял верно. – Координатор помолчал, соображая. Наконец, решившись, выкрикнул: – Знаешь что? Я подумал и решил: сделай это...

И сразу же связь оборвалась.

«Нужно ложиться, – размышлял Верт. – Сна ни в одном глазу. Теперь не заснуть. Разве что разбудить младшенькую? Она забавная со сна, горячая, мягкая... За ужином смотрела внимательно. Нет, только не это. Завтра будет день, новые заботы. Би-2 сказал, что гость проспел тридцать шесть часов. Для приведения приговора в исполнение вполне достаточно. А мальчишка хорош – на зависть. Просто удивительный мальчишка. И как только вырастили такого на Острове. Но... уж чересчур простодушный. Он виноват, в этом нет сомнений. Но кто виноват в смерти Тели и трех недоумков из ведомства Кента? Ведь кто-то же виноват, раз этих несчастных завтра не досчитаются на переключке. Начнется расследование – Кент без расследования не Кент. Ничего не поделаешь, придется найти виновного. Адам подходит? В самый раз! На этом, пожалуй, остановимся. Интересно, что запоет Кент. И можно ли доверять этому приبلудному? Никому нельзя доверять. Опять сам должен. Какой тут сон...»

Верт спешно оделся, вышел на улицу. Машина Тели, на которой он вернулся из порта, стояла у дома.

Двери открыл Би-2.

– Как пациент?

– Спит. Я перенес его в комнату для почетных гостей.

– Молодец. Ты говорил, что при нем была дубинка. Где она?

– Принести?

– И поспеши, – приказал Верт. – Только тщательно вымой. Я подожду в машине.

Несколько минут спустя расторопный Би-2 протянул Верту стандартную дубинку в пластиковом мешке.

Машина, попирая безлюдный проспект и надрывно рыча, неслась в порт.

«Ни одно дело не сделаешь с первого раза и до конца, – думал Верт. Ему полегчало. – Теперь нужно подчистить. Обязательно самому...»

Он остановил машину, не доезжая до площади. Трупы Коки и Тели были на месте. Он подошел к ним, дубинкой провел по мертвым головам несчастных – кровь еще не успела высохнуть. На укромной скамейке сидели, по-прежнему привалившись один к другому, три еще не остывших трупа. Верт вымазал дубинку кровью этих троих и вернулся к машине.

Оставалось самое простое – нанести на рукоятку отпечатки ладони Адама и можно передавать вещественные доказательства в лабораторию при ведомстве Кента. Дождаться официального отчета и напрямиком в суд. Теперь мальчишке несдобровать. Эта дубинка – приговор. «Вот как нужно вершить дела, господин Великий Координатор, а вы говорите, стар стал, не справляюсь...»

14

В течение двух недель, прошедших с вопиюще несправедливого наказания профессора Харта, Координатор ощущал себя неуверенно. Давили, лишали покоя смутные предчувствия, обострившиеся во время последней аудиенции. Он понимал, что определенно назревают, если уже не назрели, его личные проблемы, что его положение утратило прежнюю прочность. Владелец даже говорить с ним стал без должного внимания – необязательно, вскользь.

В результате долгих размышлений он вынужден был признаться самому себе, что остался один на один с опасностью, что предстоит борьба, что, как никогда остро, он нуждается в сторонниках – одному не устоять. Это означало, что нужны преданные люди, разделяющие его взгляды, и что искать этих людей следует в первую очередь среди молодежи.

Потому, переговорив с Клуппом, он решил обрести опору в лице этого незаурядного парня и первым делом назначить его на вакантную должность директора осиротевшего института психотроники взамен канувшего в небытие профессора Харта.

Эта должность была настолько высокой в технологической иерархии Острова, что назначение на нее Клуппа, предпринятое Координатором единолично, как говорится, на холодную голову, представляло собой откровенный вызов, не имевший прецедентов при последнем правлении. Правом на такое назначение обладал единственный человек – Владелец.

Координатор понимал, что самоуправство ему не сойдет с рук, что рано или поздно отвечать придется. Однако после расправы с Хартом что-то существенное надломилось в нем, пробудив острое, до того неведомое чувство протеста. Отныне, признавал он обреченно, во всех его мыслях и поступках обязательно, хочет он того или нет, будет присутствовать новая неожиданная составляющая – протест.

Несмотря на занятость, он всегда с самым пристальным вниманием относился к институту психотроники, понимая важность и перспективность работ, которые здесь выполнялись. Без предупреждения, как бы между делом, навевался в лаборатории, подолгу беседовал с глазу на глаз с Хартом, нередко привлекая к этим беседам Клуппа, самого толкового из подручных директора. Внимательно, до поры не раскрываясь, наблюдал, как Харт все более определенно и настойчиво ставит Клуппа рядом с собой, опирается на него в важнейших своих начинаниях, открыто провозглашает молодого ученого самым подходящим преемником.

Координатор оценивал Клуппа интуитивно, не понимая сущности его достижений. Ему было ясно, что ученик Харта умен, осторожен, умеренно честолюбив. Подтверждением этих похвальных качеств явилось высказанное Клуппом сомнение в способности возглавить после учителя старейшее учреждение государства. Видно было, что невероятное возвышение по службе его не столько обрадовало, сколько насторожило.

Когда же Координатор потребовал объяснений, Клупп поведал смущенно, что его выдвижение на руководящую должность произошло не в очередь, вопреки существовавшему испокон порядку, нарушение которого обязательно приведет к неизбежной напряженности в отношениях с коллегами. По его разумению, на пост директора могли претендовать по крайней мере трое: первый заместитель директора Морт, шансы которого, впрочем, были невелики по причине преклонного возраста, главный специалист Стив и давний приятель Стива, руководитель отделения Лири, с которым Стив дружил, яростно соперничая в любимых видах спорта – прыжках в высоту и контактной игре в мяч.

Своими мыслями он поделился с Координатором и скоро сообразил, что тот осведомлен о существовании претендентов, сплоченных долгой совместной службой в некий кружок значимых управленцев. Для краткости они именовали себя топ-менеджерами, с удовольствием смакуя устаревший термин, давно не означавший ничего определенного. Известно было, что это понятие совершенно не переносил Харт. Координатор знал также, что на протяжении мно-

гих весен эти трое вертели делами института как хотели, управляя безликим персоналом среднего и низшего звена.

Сам профессор Харт, по общему мнению, не был дельным администратором, хотя в течение длительного времени занимал чисто административную должность. Поглощенный множеством теоретических изысканий, он не испытывал большой охоты оглядываться по сторонам и хотя бы иногда наводить порядок в своем хозяйстве. Он поступил проще: давно и всецело перепоручил административные обязанности заместителю Морту. А уж дойти до того, чтобы однажды поставить на место зарвавшихся топ-менеджеров, просто не отваживался. Реальная жизнь представлялась ему в невероятно усложненном виде, она с трудом проникала в его большую, совершенно лысую голову.

Последние весны Харт, кроме Клуппа, почти ни с кем из коллег не общался, считая их ограниченными и пустыми людьми, на которых не стоило тратить силы и время. Он презрительно именовал коллег непонятым ископаемым словом «погремушки».

Клуппа Харт искренно уважал, видя его единственным достойным преемником в недалеком будущем. Клупп представлялся ему земным до мозга костей при почти полном отсутствии амбиций.

Разумеется, Клупп держал в мыслях такой поворот собственной судьбы, но, зная, что впереди Харт, никогда всерьез не помышлял о рывке вверх как о чем-то достижимом и близком, полагаясь на естественный ход событий.

К тому же он отчетливо понимал, насколько опасен путь человека, выделенного по той или иной причине из среды подобных и равных, потому никакой радости от предстоящего возвышения не испытывал. Отказаться же от назначения Клупп не посмел. В ученой среде отказываться от высокой должности истари считалось дурным тоном.

Он особенно заскучал после того, как телохранитель Координатора и одновременно его доверенное лицо вместе с лицензией на должность, ничего не объясняя, вручил ему связку ключей от опустевшего дома Харта. Тогда-то он окончательно осознал, что дело сделано и рассчитывать на возврат в исходную точку не приходится.

И все же, прежде чем принять столь высокое назначение, ему не терпелось узнать, не прояснилась ли подлинная причина, по которой так неожиданно оборвалась жизнь дорогого шефа.

Координатор подозревал, что судьба Харта не дает покоя Клуппу, что в его голове дозрели опасные вопросы. Потому, предвосхищая эти вопросы, он заранее мысленно сформулировал обстоятельную и довольно правдоподобную официальную версию и уже открыл было рот, чтобы изложить ее, как вдруг знакомо защемило под ложечкой от приблизившейся опасности в виде промелькнувшего в сознании острого профиля куратора Хрома. Он вовремя спохватился и промолчал. Клупп тоже смирил излишнюю любознательность и не стал задавать свой главный вопрос.

Скупно поздравив молодого человека с высоким назначением и выразив надежду на успешное и активное сотрудничество, Координатор внешне потерял к ученому интерес. Прощаясь, он все же пообещал, что в самом скором времени им предстоит встретиться для важной, обстоятельной беседы. Он пояснил, что встреча произойдет сразу же, как только Клупп примет дела, ознакомится с многочисленными исследованиями, которые ведутся в лабораториях института, выделит перспективные – их государство активно поддержит – и остановит или даже прикроет неактуальные.

Клупп был самостоятельным ученым, автором ряда отдельных прорывов в теоретических частностях, незаметно скомпонованных в гармоничную теорию. Его работы по нелинейным преобразованиям, автоматическому декодированию и глубокому анализу сигналов головного мозга человека были широко известны в узких кругах ученых самого высокого уровня. Харт

успел сделать его полным доктором, передав в личное ведение собственную лабораторию с вышколенным персоналом и первоклассным оборудованием.

Клупп никогда не забывал, что все значительное, что ему удалось сделать в науке, было предопределено Хартом, что он сам был порождением Харта и искренне гордился этим. Главные результаты его работ, воспринимавшиеся коллегами как откровения, были всего-навсего удачной материализацией путаных прорицаний и намеков учителя, щедро изливавшихся на голову внимательного ученика во время долгих вечерних бесед на открытой веранде дома Харта, ставшего теперь по наследству домом самого Клуппа.

Неожиданное исчезновение Харта решительно нарушило так ценное Клуппом равновесие жизни. Особенно сильно это прискорбное событие сказалось на его работоспособности. Одновременно в нем зародилось и вскоре окрепло крамольное предположение о несправедливости сурового наказания, которому подвергся профессор. Но вопреки своим рассуждениям он упрямо продолжал верить в высшую справедливость и успокаивал себя тем, что в кабинете Владетеля произошло настолько серьезное рассогласование позиций спорщиков, что даже малейших надежд на мирный исход не осталось.

Вместе с тем он все еще пребывал в подготовительной поре жизни, так как до тридцати весен оставался холостяком, не помышляя в ближайшем будущем осчастливить своим пристальным вниманием какую-нибудь юную мисс. Он полагал, что вопрос женитьбы, скорее всего, никогда не будет решен положительно, так как был без остатка поглощен занятиями. Времени на отвлечения у него просто не оставалось. К тому же в одиночестве он был счастлив безусловно, как может быть счастлив расторопный молодой человек с незапятнанной репутацией и отлично работающей головой, всеми своими помыслами устремленный к вершинам науки и уникального опыта, не обремененный житейскими заботами и семьей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.